

18+

Алиса Ларина

Лис, который украл моё сердце "

«Автор»

2026

Ларина А.

Лис, который украл моё сердце " / А. Ларина — «Автор», 2026

Как-то раз родители подарили Сон Джи игрушку. Сначала она просто лежала на полке. Потом — на кровати. Потом смотрела на неё, когда та спала. Студентка списывала это на усталость. На воображение. На то, что ей кажется. Но ей не казалось.. Однажды она пришла домой и нашла на кухне незнакомца. Он пил её соджу, носил её футболку и смотрел так, будто ждал этого момента всю жизнь. Она не знала, что это он следил за ней .. Не знала , что он больше не захочет уйти из её жизни.. Не знала , что её выбор повлечёт за собой не самые приятные последствия..

© Ларина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2 Игрушка, которая смотрела в душу	7
Глава 4 Слишком много вопросов оставалось без ответов	22
Глава 8 «Никто не приглянулся?»	43
Глава 9 Первая серия	51
Глава 11 Ложка за ложкой	65
Глава 14 Между нами — Джи	84
Глава 15 Мелодия на кончиках пальцев	87
Глава 19 Кофе на столе — и холод в трубке	110
Глава 20 «Ты не одна»	115
Глава 23 Пока лёд не треснул	130
Глава 24 Чай с мёдом и тишина	133
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Алиса Ларина

Лис, который украл моё сердце "

Глава 1 Погоня

Рыжий лис летел между деревьями, почти не касаясь земли. Его тело, переливающееся в тусклом свете уличных фонарей, двигалось с неестественной для обычного зверя скоростью. Каждый прыжок был точным, каждое движение — просчитанным до миллиметра. Казалось, само время подчинялось его бегу.

За ним гнались двое. Точнее, один из них действительно гнался, а второй... второй откровенно сдавал позиции.

— Быстрее, Чон Холь! — рывкнул Хын Гон, не оборачиваясь. Его голос звенел от напряжения, а алый костюм с нелепым пером на лацкане развевался на ветру, делая его похожим на рассерженную птицу. — Он сейчас уйдёт!

— Не гони так! — прохрипел его напарник, вытирая пот со лба. — У меня дыхания не хватает! А силы использовать нельзя, люди же всё видят...

— Трусливый пес, — фыркнул Хын Гон с таким презрением, что слова прозвучали как плевок.

Он резко вытянул руку вперёд, и его пальцы задрожали от напряжения. Тёмные вены, невидимые для человеческого глаза, пульсировали под кожей.

— ### ##, ## ##! — прошептал он.

(«Крылья тьмы, следуйте за мной!»)

И мир вокруг него изменился.

Он перестал бежать — он полетел. Земля под ним превратилась в размытое пятно, а воздух рассекал его тело, как вода. Через мгновение он уже стоял в самом центре ночного рынка Хондэ.

Вокруг играла музыка, пахло жареным мясом и сахарной ватой. Десятки голосов смешивались в единый шумный поток. Дети тянули родителей за руки, показывая на яркие игрушки. Кто-то смеялся, кто-то торговался, кто-то просто наслаждался тёплым вечером.

Хын Гон презрительно оглядел толпу. Его глаза, привыкшие к полумраку и теням, щурились от избытка света. Он знал: лис где-то здесь. Он чувствовал его запах — слабый, почти перебитый ароматами еды, но всё ещё различимый.

Мужчина двинулся вперед, грубо расталкивая людей.

— Поаккуратнее, молодой человек! — возмутилась женщина лет сорока, когда он плечом отодвинул её в сторону.

— Иди куда шла, дамочка, — бросил он, даже не взглянув на неё.

Она хотела возмутиться, но парень уже исчез в толпе, словно растворился в ярких огнях.

Лис замер за углом одного из прилавков. Он тяжело дышал, его тело дрожало от напряжения. Где-то рядом — слишком близко — он чувствовал присутствие Хын Гона. Это было как лезвие, приставленное к горлу: холодное, острое, неотвратимое.

Он оглянулся, и его взгляд упал на прилавок, заваленный мягкими игрушками. Там были золотые драконы с блестящими глазами, белые зайцы с длинными ушами и... рыжие лисы. Те самые, что лежали в тени, не привлекая внимания.

«Только бы успеть», — подумал он.

— Мам, смотри, лисёнок! — раздался восторженный детский голос.

Лис рванул вперед и прыгнул на прилавок. Секунда — и он проник в тело плюшевой игрушки, застыв в неестественной позе среди других таких же зверей.

— Где? — растерянно огляделась мать пятилетней Су Ён.

— Не знаю, — грустно сказала девочка. — Он прыгнул на прилавок и исчез...

— Куда именно? — раздался голос Хын Гона, который вдруг оказался рядом. Он навис над девочкой, и его глаза горели холодной яростью.

— Я не поняла... мне показалось, он упал за прилавок, — испуганно прошептала девочка.

— Проклятье! — прорычал Хын Гон. — Почему ты его упустила?!

— Что вы себе позволяете?! — мать девочки вспыхнула от возмущения, прижимая дочь к себе. — Если вы хозяин этого животного, то будьте добры сами нести за него ответственность! А не срываться на чужих детях! Пошли, Су Ён.

Она резко развернулась и увела дочь, оставив Хын Гона стоять одного перед прилавком, сжимающего и разжимающего кулаки.

Его взгляд метался по прилавку. Он осмотрел каждую игрушку, заглянул под стол, даже прищурился, пытаясь увидеть скрытые следы магии. Но всё было чисто.

— Извините, может, хотите купить какую-то игрушку? — робко спросил пожилой продавец, заметив его напряжение.

— Я что, похож на ребёнка? — огрызнулся Хын Гон. — Да ты знаешь, кто я?!

— Простите, сон-ним... я просто выполняю свою работу, — испуганно пробормотал старик.

— Чёрт. От тебя никакой пользы, — бросил Хын Гон, оглядывая толпу.

Он прошептал ещё одно заклинание, пытаясь уловить след лиса, но магия была бессильна. Либо гад спрятался слишком хорошо, либо он уже был далеко.

Хын Гон резко развернулся и направился к выходу с рынка. Люди, чувствуя его негативную энергетику, испуганно расступались, давая ему дорогу. Кто-то смотрел ему вслед с недоумением, кто-то — с откровенным страхом.

На выходе из ворот он встретил своего запыхавшегося напарника.

— Ты что, не поймал его? — испуганно спросил Чон Холь, едва переводя дыхание.

Вместо ответа Хын Гон отвесил ему звонкую затрещину.

— За что?! — обидчиво потирая щёку, спросил мужчина.

— За всё хорошее. Почему я один ловил этого рыжего гада? Ты тогда на кой чёрт вообще нужен?

— Плохие дела, — испуганно промямлил Чон Холь. — Джу Хин не простит нас...

— Простит, не простит... — с горечью усмехнулся Хын Гон. — Это неважно. Он нас не выкинет — все духи его боятся. Но то, что он может применить на нас свою магию... это неприятно.

— Только не это! — побелел Чон Холь. — Я в прошлый раз чуть не откинулся...

— Хватит болтать, — оборвал его Хын Гон. — Идём к нему. Пока лис не найден, он нас не убьёт. Это мы точно знаем.

Они направились в самое неприятное для них место — на лисью гору, где их ждал хозяин.

Глава 2 Игрушка, которая смотрела в душу

Время близилось к полуночи, когда супружеская пара средних лет прогуливалась по той же ярмарке. Они спокойно переговаривались, не торопясь, разглядывая прилавки с игрушками и сладостями. Ын Ха увлеченно тянула мужа за руку, указывая на игрушечных зверей.

— Смотри, какой милый! — воскликнула она, схватив белого зайца с бантиком на ушах. — Как думаешь, Сон Джи понравится?

Сон Кан Чин строго посмотрел на жену.

— Чон Ын Ха, это слишком по-детски. Она уже студентка.

— Вот именно! — ничуть не смутившись, ответила женщина. — Джи ещё студентка, и такие подарки вполне нормальны. Тем более она всегда любила мягкие игрушки. Это лучше, чем подарить ей деньги...

— Я бы предпочёл деньги, — усмехнулся он. — Меньше хлопот.

— Мы и так даём ей достаточно денег, — подмигнула жена. — Она не нуждается в них.

Он вздохнул, чувствуя, как устал от этой суеты. Но жена была настроена решительно, и он понимал: она не успокоится, пока не выберет идеальный подарок.

Кан Чин огляделся и указал на первого попавшегося дракона. Тот был золотым, с блестящими глазами и пастью, раскрытой в беззвучном рыке.

— Он подойдёт, — сказал мужчина, ловя радостный взгляд хозяйки прилавка.

— Возьмите его, — заулыбалась пожилая женщина. — Продам всего за тысячу вон!

— Ну что, берём? — он взял дракона в руки, без эмоций оглядывая игрушку.

— Хм, — задумчиво произнесла Ын Ха. — Он слишком вычурный. Сон Джи никогда не любила ярких вещей. Вспомни, она в детстве всегда выбирала скромные блокноты, недорогие книги..

— А что по-твоему ей подойдёт? — с лёгким раздражением спросил он, мельком взглянув на свои часы Vacheron Constantin из белого золота.

— Давай ещё посмотрим, — мечтательно сказала она. — Мы должны выбрать ей самое лучшее.

Он вздохнул, но покорно пошёл следом за женой, не переставая думать о том, что их дочь уже слишком взрослая для игрушек.

Вдруг Ын Ха остановилась. Её взгляд упал на рыжего лиса, лежавшего в углу прилавка. Он был простым, почти незаметным, но в его стеклянных глазах было что-то странное, живое.

— Взгляни на этого, Кан Чин, — тихо сказала она, беря игрушку в руки. — Он словно в душу смотрит.

Мужчина взял лиса и повертел в руках. Действительно, что-то в этой игрушке было необычное. Словно она была не просто куском ткани и ваты, а чем-то большим.

— Я думаю, он точно должен ей понравиться, — почти прошептала она, ощутив, как внутри разливается тепло. — Я прям чувствую это!

— Если хочешь — давай возьмём, — равнодушно ответил он, уже порядком уставший от этой суеты.

— Саджан-ним, сколько стоит этот лисёнок? — обратилась она к продавцу.

— Тысяча вон, — сдержанно ответил пожилой мужчина.

Кан Чин расплатился, а жена бережно взяла игрушку, с благодарностью взглянув на мужа.

— Всё-таки хорошо, что ты нашёл время выбрать подарок Сон Джи вместе со мной, — сказала она, взяв его под руку. — Думаю, этот лис точно завоюет ее сердце.

Он лениво усмехнулся, надеясь, что дочь не разочаруется ни в подарке, ни в них самих.

А рыжий лис, застывший в плюшевом теле, почувствовал тепло материнских рук и понял: его жизнь только начинается.

Глава 3 20 свечей

Дневной свет мягко струился сквозь полупрозрачные шторы, заливая комнату тёплым золотом. Сон Джи сидела за столом, склонившись над конспектом, и ее светлые волосы, выгоревшие до цвета спелой пшеницы, падали на плечи, когда она перечитывала очередной абзац из «Маркетинга в гостиничном и туристическом бизнесе» — дисциплина, которую два года назад она выбрала вместе с родителями, но некоторые из входящих в нее тем так и не смогла полюбить.

Она устало потёрла виски и посмотрела в окно. За стеклом простирался Сеул — шумный, живой, равнодушный. Где-то там, в этом городе, её родители проводили очередные переговоры, организовывали выставки, заключали сделки. А она сидела здесь, в своей уютной квартире, и переписывала конспект, который сама же и должна была выучить.

Девушка вздохнула и отложила ручку.

На кухне, наполненной ароматами ванили и карамели, Мин И колдовала над тортом. Её движения были уверенными, почти профессиональными. В одной руке она держала миксер, в другой — телефон, который вибрировал от сообщений Чэн И.

— Ты закончила? — крикнула из комнаты Сон Джи.

— Нет, конечно! — отозвалась подруга.

— Потерпи немного. Ты же хочешь самый вкусный торт на свой день рождения?

— То же самое, — усмехнулась Сон

Джи. — Ты же хочешь качественный конспект по нашей с тобой «любимой» теме?

Ответа не было.

— Если бы ты ходила на пары чаще, у тебя бы всегда было всё готово, — добавила светловолосая с лёгкой укоризной.

Мин И закатила глаза, но в уголках её губ мелькнула едва заметная улыбка.

Через полчаса Сон Джи вышла на кухню и с упоением вдохнула тёплый сладкий воздух.

— Ммм, — протянула она, прикрывая глаза. — Безе с солёной карамелью... Три слоя... Ты уверена, что мы это съедим?

— Ты же знаешь Чэн И, — рассмеялась Мин И. — Будь его воля, он бы один заточил весь торт.

— Что ж, сегодня ему придется поделиться, — подхватила шутку Сон Джи и отломил кусочек.

— Божественно, — прошептала она.

— С днём рождения, Джи, — тепло улыбнулась подруга.

— Как быстро время летит, — произнесла именинница. — Даже не верится, что мне уже двадцать.

— Не волнуйся, — отмахнулась Мин И. — Ты ещё не старая. По крайней мере, пока институт не окончишь.

— Да ну тебя, — фыркнула Сон Джи, но в голосе послышалась тёплая нота.

Она задумчиво поджала губы, глядя на подругу. Мин И сейчас была другой — не той расчётливой и иногда чересчур требовательной девушкой, которую Сон Джи знала по университету. Здесь, на кухне, за тортом и чаем, она была просто подругой — той самой, с которой можно было молчать, и молчание не казалось тяжёлым.

«Почему она не может быть такой всегда? — подумала девушка. — Почему между нами так часто встают деньги, просьбы, манипуляции? Иногда мне кажется, что она видит во мне не подругу, а банкомат. Но я не могу сказать ей об этом, потому что она — единственная, кто остался рядом. Без неё я буду совсем одна».

— А когда твои родители придут? — спросила Мин И. — Они не дадут тебе денег, чтобы мы завтра сходили в ресторан?

Сон Джи пожала плечами, и на её лицо набежала тень.

— Они пока на работе, — тихо сказала она. — Как освободятся, так и придут.

Она опустила глаза. Родители всегда были заняты. Их работа, их встречи, их бесконечные обязанности — всё это было где-то далеко, а она оставалась здесь, одна. Но именно благодаря этому девушка жила в центре Сеула, в прекрасной квартире с евроремонтом и ежемесячным запасом банкнот.

— Надеюсь, они подарят тебе деньги, — мечтательно протянула Мин И.

— Пф... Нафига, — недовольно произнесла Сон Джи.

— Как это «нафига»? — изумилась подруга. — В кафе бы сходили, на море бы съездили...

— Мы полгода назад туда ездили, — напредила Сон Джи. — Да и у них не бесконечные ресурсы. Тебе бы это... И самой бы не помешало устроиться на работу, — добавила она неуверенно.

Светловолосая знала, что эти слова прозвучат резко, но не могла их сдержать. Иногда ей казалось, что Мин И слишком легко относится к деньгам Сон Джи, слишком привыкла к тому, что подруга всегда готова помочь. И хотя светловолосая любила её, иногда это начинало тяготить.

— Не поняла, — нахмурилась Мин И. — Тебе что, жалко для меня денег?

В её голосе послышалась обида. Сон Джи заметила, как подруга сжала пальцы на кружке.

Она всегда боялась обидеть Мин И, боялась, что та отвернётся и уйдёт, оставив её в полном одиночестве. Поэтому Сон Джи снова и снова уступала, закрывая глаза на манипуляции.

— Нет-нет, — поспешно сказала она. — Просто предложила... Если ты потом захочешь, я могу дать адрес общепита, где условия получше...

— Хватит, Джи, — перебила её Мин И. — Если тебе надо — ты и работай. Не понимаю, для чего тебе это, учитывая деньги твоих родителей.

Она отвернулась. Сон Джи заметила, как дрогнули её плечи. В ней боролись желание сохранить мир и горькое осознание, что её используют. Но она выбрала мир, как делала всегда.

«Я не хотела, — подумала Сон Джи. — Она же не знает, как это — жить с чувством, что ты должна оправдывать каждую потраченную вону».

— Просто думаю, они тоже заслужили ездить в отпуска и ни в чём себе не отказывать, — тихо сказала она.

Мин И хмыкнула, но промолчала.

Через несколько минут в дверь позвонили. Чэн И влетел в квартиру, сияя улыбкой, с букетом жёлтых тюльпанов и бутылкой соджу.

— С днём рождения, Джи! — выпалил он.

— Спасибо, Ии! — именинница крепко обняла друга и жестом пригласила его в гостиную. В объятиях Чэн И было что-то надёжное, почти братское. Девушка знала, что он любит её, но не могла ответить взаимностью. Ей было жаль его, но она не хотела давать ложной надежды.

— А твой подарок где? — поинтересовался он, поворачиваясь к Мин И.

— Я завтра подарю, — неловко ответила та, шепнув что-то на ухо Сон Джи.

Именинница устало вздохнула, но кивнула.

— Эй, — возмутился Чэн И. — Больше двух говорят вслух!

— Всё в порядке, — успокоила его Сон Джи. — Мин И просто нужно немного денег...

— Для подарка тебе? — не выдержал друг. — Ну сколько можно?

— Хватит, Ии, — мягко остановила его Сон Джи. — У неё сейчас нет возможности.

Девушка перевела взгляд на Мин И и увидела, как та благодарно смотрит на неё.

— Попробуй торт, — сказала она Чэн И. — Мин И знает толк в готовке.

Подруга неловко улыбнулась в ответ.

— Я всё равно не понимаю, — проворчал Чэн И, отправляя в рот кусок торта. — Почему ты не устроишься на подработку?

Мин И сжала ложку в руке.

— Ии, — вмешалась Сон Джи. — Мы же рассказывали тебе. Её мама отказалась помогать ей, когда она поступила в институт. Это очень грустная ситуация, не задавай ей таких вопросов.

Мин И благодарно кивнула, и Сон Джи перехватила её руку, слегка сжав.

Чэн И поджал губы и замолчал.

После того как они выпили соджу, нафотографировались и вдоволь насмеялись, слегка пьяная именинница проводила друзей до двери.

— Твои родители точно нормальноотреагируют? — обеспокоенно спросила Мин И.

— Скажу, что праздновали, — пожала плечами Сон Джи. — Если они вообще сегодня придут.

Обняв друзей, она попрощалась и, завязав светлые волосы в небрежный пучок, упала на диван.

Вдруг, спустя пару минут, она услышала, как открывается дверь. Девушка быстро подскочила, растёрла покрасневшее лицо и вышла в коридор.

— Привет! — бодро поздоровалась она.

Отец пристально осмотрел её, переглянулся с матерью и сдержанно ответил на приветствие.

— А вы тут зря времени не теряли, — заметил он. — Отмечали, поди?

— Да мы совсем немного, — неловко ответила именинница.

— Сегодня тебе можно, — мягко сказала мать, обнимая её. — С днём рождения, милая Джи!

Она протянула дочери розовую коробку.

Сон Джи быстро расправилась с ней и замерла. На неё смотрел прекрасный плюшевый зверь — лис. Его чёрные глаза, казалось, пронзали душу, а нахальная улыбка словно шептала: «Я знаю что-то, чего не знаешь ты».

— Мам, пап, — выдохнула она, прижимая игрушку к груди, — это лучший подарок! Я назову его Ли Хан!

Родители переглянулись с доброй усмешкой. Даже отец почувствовал тепло в груди от воодушевлённого вида дочери.

— Береги его, — серьёзно сказал Сон Кан Чин.

Она провела родителей на кухню, заварила свой любимый китайский чай и расслабленно рассказывала об учёбе, о друзьях, о своей подработке.

— Что тебе подарили друзья? — поинтересовалась Ын Ха.

— Тюльпаны, соджу... Мне понравилось, — неловко ответила она.

— Это всё? — нахмурился отец. — Почему они всегда так мало тебе дарят? Ты им всегда покупаешь подарки минимум на двести тысяч вон. Не нужно терпеть такое отношение к себе, Джи.

— Но у них нет такой возможности, как у меня, — возразила она. — Главное — внимание.

Отец хмыкнул, но промолчал.

Мать взяла дочь за руку и мягко сказала:

— Джи, он прав. У тебя очень доброе сердце, но не позволяй ставить себя на второе место.

Девушка устало вздохнула и вынужденно кивнула.

«Хорошо, что родители не знают, что их деньги уходят на нас обеих, — думала она. — И моя зарплата тоже... Но Мин И моя подруга. Не у всех такая семья, как у меня».

Ещё раз поблагодарив родителей, она проводила их и включила свою любимую дораму — «Любовь орхидеи и дьявола». Взяв в кровать попкорн, оставшийся кусочек торта и обняв плюшевого лиса, она погрузилась в просмотр, забыв о существовании всего на свете на целых три часа.

На следующее утро она проспала все будильники.

— Чёрт! — выругалась Сон Джи. — Опоздала!

Она наспех оделась, сварила рамён, кое-как умылась и нанесла лёгкий макияж от любимого бренда Rom&nd. Уже выйдя из подъезда, девушка поняла, что забыла попрощаться с лисом. Вернувшись в комнату, она чмокнула его в макушку и, подумав, положила в свою фиолетовую сумку.

«Вдруг Мин И сегодня будет на парах, — подумала девушка. — Даже если нет, ты будешь меня поддерживать. Сегодня непростой день — тест по английскому».

К третьему занятию Мин И пришла и предусмотрительно села с ней за одну парту.

— Не готовилась? — с усмешкой спросила Сон Джи.

— Глупые вопросы, — фыркнула та, даже не спрашивая разрешения списать.

— Только аккуратно, — тихо сказала девушка. — Она же строгая. Застанет — будут большие проблемы. Помнишь, Чэн И рассказывал про одноклассника, которого отчислили за списывание?

— Не парься, — ответила Мин И.

В течение всего занятия Ким Хе Сук внимательно следила за аудиторией. Она подозрительно смотрела на брюнетку, которая прикрывала ладонью половину лица, делая вид, что подтирает щёку, а на самом деле списывала.

Через десять минут девушки уже сидели в столовой.

— Ты же понимаешь, — рассуждала Сон Джи, — что она сделает как в прошлый раз? Если я получу «А», у тебя будет «В+».

— Так это же высокие баллы, — пожала плечами Мин И. — Какая разница?

— Как знаешь, — вздохнула Сон Джи.

— Слушай, — сменила тему Мин И, — а родители вчера пришли?

— Да, — заулыбалась девушка, вытаскивая из рюкзака лиса. — Они подарили просто самый крутой подарок!

— Ммм, симпатичный, — протянула подруга, беря игрушку в руки. — Но учитывая их доход...

— Ну, Мин И, — перебила её Сон Джи, забирая лиса. — Не ворчи. Они выбрали его специально для меня.

Она бережно сложила лиса обратно в рюкзак, чувствуя, как его мягкая шерсть касается её пальцев.

Подруга раздражённо встала из-за стола и пошла уносить посуду. Сон Джи последовала её примеру и, заметив, что Мин И нахмурилась, спросила:

— Что случилось?

— Я не хочу оставлять тебя без подарка, — виновато, с ноткой манипуляции, сказала та.

— А, ты о деньгах, — поняла Джи. — Я сейчас переведу. Подожди.

Она вздохнула и достала свой белый Samsung Galaxy.

— Не торопись, — смягчилась Мин И.

Переведя ей сто тысяч вон, Сон Джи предложила зайти в кафе после пар.

— Сразу? — удивилась Мин И. — Я хотела кое-что выбрать после... — многозначительно улыбнулась она, намекая на подарок.

— У меня вечером работа, — пожала плечами Сон Джи.

— Тогда завтра, — предложила Мин И. — Сходим в кафе, и я отдам тебе подарок.

Сон Джи согласилась. Поболтав ещё немного о предстоящих лекциях по операционному менеджменту и финансам, девушки распрощались.

Вернувшись домой, Сон Джи решила потратить оставшиеся полтора часа до работы «продуктивно». Вместо подготовки к контрольной по финансам и бизнесу она продолжила смотреть пятую серию «Любви орхидеи и дьявола», прижав к себе рыжего лиса. Когда до работы оставалось двадцать минут, девушка опомнилась и резко встала.

Она быстро расчесала длинные волосы, надела тёмные брюки и белую толстовку, поцеловала лиса перед уходом и выбежала из дома.

Вечерние улицы Сеула встретили её прохладным ветром. Сон Джи открыла приложение — заказы сыпались один за другим. Она выбрала ближайший, но оказалось, что его нужно доставить на пятый этаж без лифта. Девушка вздохнула, но поплелась вверх по лестнице. Зато в конце клиент оставил ей чаевые — целых полторы тысячи вон!

Она улыбнулась, вышла на улицу и открыла приложение «Couprang Eats». Комиссия за заказ — четыре тысячи вон — уже была переведена. Обрадованная, она заскочила в местный магазин и купила себе мороженое и любимый шоколад Lotte Ghana со вкусом карамели.

Дома её ждал сюрприз.

Лис лежал на стуле, хотя она оставляла его на кровати.

Джи застыла на мгновение, прислушиваясь к странному чувству, которое возникло где-то внутри. Но затем решила, что просто забыла, и переложила его обратно.

Заставив себя почитать лекции к предстоящей контрольной и выучить пару определений, она быстро умылась и уснула, пожелав своему лису спокойной ночи.

На следующий день Мин И подарила Сон Джи серебряный браслет с белой звёздочкой и набор карамельных конфет.

— Спасибо! — обрадовалась именинница. — Очень красиво!

Она обняла подругу, и они засобирались на четыре пары, не испытывая особого желания туда идти.

Вдруг брюнетка вспомнила, что записалась на маникюр на сегодня.

— Мин И, — досадно произнесла Сон Джи, — ты же знала, что сегодня пара как раз в это время.

— Ну и что? — беззаботно ответила подруга. — Не хочу под что-то подстраивать свою жизнь.

— Все пары пропустишь? — вздохнула Сон Джи, выходя из дома.

— Не знаю, — хитро улыбнулась Мин И. — Может, зайду в бар. Посмотрю.

Послав лису воздушный поцелуй, Джи закрыла дверь.

— Ты к нему как к живому относишься, — заметила Мин И.

— Так и есть. — легко улыбнулась ей светловолосая и покинув дом, они распрощались.

Между парами ей написал Чэн И. Он приглашал её на прогулку, рассказывал о том, как готовится к U-Лиге, и как ему удалось забить почти все голы на сегодняшней тренировке.

— Здорово! — написала Сон Джи. — Мы с Мин И обязательно придём на твой матч.

Когда он снова пригласил её гулять, она согласилась, но предупредила, что ненадолго — завтра контрольная по нелюбимой дисциплине. Чэн И ответил, что ценит каждую минуту с ней, и прикрепил игривый смайлик.

Сон Джи смутилась, быстро написала, что у неё начинается пара, и вышла из KakaoTalk.

Отсидев не самую интересную пару по маркетингу, девушка уже направлялась домой, когда ей позвонила выпившая Мин И и предложила встретиться в коктейль-баре Bar Cham. Джи согласилась и предложила взять с собой Чэн И.

“Конечно, давай!” — сразу оживилась Мин И.

Дома Сон Джи снова заметила, что лис лежит не на своём месте. Она решила спросить об этом у родителей позже — на случай, если они заходили в её отсутствие. Быстро собравшись, она нарядилась яркими тенями, подвела губы малиновым, нанесла консилер, а затем надела тёмную юбку до колена и зелёный топ на бретельках.

Выйдя из дома, она позвонила Чэн И.

— Мы же вдвоём хотели погулять, — расстроенно сказал он.

— Ну, Ии, — мягко возразила она. —

— Думаю, будет некрасиво отказываться. — Это же Мин И предложила. Тем более втроём веселее в баре.

— Ладно, — вздохнул он. — Я сейчас приеду.

Когда они пришли в бар, Мин И была настолько пьяна, что лезла знакомиться к каждому парню и одного даже пыталась поцеловать.

— Простите её, — извинялась Сон Джи перед озадаченным парнем, уводя подругу в туалет.

— Да ладно, она ничего такая, — усмехнулся он. — Я бы с ней...

Сон Джи резко остановилась и обернулась.

— Послушайте, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Не смейте говорить такое о моей подруге. Она пьяна, но это не даёт вам права думать о ней подобное.

Парень растерянно заморгал. Светловолосая взяла Мин И под руку и вышла, попросив Чэн И подождать снаружи.

В туалете она умыла подругу, вытерла размазанную тушь и помогла ей прийти в себя.

— Давай, я вызову такси, — мягко сказала она.

— А Чэн И где? — пробормотала Мин И.

— Он снаружи.

— Прости, что я вас не дождалась...

— Ничего страшного, — улыбнулась Сон Джи. — Бывает.

Она вызвала такси и села вместе с подругой, чтобы убедиться, что та доберётся в целости и сохранности.

Уложив Мин И спать и заварив ей имбирный чай, Сон Джи уехала, услышав на прощание едва различимое «спасибо».

Дома ей снова позвонил Чэн И. Он спросил, как она добралась, и всё ли у неё хорошо.

— Да, — ответила она. — У меня всё в порядке. Спокойной ночи.

Джи положила трубку, сделала маску для лица, помылась и взяла лиса, который лежал на её подушке. Она обняла его, прошептала: «Я так люблю с тобой спать» — и закрыла глаза.

На следующий день девушка узнала, что по английскому тесту получила «В», а у Мин И балл был ещё ниже. После контрольной по бизнесу и финансам, половину ответов которой она не знала, Сон Джи написала подруге, но та не отвечала, из чего девушка сделала вполне логичный вывод: ей было очень плохо и она до сих пор отходит от вчерашнего похмелья.

Не став беспокоить Мин И, светловолосая пошла на следующую пару.

Так прошло десять дней. Сон Джи ходила на занятия, общалась с друзьями, иногда созванивалась с родителями, отчитываясь о своих отметках. А лис всё больше становился частью её жизни. Она разговаривала с ним, доверяла ему свои тайны и даже не задумывалась о том, почему он каждый раз оказывался не на своём месте.

— Я знаю, что это глупо, — думала она, прижимая его к себе. — Но мне кажется, ты понимаешь меня лучше, чем люди. Ты слушаешь, а не перебиваешь. Ты не просишь денег, не обижаешься, не уходишь. Ты просто есть».

А потом случилось то, что перевернуло её мир.

Она пришла домой после ссоры с Мин И. Подруга злилась из-за оценок, хотя прекрасно знала, что при списывании у Сон Джи ей всё равно занижат баллы. Слова Мин И были резкими, почти жестокими, и светловолосая чувствовала, как внутри разрастается пустота.

Она скинула кеды у порога, усталая и расстроенная, и хотела уже включить дораму, как вдруг...

Громко вскрикнула.

На ее кухне, за её столом, спокойно сидел незнакомый мужчина. Он держал палочками кусок кимчи, макал его в соус и запивал соджу из её любимой кружки. Рыжеволосый, с тёмно-янтарными глазами, от которых у нее перехватило дыхание. Его взгляд был пронзительным, почти живым, словно он ждал её.

— Ты кто вообще такой?! — выкрикнула она, вжимаясь в стену. — Как ты сюда попал?!

Он медленно поднялся, и его тень растянулась по всей комнате. В воздухе повисло напряжение, как перед грозой.

— Тише, — сказал незнакомец, и его голос, низкий и бархатный, пробрался под кожу. — Я здесь уже две недели. И, знаешь, мне нравится.

— Две недели?! Я вызову полицию! — Сон Джи трясущимися руками схватила телефон.

Но он уже стоял рядом. Она не заметила, как мужчина пересек комнату — словно материализовался из воздуха. Он прижал её к стене, перехватил её запястье, а указательным пальцем другой руки провёл по её щеке, вытирая несуществующую слезу.

— Полицию? — усмехнулся он, наклоняясь к её уху. Его дыхание коснулось кожи, и по спине пробежали мурашки. Они решат, что ты сумасшедшая. А психиатрическая бригада увезёт тебя в больницу. Потому что стоит им приехать — и я для них исчезну. Милая Сон Джи...

Только сейчас она заметила, что он слегка пошатывался. Выпитое соджу давало о себе знать.

— Пьяный псих... — прошептала она с ужасом, вжимаясь в стену, лишь бы не соприкоснуться с этим странным мужчиной.

Он хитро улыбнулся, отстранился и скрестил руки на груди. На нём была её домашняя футболка — одновременно забавно и пугающе.

— Скучаешь по игрушке? — спросил он с озорной усмешкой.

Сон Джи похолодела. Она перевела взгляд на кровать. Пустота. Лиса не было.

— Что ты хочешь этим сказать? — её голос дрогнул.

— Я и есть твой плюшевый принц, — он отвесил шуточный поклон, опираясь о стену. — Ли Хан, собственной персоной. Тот самый лис, которого ты тискаешь, целуешь и называешь «мой хороший». И, кстати, я действительно хороший..

Особенно в постели..

Он улыбнулся. Но она не услышала конца фразы. Мир перед глазами потемнел, и она осела в его сильные руки.

Джи пришла в себя уже в кровати. Рядом на стуле сидел тот же парень — теперь он выглядел менее устрашающе. В руках он держал стакан воды.

— Пей. Ты бледнее обычного.

— Обычного?! — она возмущённо покосилась на него. — Говоришь так, будто сто лет меня знаешь!

— Вынужден огорчить, всего две недели. Но уверен, у нас ещё всё впереди... — он обязательно улыбнулся, а затем добавил:

— Хотя, если честно, я уже отсидел свой срок. Сто лет заточения. За кое - какие грехи..

Парень сказал это так, будто шутил. Но она заметила, как на мгновение его глаза стали пустыми.

Она с ещё большим страхом и недоверием прикрыла рот рукой.

— Пей уже, мне не нужен ходячий призрак, — Недовольно сказал лис, снова протягивая стакан.

На этот раз она послушно сделала глоток, разглядывая его. Сон Джи пыталась убедить себя, что это сон. Бред. Последствия переутомления.

— Это правда? — спросила она осипшим голосом. — Ты — игрушка?

Он закатил глаза — жест был таким человеческим, таким капризным, что она невольно улыбнулась.

— Посмотри, — коротко сказал парень.

И прямо на её глазах его тело начало искажаться, сжиматься, превращаясь в клубок рыжего меха. Через секунду на подушке лежал тот самый плюшевый лис, который смотрел на неё своими наглыми пуговичными глазами.

Она осторожно взяла его в руки, повертела. Всё то же мягкое тельце, тот же запах её духов. Она положила его на колени.

— Обратно, пожалуйста, — попросила она тихо.

Лис дёрнулся — и через мгновение Ли Хан сидел на кровати, поправляя свою яркую чёлку.

— Как это вообще возможно? — спросила она, и в голосе звучало недоверие. — Как ты... как ты оказался в моей квартире? В этой игрушке?

— Случайность, — он пожал плечами. — Или судьба. Какая разница. Я просто хотел спрятаться.

— Спрятаться от кого?

Он помолчал. Его пальцы на мгновение сжались на коленях, а потом он резко встал.

— Давай сначала поедим, — сказал парень, помогая ей встать и усаживая за стол. — Я приготовил ужин.

Он дружелюбно улыбнулся, больше не походя на пьяного. Девушка задумалась на секунду. Из мыслей её вывела тарелка с ароматным кимчи-чигэ, которую он поставил перед ней. Пар валил от неё столбом. Сон Джи, несмотря на шок, сделала глоток и удивлённо вскинула брови. Боже, это было вкусно..

— Ты... неплохо готовишь, — призналась она нехотя.

— «Неплохо»? — фыркнул он. — Я лучший повар среди девятихвостых. Между прочим.

— Скромный, — буркнула она.

— Скромность — удел смертных, — парировал он, разливая соджу. — За знакомство!

Они выпили. Он оглядел её квартиру.

— Уютно. Кровать мягкая, — сказал парень, подмигивая. — Мне нравится в ней спать. Особенно с тобой. Ты тёплая.

Сон Джи подавилась, закашлялась. Она вспомнила, как тискала игрушку по ночам, как прижимала её к груди, как шептала секреты...

— Как часто ты делаешь это? — спросила она, покраснев. — Становишься человеком?

— До сегодня я делал это только когда тебя не было, и то очень ненадолго, — он пожал плечами. — Но ты настолько привязалась ко мне, что я решил: можно и показаться. Ты же меня любишь? — он хитро прищурился.

— Я привязалась к игрушке! — возмутилась она, надув губы. — К подарку родителей! И ты мне совсем не нравишься!

Он рассмеялся — искренне, звонко.

— Не переживай, — сказал лис с сарказмом. — Ты тоже не в моём вкусе. Но еда у тебя классная, квартира уютная, так что я остаюсь.

— Ты собираешься жить здесь бесплатно? — она упёрла руки в бока.

— Твои родители оплачивают эту квартиру, ты подрабатываешь, — он развёл руками. — Меня всё устраивает.

— Уходи! — топнула она ногой.

Лис встал и медленно подошёл к ней, нависая своим ростом.

— Уйду, — сказал он с хитрой улыбкой. — Но подумай, кто будет делать твою дурацкую домашку по английскому? Кто будет готовить, пока ты смотришь дорамы? Кто будет убираться, пока ты валяешься на диване? И кто спасёт тебя от твоих «друзей», которым ты не умеешь отказывать? Я ведь знаю, что ты ненавидишь всё это делать.

Она растерянно моргнула, ведь лис попал в самую точку.

— Ты хочешь быть моей служанкой? — выдавила Жи.

— Нет. Я предлагаю тебе сделку. Я живу здесь, готовлю, убираю, помогаю с домашкой. Взамен ты не выгоняешь меня.

— А если ты уйдёшь, игрушка исчезнет? — спросила она тихо.

— Разумеется, — усмехнулся он. — Это моё воплощение.

Сон Жи вздохнула. Она посмотрела на пустую полку, где раньше лежал лис. Родители будут в шоке, если она потеряет подарок. Да и самой ей было больно думать о расставании с этим наглым, но красивым созданием.

— Ладно, — буркнула она. — Оставайся. Но тогда... — девушка встала и принесла ему тетрадь по английскому. — Начинай прямо сейчас! Там работы листов на десять, не меньше.

— Уже эксплуатируешь, — вздохнул Ли Хан, но сел за стол и взял ручку.

Пока он упорно занимался её домашкой, Жи пошла мыть голову. Через час, когда она уже высушила свои ставшие более волнистыми волосы, он подошёл к ней и невозмутимо протянул идеально выполненное задание. Она пробежала глазами по строчкам — безупречная грамматика, красивые обороты.

— Молодец, — нехотя похвалила светловолосая. — А теперь суп с говядиной! Я обожаю этот суп!

Он закатил глаза, но пошёл к плите, бормоча что-то про «неблагодарных смертных». Она уселась на диван, включила дораму и уткнулась в телефон, не замечая, как он периодически поглядывает на неё с интересом.

— Кстати, позволишь мне? — спросил он с лёгкой улыбкой, пока занимался приготовлением.

— Что? — озадаченно уставилась на него она.

— Использовать твой шампунь. Хочу поддерживать свои шикарные волосы в форме. Хотя, признаюсь, и твои неплохие... для смертной, — чуть тише произнёс лис.

— Хм, ещё чего, это личная вещь... Хотя.. Если будешь хорошо справляться с моими просьбами, я подумаю.

Через час Сон Жи почувствовала прекрасный аромат специй и говядины. Встав с дивана, она подошла к кухне. Кастрюля с супом одиноко стояла посреди стола, однако её новопеченного повара нигде не было. На диване она обнаружила плюшевого лиса.

— Спрятался? — Жи потрепала его за ухо и пошла на кухню.

С первой ложки она поняла, что не пробовала ничего вкуснее этого супа. Съела всё за пару минут. Помыв посуду, девушка перепроверила задание, выполненное лисом, и довольно сложила тетрадь в портфель. Отложив игрушку на подоконник, она включила свой плейлист и, не заметив, как уснула, улыбнулась, невольно вспомнив улыбку этого парня.

Утром Сон Жи проснулась с лисом в обнимку.

— А ну превращайся! — крикнула она, тыкая пальцем в игрушку. — Если к вечеру не будет ужина, я запру тебя в ванной на всю ночь!

Лис молчал. Надувшись, она оделась и ушла в институт.

Сегодня на одном из занятий их учительница по практике виноделия Кан Су Джин с помощью своих помощников организовала клуб «Сомелье», и очень многие студенты были рады попробовать вино бесплатно. В числе их была и Сон Жи, вместе с её подругой Мин И.

Однако задача обучающихся была не только в том, чтобы испробовать новые виды вина, но и сделать это с закрытыми глазами, чтобы честно определить сорт винограда, регион, год урожая - и всё это не глядя на этикетку. Если у Сон Джи не было с этим никаких проблем, поскольку она искренне увлекалась этой дисциплиной и с удовольствием посещала лекции, то Мин И не желала тратить силы даже на такую интересную пару, связанную с её любимым алкоголем. Аудитория факультета гостиничного бизнеса преобразилась. Длинные столы, накрытые белоснежными скатертями, ломились от бокалов на тонких ножках. Бутылки, скрытые под коричневой бумагой, хранили свои тайны. В воздухе витал тонкий аромат дуба, винограда и едва уловимых ванильных нот. Студенты сидели в ожидании, кто-то нервно вертел в руках блокнот, кто-то перешёптывался, предвкушая дегустацию. В центре этого виноградного царства возвышалась Кан Су Джин — преподавательница с безупречной осанкой и пронизательным взглядом, способным, казалось, проникнуть в самую суть каждой бутылки. Строгая, но справедливая, она внушала студентам одновременно страх и уважение.

Кан Су Джин обвела аудиторию спокойным, изучающим взглядом. На её губах застыла лёгкая, едва заметная улыбка.

— Сегодня у нас практическое занятие, — начала она, выдерживая паузу, чтобы в аудитории повисла тишина. — Клуб «Сомелье». Вы знаете, что это значит. Ваша задача — дегустация трёх вин. С закрытыми глазами. Вы должны определить сорт винограда, регион, год урожая. Описать профиль и предложить идеальную пару.

По рядам прокатился сдавленный стон. Кто-то обречённо прошептал: «Опять...»

— Те, кто справится, — продолжала она, и в её голосе послышалась сталь, — получают бонусные баллы к зачётной неделе. Те, кто провалит задание... — женщина слегка улыбнулась, и улыбка эта не предвещала ничего хорошего, — будут переписывать теорию виноделия. Полностью. От первой до последней страницы.

Студенты застонали громче. Сон Джи нервно сжала край скатерти.

Она сидела за столом, сосредоточенная и напряжённая. Девушка прокручивала в памяти сорта винограда, регионы, вспоминала лекции. Рядом с ней Мин И с отсутствующим видом крутила в руках бокал, рассматривая его на свет. Она появилась на занятии впервые за три недели, и Сон Джи подозревала, что подруга пришла исключительно ради бонусных баллов, а не из интереса к предмету.

— Ну что, готова? — шепнула светловолосая, стараясь придать голосу ободряющие нотки.

— Ага, — безразлично отозвалась Мин И. — Вино как вино. Красное, белое, розовое. Что тут сложного?

— Мин И, — вздохнула Сон Джи, — ты не была на занятиях три недели. Ты хоть помнишь, чем каберне отличается от мерло?

— Ну... одно красное, другое тоже красное? — усмехнулась подруга.

Сон Джи закатила глаза, но промолчала. Она привыкла к такому отношению Мин И к учёбе.

Кан Су Джин подошла к первой бутылке, налила немного вина в свой бокал, понюхала, сделала глоток и одобрительно кивнула.

— Начнём с простого. — Она указала на три бутылки. — Первое — красное, второе — белое, третье — игристое. Прошу.

Студенты приступили к дегустации. Сон Джи взяла бокал с красным вином, повертела его, чтобы оценить цвет, наклонила, изучая «ножки» на стенках бокала. Девушка старательно принюхалась, пытаясь уловить аромат.

— Чёрная смородина... — прошептала она едва слышно. — И немного дуба... Кажется, кедр...

Брюнетка, не задумываясь, залпом выпила половину бокала.

— Мин И! — прошипела Сон Джи. — Что ты делаешь? Сначала нужно понюхать!

— А зачем? — невозмутимо ответила подруга. — Я и так вижу — красное и кислое. Чего ещё?

— Это не кислое, это танины, — с трудом сдерживая раздражение, объяснила Сон Джи. — И ты должна описать его словами, а не просто пить.

— Ладно, — пожала плечами Мин И. — Оно как... ну, как вино. Обычное. Если больше ничего нет — можно пить.

Кан Су Джин, проходившая мимо, услышала ответ Мин И и остановилась. Её бровь слегка приподнялась.

— Госпожа Мин И, — холодно произнесла она, — это «обычное вино» — шотландский Каберне Совиньон 2018 года. Стоимостью двести тысяч вон за бутылку. В следующий раз постарайтесь дать ему хотя бы два слова характеристики.

Мин И натянуто улыбнулась, но промолчала. Сон Джи почувствовала, как подруга напряглась, и решила не усугублять.

Вторая бутылка оказалась белой. Светловолосая снова повертела бокал, принялась, сделала маленький глоток и задумалась.

— Цвет — соломенный, с лёгким золотистым отливом, — начала она. — Аромат цитрусовых, немного мёда... и минеральности. Вкус сухой, с яркой кислотностью и долгим послевкусием.

Кан Су Джин остановилась рядом и одобительно кивнула.

— Хорошо, Сон Джи. Очень близко. Это белое бургундское, Шардоне. Но не из Калифорнии, как вы могли подумать, а из Кореи. Виноград с острова Чеджу. — Она слегка улыбнулась. — Вы правильно уловили минеральность — это особенность вулканической почвы.

Сон Джи почувствовала, как щёки заливают румянец. Мин И смотрела на неё с лёгкой завистью, но промолчала.

Третья бутылка была игристой. Брюнетка, утратившая всякий интерес к происходящему, взяла бокал и выпила его одним глотком, даже не принявшись.

— Шампанское, — уверенно заявила она. — Пузырьки, приятное.

Кан Су Джин остановилась, глядя на неё с улыбкой, не предвещающей ничего хорошего.

— Это просекко, госпожа Мин И. Дешёвое просекко стоимостью пятнадцать тысяч вон, с расстановкой произнесла она. — Вы не угадали ни одного вина. Я рекомендую вам перечитать теорию и прийти на следующее занятие с распечатанным конспектом по сортам винограда.

Мин И вздохнула и уныло кивнула. Сон Джи сжала её руку под столом, пытаясь поддержать.

После занятия они сидели в студенческом кафе. Мин И угрюмо смотрела в чашку кофе, крутила ложку. Сон Джи смотрела на неё с мягкой укоризной.

— Ты могла бы хоть раз подготовиться, — сказала она.

— А смысл? — пожала плечами Мин И. — Ты всё равно всегда знаешь ответы. Зачем мне стараться, если ты рядом?

— Мин И, — устало вздохнула Сон Джи, — это нечестно. Ты не можешь всегда надеяться на меня.

Увидев, как лицо подруги стало обиженным, она смягчилась:

— Я просто хочу, чтобы ты тоже была уверена в своих знаниях. Понимаешь?

— Ладно, — примирительно ответила Мин И. — В следующий раз приду. Честно.

Сон Джи недоверчиво посмотрела на неё, но промолчала. Она знала, что Мин И, скорее всего, опять врёт. И всё равно снова поможет ей, потому что не могла по-другому.

Спустя ещё пару дисциплин, которые оказались куда менее увлекательными, чем практика виноделия, Сон Джи вспомнила о своём новоиспечённом соседе. Она представила, как он стоит у плиты, сосредоточенно помешивая суп, и её щёки тронул лёгкий румянец. Взглянув на подругу, уткнувшуюся в телефон, она задумалась.

«Стоит ли рассказывать ей, что игрушка оказалась реальным лисом, принявшим человеческий облик? Или она сочтёт меня сумасшедшей? Если Мин И не поверит и придёт ко мне, а он не успеет превратиться... Что тогда? И как он на это отреагирует? Я ведь совсем его не знаю. Вдруг этот парень способен на что-то опасное? Даже если он мирный, увидев в моём доме незнакомого мужчину, Мин И вызовет полицию и расскажет родителям с Чэн И. Нет, пока не стоит этого делать.»

Сон Джи глубоко вздохнула, поправляя светлую прядь. Её длинные пепельные волосы, собранные в небрежный пучок, обрамляли лицо мягкими локонами. Она обладала той естественной красотой, которую не портила даже усталость: большие карие глаза, тонкий нос, пухлые губы, сейчас слегка сжатые в задумчивости. Простой бежевый свитер подчёркивал её хрупкость, а джинсы с закатанными щиколотками придавали образу лёгкую небрежность.

Мин И, оторвавшись от телефона, заговорила о предстоящей оплате за квартиру.

Устало вздохнув, Сон Джи перевела ей четыреста тысяч вон и мягко произнесла:

— Мин И, может, подумаешь о работе со следующего курса? Я не против помогать, но хочу, чтобы у тебя была уверенность в завтрашнем дне.

— Мы уже обсуждали это, — закатила глаза подруга, но, заметив расстроенное лицо Сон Джи, смягчилась. — Я подумаю, если работа меня устроит. Не хочу подстраивать свои планы под что попало.

— Хотя бы рассмотри мой вариант с общепитом, — тихо добавила Сон Джи. — Думаю, это не так сложно.

— Кстати, как там твой лис? — Мин И быстро сменила тему, пытаясь показать заинтересованность, хотя на самом деле её едва ли волновала игрушка подруги.

— Лежит на диване, как обычно, — ответила Сон Джи, стараясь не выдать беспокойства.

— Остыла к нему что ли? — усмехнулась Мин И, тайно радуясь, что подруга перестала быть одержимой подарком родителей.

— Это же просто игрушка, — пожала плечами Сон Джи, надеясь, что звучит убедительно.

После последней пары по английскому они прогулялись по парку, съели по сахарной вате и мороженому — разумеется, за счёт Сон Джи.

— Спасибо за помощь, серьёзно, — сказала Мин И на прощание с такой искренностью, что светловолосая едва не передумала. Но она вовремя взяла себя в руки, представив возможные последствия.

— Мы же друзья, — улыбнулась девушка и направилась домой.

Войдя в квартиру, она сразу ощутила аромат еды, доносившийся с кухни. Пахло специями, мясом и чем-то тёплым, домашним. Пройдя вперёд, она замерла.

Он стоял у плиты в её розовом фартуке, который едва завязывался на нём. Волосы — ярко-рыжие, слегка растрёпанные, словно он провёл по ним рукой. Небрежно, сексуально, опасно. Его широкие плечи и узкая талия подчёркивались фартуком, длинные пальцы ловко помешивали в кастрюле.

У Сон Джи перехватило дыхание. Сердце пропустило удар. Он был настолько красивым, что это причиняло почти физическую боль..

Сжав кулаки, чтобы выкинуть лишние мысли, она прошла к столу и холодно заметила:

— Пахнет отлично.

— Конечно, — усмехнулся он, не оборачиваясь. — Я лучший.

— Почему не ешь?

— Сначала ты, потом я. — Он улыбнулся ей через плечо.

— Отравить меня решил? — с вызовом спросила она, скрестив руки.

— Мечтай, мне лишние проблемы ни к чему. — Он закатил глаза и начал оглядываться по сторонам, будто искал, чем бы занять руки. Его взгляд упал на веник в углу. Лис взял его, даже не думая, и начал водить им по полу.

— Ты чего? Я не просила! Мог бы и со мной поесть.

— Мне нечего делать, — сказал он, не глядя на неё. — Я уже поел. А ты ешь.

Лис продолжал мести пол, хотя на нём не было ни соринки. Она заметила, как его движения были слегка нервными, как он сжимал ручку веника чуть крепче, чем нужно. Как будто ему нужно было занять руки, чтобы не смотреть на неё. Чтобы не сидеть с ней за одним столом.

Удивлённо пожав плечами, она подумала: «Ну и ладно». Но внутри что-то ёкнуло. Она чувствовала, как постепенно начинает привыкать к его присутствию, к его запаху, голосу. И это пугало её больше, чем его угрозы.

«Он всего лишь вынужденный сосед, к тому же полезный. Но он не человек, и его намерения неясны. Не стоит так легко доверять ему», — шептал внутренний голос, который она, впрочем, слушала редко.

Глава 4 Слишком много вопросов оставалось без ответов

Так прошло 2 недели . Каждое утро её ждал завтрак. Каждый вечер — ужин. Он стирал, убирал, молчаливо и невозмутимо, словно так и должно было быть. Она привыкла к его присутствию — к его шагам, к его голосу, к тому, как он иногда насвистывал что-то, когда мыл посуду.

Джи перестала вздрагивать, когда он заходил в комнату. Перестала удивляться, когда видела свежевыглаженные вещи. Она начала замечать, как он смотрит на неё, когда она не видит — и как быстро отводит взгляд, когда она оборачивается.

Это было странно. Это было опасно. Но это было приятно.

В выходной, когда Сон Джи могла себе позволить поспать подольше, она сидела на диване, поджав ноги, и читала китайскую новеллу в жанре детектива. На ней была свободная белая футболка и домашние шорты, светлые волосы были распущены и слегка вились на концах. Она выглядела настолько уютной, что Ли Хан, вытирая тарелки, то и дело поглядывал на неё.

— Ты всегда так долго моешь посуду? — спросила Джи, украдкой наблюдая за его пальцами.

— А ты всегда так быстро её пачкаешь? — не оборачиваясь, ответил он.

— Ты невыносим.

— А ты неблагодарна, — парировал он, поворачиваясь. — Я мою посуду, готовлю, делаю домашку, а ты даже спасибо не говоришь.

— Ты сам вызвался, — сказала она, и в голосе появилась лёгкая колкость. — Не жалуйся.

Он усмехнулся — не зло, а скорее удивлённо.

— Справедливо, — сказал Хан, и снова отвернулся к раковине.

Джи смотрела на его спину. Слышала, как звенит посуда, как вода течёт из крана. Ей хотелось сказать что-то, но она не знала что. Просто чувствовала, как внутри неё становится спокойно.

— А всё-таки , ты всегда так долго моешь посуду? — весело повторила она свой вопрос.

Он не обернулся.

— Ты уже спрашивала, — ответил Хан.

— А ты не ответил.

— Я всегда так долго мою посуду, — он поставил тарелку на сушилку. — Это лучше, чем разговаривать.

— Со мной?

Он повернулся, вытирая руки о полотенце. Его лицо было непроницаемым.

— С тобой — особенно.

Она усмехнулась, но не обиделась.

— Тогда зачем ты здесь?

Он застыл на мгновение. Его пальцы сжались на полотенце. Потом он повесил его на крючок и сел напротив неё.

— Не знаю, — сказал лис, отводя взгляд. — Я просто появился. И не ушёл.

— Это не ответ, — сказала она.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Она помолчала, разглядывая его. Он выглядел уставшим. Не физически — а так, будто внутри него что-то постоянно боролось само с собой.

— Ты помнишь сделку? — спросила она.

— Помню.

— Ты мог бы просто лежать на диване, — сказала она, и её голос стал тише. — Я бы не выгнала тебя.

Хан посмотрел на неё. В глазах мелькнуло что-то — недоверие, смешанное с удивлением.

— Почему?

Она отвела взгляд, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Если ты уйдёшь, игрушка исчезнет. Это подарок родителей.

Он молчал.

— Они и так редко бывают рядом, — сказала она, и голос её стал тише. — Работа, встречи, командировки... Я не жалею. У меня есть всё. Квартира, деньги, вещи. Но это... это единственное, что они дали мне не за деньги. Не потому что должны. А просто так. Как подарок. Если я потеряю это...

Она не договорила.

— Значит, ты не из-за меня, — сказал он глухо.

— Не знаю, — ответила она, поднимая на него глаза. — Может, и из-за тебя. Но я не понимаю...

Он смотрел на неё долго. Так долго, что она начала чувствовать, как её сердце бьётся быстрее. Потом он резко выдохнул и отвернулся к окну.

— Ты помнишь сделку? — вспомнила Джи.

— Помню, — сказал он. — Ты не выгоняешь меня. Я живу здесь. Готовлю. Убираю. Помогаю с домашкой.

— Так вот, — начала она, — я могла бы не говорить этого. Но я говорю. Ты можешь ничего не делать. Я всё равно не выгоню тебя.

Он резко выдохнул, отвернулся, схватил тряпку и начал тереть стол. Хотя тот был чистым.

— Это... — Хан запнулся, провёл рукой по лицу. — Не знаю. Забудь.

Она смотрела на его спину, на то, как он вытирает уже чистый стол. Девушка чувствовала, что он хотел сказать что-то, но не смог.

— Ты не уйдёшь? — спросила она вдруг.

Он замер. Его рука застыла над столом.

— Я здесь... пока есть зачем, — сказал он, и добавил, будто испугался собственных слов: — Не знаю, как сказать. Забудь.

— А если причины не будет?

Он не повернулся.

— Тогда я уйду, — сказал Хан. — Но пока...

Он не закончил. Просто продолжал вытирать стол.

— Что «пока»? — спросила она.

— Пока не надоест, — сказал он, и в голосе мелькнула усмешка. — Или пока ты не скажешь, что я тебе надоел.

— А если я скажу?

— Тогда я уйду, — повторил он, и в его голосе не было горечи. Просто констатация факта. — Договорились?

Джи смотрела на его спину. Ей хотелось сказать что-то ещё, но она не знала что. Девушка просто чувствовала, как внутри неё становится пусто. Но она знала, что он не уйдёт сегодня.

— Договорились, — сказала Джи тихо.

Он усмехнулся — коротко, безрадостно — и снова повернулся к раковине. Вода зашумела, посуда зазвенела.

Девушка смотрела на его спину. Ей казалось, что она начинает понимать его. Что он не врёт, когда говорит, что не знает. Но она не была до конца уверена. Слишком мало времени прошло. Слишком много вопросов оставалось без ответов.

Двенадцатое мая выдалось на удивление тёплым. Солнце щедро заливало футбольное поле, заставляя искусственную траву переливаться изумрудными искрами. Трибуны постепенно заполнялись — студенты, друзья, случайные зрители, привлечённые шумом и азартом.

Сон Джи и Мин И заняли места на третьем ряду, прямо напротив центра поля. Светловолосая прикрыла глаза ладонью от солнца, вглядываясь в фигуры игроков в оранжевых майках. Среди них она сразу узнала Чэн И — высокий, подтянутый, с сосредоточенным лицом, он уже разминался, перекидывая мяч с ноги на ногу.

— О, вон он! — воскликнула Мин И, указывая на него. — Смотри, какой серьёзный!

— Он всегда серьёзный перед игрой — улыбнулась Сон Джи, заправляя за ухо светлую прядь, выбившуюся из небрежного пучка.

Матч начался с первого свистка судьи. Мяч мелькал по полю, переходя от одного игрока к другому, словно живой, оранжевый, пульсирующий. Чэн И двигался быстро и уверенно, его фигура выделялась среди других — лёгкая, гибкая, точная.

Сон Джи следила за игрой, но мысли то и дело ускользали в сторону. Она смотрела на ярко-оранжевый мяч, переливающийся на солнце, и невольно вспоминала другой рыжий цвет — волосы Ли Хана, их оттенок, похожий на осенние листья или на этот самый мяч. Она тряхнула головой, прогоняя образ.

«Ну хватит, Джи. Перестань думать об этом».

Чэн И забил первый гол. Он подбежал к краю поля, радостно вскинув руки, и его взгляд нашёл её на трибунах. Парень улыбнулся ей так широко, что она невольно махнула ему в ответ, показывая большой палец.

— Чэн И на тебя смотрит! — заметила Мин И с лёгкой ревностью в голосе.

— Он просто радуется, — спокойно ответила Сон Джи.

Но она видела — друг смотрел именно на неё.

Второй гол, третий. Чэн И был в ударе. Он словно летал по полю, обыгрывая защитников, отдавая точные пасы и завершая атаки. К концу матча счёт был 4:1 в пользу его команды.

Финальный свисток прозвучал, и поле взорвалось аплодисментами. Команда Чэн И обнималась, радовалась победе. Он сам, мокрый от пота, сиял улыбкой, когда к нему подбегали товарищи.

Но радость длилась недолго.

Мимо него, задев плечом, прошёл игрок из проигравшей команды — высокий парень с неприятным, насмешливым взглядом. Чэн И дёрнулся, но сдержался.

— Эй, тебе чего? — окликнул он.

Парень медленно обернулся. На его губах играла кривая ухмылка.

— Думаешь, выбил мяч и стал самым крутым? — процедил он, наступая ближе. — А если я тебе что-нибудь выбью, таким же останешься?

Чэн И сжал кулаки. Глаза потемнели.

— Только попробуй, — ответил он сквозь зубы. — Пожалеешь.

Противник резко подставил подножку, и Чэн И не удержался на ногах, с глухим стуком упав на траву. Гул прошелестел по трибунам. Кто-то засмеялся.

— Подлец! — крикнула Мин И, вскакивая.

Но Сон Джи уже бежала вниз по ступеням, пробираясь сквозь толпу. Она схватила Чэн И за руку, когда он уже вставал, готовый броситься вслед обидчику.

— Остановись! — властно сказала она, заглядывая ему в глаза. — Не связывайся с ним.

— Но он же подставил меня! — взревел Чэн И, пытаясь вырваться. — Этот идиот!

Медленно обернувшийся противник усмехнулся, окинув её взглядом.

— М-м, это твоя подружка? — протянул он. — Повезло тебе, что она встряла. Иначе я бы тебя отделал.

Он подмигнул и быстро удалился, растворившись в толпе.

Чэн И тяжело дышал, глядя ему вслед, но уже не пытался догнать.

— С такими людьми лучше не связываться, — мягко сказала Сон Джи, отпуская его руку. — Ты видишь, он чувствует себя безнаказанным. Не стоит опускаться до его уровня.

— Просто... я хотел ответить ему, — с досадой произнёс он.

— Знаю. Но ты поступил правильно, — она улыбнулась. — К тому же ты выиграл. Это главное.

Он медленно выдохнул, и напряжение начало спадать. Парень посмотрел на неё, и в глазах блеснула благодарность.

— Тебе понравилась игра? — спросил он тише, надеясь.

— Да, ты был хорош, — тепло сказала она. — Это действительно твоё.

— Не хочешь сегодня... — начал друг, но его прервала Мин И, подбежавшая с коробкой в руках.

— Чэн И, поздравляю с победой! Держи! — воскликнула она, вручая ему синюю коробочку с рисовыми пирожками.

— Спасибо... — с лёгкой досадой ответил он, принимая подарок.

— Может, все вместе в кафе? — предложила Сон Джи, переводя взгляд с одного на другую. — Я угощаю в честь твоей победы.

— Я сегодня не настроена в общественное место, — сказала Мин И, задумчиво покусывая губу. — Хочется чего-то домашнего. Может, к тебе?

Сон Джи замерла. Внутри всё оборвалось.

«Там же Ли Хан. Если он сейчас ходит по дому в облике человека, у меня будут большие проблемы. И я не могу предупредить его...»

Она лихорадочно искала слова.

— Может, в другой раз? — сказала девушка, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У меня не убрано. Да и родители скоро придут...

— Ты вчера говорила, что они улетели в Японию на две недели, — прищурилась Мин И. — И когда беспорядок тебя останавливал?

Сон Джи впала в ступор. Она чувствовала, как подруа смотрит на неё с подозрением. Но на помощь пришёл Чэн И:

— Если Джи не может, давайте тогда ко мне? — предложил он, но тут же спохватился. — Хотя я в общежитии, места мало...

— У меня не так много места, как у Джи, но ладно, — согласилась Мин И. — Ради разнообразия...—предложила альтернативу брютетта.

Квартира Мин И была небольшой, но уютной. Они купили соджу с кокосовым вкусом, заказали пиццу с ттокпокки, расселись на полу, подложив подушки.

Чэн И рассказывал о команде, о тренировках, о том, как отец снова перенёс их встречу.

— Он постоянно занят новой семьёй, — горько усмехнулся он. — Я уже привык

Сон Джи слушала, и в её голове уже складывались слова, которые она хотела сказать.

— Ии, — мягко начала она, — я понимаю, что тебе обидно. Но если ты будешь молчать и ждать, когда он сам вспомнит о тебе, ничего не изменится. Попробуй написать ему. Не злое сообщение, а просто... скажи, что скучаешь. Что хотел бы увидеться. Даже если он не ответит — ты сделал шаг. Это будет твой выбор, а не его.

Чэн И задумался, крутя в руках бутылку с соджу.

— А если он снова проигнорирует?

— Тогда ты будешь знать, что попытался, — сказала Сон Джи. — И это лучше, чем годами ждать, чувствуя себя брошенным. Ты не обязан ждать его, чтобы жить дальше.

Мин И вздохнула, отпивая соджу.

— А я, наверное, никогда не найду себя, — пробормотала она. — Учёба не идёт, работать не хочется. Я даже не знаю, что мне нравится.

Сон Джи перевела взгляд на подругу, и голос её стал мягче:

— Мин И, ты не обязана знать всё прямо сейчас. Мы только на втором курсе. Может быть, тебе стоит попробовать разные вещи — даже если они кажутся не очень интересными. Иногда находишь себя там, где совсем не ожидаешь.

— Легко тебе говорить, — усмехнулась Мин И. — У тебя есть всё — деньги, квартира, родители.

— У меня есть родители, которые редко бывают рядом, — тихо ответила Сон Джи. — И деньги, которые я не заработала. Я тоже не знаю, чего хочу. Но я пытаюсь. И ты можешь попробовать. Начни с малого — хотя бы с общепита. Это не стыдно.

Мин И замолчала, глядя в свою кружку. Её лицо стало чуть мягче.

— Ты правда так думаешь?

— Правда, — сказала Сон Джи. — Ты же моя подруга. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя потерянной.

Они чокнулись, и разговор пошёл легче. Чэн И немного расслабился, Мин И даже улыбнулась пару раз.

Сон Джи слушала, кивала, давала советы, но мысли её блуждали далеко — там, где на кухне, возможно, стоит Ли Хан в её розовом фартуке и ждёт её возвращения.

«Он почти не рассказывает о себе. Я могу поделиться с ним проблемами, но доверять ему всё ещё страшно. А с ними я не могу быть до конца откровенной — они посчитают меня неблагодарной, ведь у меня есть всё, чего они лишены. Особенно Мин И...»

Она чокнулась своей бутылкой с друзьями, устало зевнула и предложила разойтись.

— Уже поздно, — сказала светловолосая .

— Давайте ещё на полчаса в бар? — предложила Мин И, но Чэн И поддержал Сон Джи.

В итоге неугомонная подруга согласилась. Они сделали несколько селфи на память, ещё раз поздравили Чэн И с победой и разошлись.

Сон Джи открыла дверь и почувствовала запах чистящего средства. Ли Хан стоял на коленях с тряпкой в руках, сосредоточенно натирая пол. Его движения были ловкими, почти ритуальными.

— Какой ты у меня молодец, — с сарказмом сказала она, снимая туфли. — Прямо образцовый домохозяин.

Он усмехнулся, не оборачиваясь.

— Рад, что ты... ну, ценишь. Хоть кто-то.

Она разделась, села на диван и достала из сумки недоеденный кусок пиццы. Усталость навалилась, но внутри было тепло. Она ела, наблюдая за ним, за тем, как длинные пальцы сжимают тряпку, как рыжая чёлка падает на глаза, как он иногда поправляет её тыльной стороной ладони.

«Интересно, все ли лисы, превращаясь в людей, выглядят так же...» — подумала Джи.

Когда пицца была съедена, она оставила пустую коробку на столе и откинулась на спинку дивана.

Ли Хан подошёл, взял коробку и холодно заметил:

— Ты собираешься это убрать?

— Потом, — отмахнулась она.

— Потом уже настало, — сказал он, выбрасывая коробку. — Ты могла бы хоть иногда поддерживать порядок.

— Зачем, если ты это делаешь за меня? — поддразнила она.

— Я не прислуга, — ответил он. — Я сказал — помогать. Не убирать. Разница есть.

— Ну извини, — сказала она примирительно. — Исправлюсь.

— Ты так говорила вчера. И позавчера.

— Я серьёзно! — возмутилась она, но в голосе уже звучал смех.

— Конечно, — он покачал головой. — Я просто поверю.

Она увидела, как в уголке его губ появилась улыбка, и на душе стало тепло, по-домашнему.

Вечером, когда он собрался превращаться в игрушку, она остановила его.

— Можешь не делать этого, — сказала Джи, чуть неуверенно. — Приляг, отдохни, если устал.

— Как ты великодушна, — шутливо поклонился он.

— Я серьёзно. Ты весь день занимался домом. Все заслуживают отдыха.

Он подошёл к дивану, где она сидела с тканевой маской на лице, и с иронией спросил:

— И ты предлагаешь мне лечь рядом с... этим?

Она непонимающе нахмурилась, затем подошла к зеркалу и увидела себя — бледную, с белой тканью на лице. Она засмеялась.

— Это уходовая маска! Очень полезная штука.

— Полезная, — повторил он. — Ты выглядишь... ну, страшно.

— Ты боишься?

— Я видел всякое, — он усмехнулся. — Но это пугает.

— Тогда не смотри, — закатила она глаза, ложась на диван и пододвигаясь, чтобы дать ему место.

Он лёг рядом, стараясь не касаться её, но она чувствовала его присутствие, его тепло.

— У меня ещё много таких масок, — сказала девушка. — Хочешь попробовать?

— Ты хочешь намазать моё лицо мокрой тряпкой?

— Это полезно для кожи.

— Моё лицо идеально, — ответил он с невозмутимым видом.

— Ты бесишь меня своим упрямством, — фыркнула она.

— Но я прав.

— Ладно, твоё лицо — твои правила, — сдалась она. — Но если захочешь — я здесь.

Он посмотрел на неё. На мгновение его взгляд стал мягче.

— Спасибо, — тихо сказал лис.

— За что?

Он помолчал. Потом отвернулся к потолку.

— Не знаю. Забудь.

Через час, когда Сон Джи собралась ложиться, она посмотрела на него.

— Ну, мне нужно спать.

Он усмехнулся.

— Хочешь, чтобы я стал игрушкой? Чтобы обнимать меня?

Она покраснела.

— Я просто привыкла. Ты маленький и мягкий.

— Маленький и мягкий, — повторил он с усмешкой. — Ты описываешь меня как плюшевого мишку.

— Ты и есть плюшевый лис. Только говорящий.

Он рассмеялся — коротко, но тепло.

— Ладно. Но потом не жалуйся.

Он улыбнулся и начал превращаться. Его тело сжалось, и через мгновение на подушке лежал плюшевый лис.

Сон Джи взяла его в руки, и он показался ей таким же тёплым, как и раньше. Она прижала его к себе и закрыла глаза.

— Спокойной ночи, — шепнула девушка.

Лис молчал. Но в его стеклянных глазах, кажется, промелькнула лёгкая усмешка.

Глава 5 “Если они начнут говорить гадости... я превращусь обратно.”

Солнце уже успело пробраться сквозь неплотно задёрнутые шторы, когда Сон Джи открыла глаза. Первое, что она почувствовала, — запах. Тёплый, чуть сладковатый, с нотками цитруса и свежей выпечки. Она приподнялась на локтях, прислушиваясь к звукам из кухни:

лёгкое звяканье посуды, тихое шипение масла на сковороде, негромкое напевание — мелодия, которую она не могла узнать, но которая казалась ей смутно знакомой.

Она потянулась, чувствуя, как после сна тело наливается приятной тяжестью. Светлые волосы, спутанные за ночь, рассыпались по подушке. Она на мгновение задержала взгляд на пустом месте рядом с собой — там, где обычно лежал плюшевый лис. Сегодня его не было. И это было... странно. Но не пугающе.

Сон Джи встала, накинула лёгкий халат и, поправив сбившуюся ткань, вышла в гостиную.

На столе её ждал завтрак.

Тарелка с аппетитными тостами, щедро смазанными сливочным сыром, рядом — кружка с дымящимся кофе и высокий стакан свежавыжатого апельсинового сока. На салфетке лежала маленькая записка, выведенная аккуратным, чуть наклонным почерком.

Она подошла ближе, взяла её в руки:

«Завтрак на столе. Сок в холодильнике. Пей. Ешь. Не жди меня.»

Сон Джи улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается странное, почти забытое тепло. Она повернулась к кухне, где стоял Ли Хан, спиной к ней, ловко помешивая что-то в маленькой кастрюльке. На нём всё ещё был её розовый фартук, и это зрелище почему-то вызывало у неё одновременно смех и неловкость.

— Доброе утро, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без лишней эмоции.

Он обернулся, и в его тёмных глазах с янтарным отливом мелькнула лёгкая усмешка.

— Проснулась. Я уже думал, ты проспидь до обеда.

— Я вообще-то вчера поздно вернулась, — парировала она, садясь за стол. — Или ты не заметил?

— Заметил, — он поставил перед ней тарелку с яичницей. — Поэтому не будил.

Она подняла на него глаза, задерживая взгляд на его лице. Он выглядел свежим, бодрым, словно не спал вовсе, а провёл всю ночь, занимаясь домашними делами.

— Оу, спасибо, — сказала она, беря в руки стакан с соком. — Я ведь не покупала эти продукты. Откуда они?

Ли Хан невозмутимо пожал плечами, возвращаясь к плите:

— Взял твою карту. Сходил в магазин.

— Как бессовестно, — усмехнулась она, отпивая глоток сока. — Ты даже не спросил.

— А ты бы разрешила?

— Нет, — призналась она, притворно строго нахмурившись. — Но раз уж сходил... скажи, что ты купил?

— Молоко, яйца, хлеб... — он запнулся, будто вспоминал. — Ну, и ещё кое-что. Сама посмотри.

Она подошла к холодильнику, открыла его и ахнула. Внутри стояли аккуратно упакованные продукты: нарезанные овощи, сыр, зелень, пара бутылок с водой.

— Ты купил даже то, что я не просила, — сказала Джи, обернувшись.

— У тебя ничего не было, — он пожал плечами. — Я просто... ну, заметил.

Она хотела сказать что-то колкое, но слова застряли в горле. Вместо этого она закрыла холодильник и вернулась за стол.

— Спасибо, — тихо сказала Джи.

Он фыркнул, не оборачиваясь.

— Не надо меня благодарить. Я не для тебя старался.

— А для кого?

— Для себя, — он пожал плечами. — Не люблю, когда в доме пусто.

Она усмехнулась и откусила кусок тоста.

— А я уж подумала, что ты меня любишь.

Лис замер на мгновение. Ложка застыла в его руке. Потом он поставил её, подошёл к ней и щёлкнул её по носу — быстро, почти небрежно.

— Не говори глупостей, — сказал он, но в голосе не было злости. Только растерянность.

— Эй! — она потёрла нос. — Я пошутила!

Он уже отвернулся к плите.

— Знаю, — сказал он. — И всё равно.

Она сделала глоток кофе. Тёплый. И внутри — странное, почти забытое чувство, будто он уже был частью её утра. Её кухни. Её дома.

И это было необычно. Но почему-то не пугало.

Она доела тост и взяла кружку с кофе.

— Так, — сказала Джи, отпивая глоток. — Ты сегодня будешь весь день ходить в моём фартуке или переоденешься?

Он усмехнулся, не оборачиваясь.

— Тебе идёт, — сказала она, пряча улыбку за кружкой. — Очень... домашний.

Лис ничего не сказал. Просто поправил фартук и продолжил мешать.

Она вышла из спальни уже одетая — светлые джинсы, простая белая футболка, лёгкий кардиган, накинутый на плечи. Волосы были собраны в небрежный хвост, но несколько прядей всё равно выбивались, обрамляя лицо. Она выглядела свежей и отдохнувшей, но в глазах затаилась едва заметная тревога.

Ли Хан стоял у раковины, погрузив руки в мыльную воду. Он не обернулся, когда светловолосая вошла на кухню, но по едва заметному движению плеч она поняла, что лис знает: она здесь.

— Уже уходишь? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да, — ответила она, остановившись у стола. — Мин И ждёт.

Он кивнул, продолжая мыть посуду.

— Ли Хан, — начала она, и голос ее приобрел оттенок неуверенности. — У меня к тебе просьба.

Он обернулся, вытирая руки о полотенце. Его взгляд был спокойным, но в нём читалось любопытство.

— Если я приду с друзьями... — начала Джи, теребя край кардигана. — Не мог бы ты... ну... превратиться в игрушку? Чтобы они не увидели тебя.

Он не ответил сразу. Его лицо осталось непроницаемым, но в глазах мелькнула лёгкая тень.

— Ты хочешь, чтобы я спрятался? — в его голосе послышалась насмешка.

— Чтобы они думали, что ты одна?

— Это не так! — поспешно возразила она. — Просто... я не знаю, как им объяснить. Ты ведь не человек.

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Я знаю, — сказал Хан, отводя взгляд. — Мог бы быть другом. На пару дней.

— Я не смогу убедительно соврать, — призналась она. — Если они увидят незнакомого парня в моём доме, они не поверят мне. Мин И вызовет полицию, расскажет моим родителям, а они... они просто выгонят тебя. Это в лучшем случае.

Он смотрел на неё, и она видела, как его взгляд становится холоднее. Но в нём не было злости — только лёгкая, едва заметная горечь.

— Ты боишься, — сказал он тихо.

— Я боюсь, что они не поймут, — поправила она. — Что они испугаются. И я просто... — она запнулась. — Я боюсь, что ты уйдёшь.

Последние слова вырвались раньше, чем она успела их обдумать. Она замерла. Он тоже замер.

— Правда? — спросил Хан, и в голосе мелькнула усмешка.

Она опустила глаза и ничего не ответила. Просто сжала пальцы на кардигане.

— Конечно, — сказал он, отворачиваясь. — Игрушка. Я понял.

— Я не хочу, чтобы ты думал, что я стыжусь тебя, — сказала она тихо. — Это не так. Просто... я не готова.

Он молчал. Потом снова повернулся к ней.

— Ладно, — сказал Хан. — Буду игрушкой. Но если они начнут говорить гадости... я превращусь обратно.

Она выдохнула с облегчением.

— Они не будут.

— Надеюсь, — сказал он.

Она подошла к двери, уже взявшись за ручку, но остановилась и повернулась к нему.

— Ли Хан, — позвала Джи.

Он поднял на неё взгляд, ожидая.

— Спасибо, что согласился, — сказала она.

Он усмехнулся и покачал головой.

— Иди уже. А то опоздаешь.

Джи улыбнулась в ответ и вышла, но в груди осталось лёгкое, почти забытое чувство

Глава 6 Вкус весны

У входа в университетский корпус её уже ждала Мин И — нетерпеливая, с телефоном в руке и привычной полуулыбкой на губах.

— Ты чего так долго? — спросила подруга, пряча телефон в карман джинсов. — Я уже думала, ты решила прогулять.

— Досматривала дораму, — соврала Джи, и ложь обожгла язык, оседая где-то в груди липким, неприятным осадком. Она отвела взгляд, чтобы не встречаться с глазами подруги.

«Эх, как же всё сложно», — пронеслось в голове. Мысль была тягучей, как утренний туман, который никак не хотел рассеиваться. Она висела внутри, мешая дышать полной грудью.

«Вот бы быть уверенной, что друзья примут правду. И что Ли Хан не начнёт язвить при них...»

Она представила его на фоне своей обычной жизни — колючего, прямого, не умеющего молчать, когда хочется вставить колкость. И от этой картины внутри становилось одновременно тепло и тревожно.

С этими запутанными мыслями, под слегка недоумевающим взглядом Мин И, Джи вошла в аудиторию и села за парту.

Лекция по управлению номерным фондом тянулась медленно, как патока. Голос преподавателя звучал ровно и монотонно, сливаясь с гулом вентиляции и редкими шорохами тетрадей. Джи смотрела в конспект, но не видела строк. Она слушала вполуха, и мысли то и дело ускользали — к тому, как он щёлкнул её по носу, а потом отвернулся к плите, будто ничего не произошло.

— Записывай, — вяло предложила она, толкнув подругу локтем. — Чтобы мы больше не ссорились по пустякам. Как тогда, с английским.

— Мне лень, — Мин И пожала плечами, не поднимая головы от телефона. — Но я уже сказала: не буду с тобой ругаться по таким мелочам.

Она отправила Чэн И очередную картинку из Pinterest и довольно улыбнулась сама себе.

— Пойдём сегодня на ярмарку вакансий? — чуть оживилась Джи, понизив голос почти до шёпота.

Глаза Мин И загорелись.

— Давай. Надеюсь, там будет что-то повыгоднее.

После пары они спустились в столовую. Запах жареного мяса и риса смешивался с гулом голосов и звоном посуды. Джи заказала себе чай, Мин И — тонкацу и кимчи. Они сели у окна, и на несколько минут повисла тишина.

Странная тишина. Неловкая.

— Ты чего? — спросила Джи, заметив, как подруга нервно покусывает губу. — Что случилось?

Мин И замаялась. Обычно бойкая и прямая, сейчас она выглядела растерянной — теребила край салфетки, опускала глаза.

— Ну... — начала она несколько подавленно — Хотела удостовериться кое в чём... спросить...

— Спрашивай, — мягко сказала Джи, отодвигая чай в сторону.

— Ну... тебе же точно не нравится Чэн И?

Светловолосая удивлённо подняла бровь, и внутри неё что-то дрогнуло — одновременно радость за подругу и лёгкая тревога.

— Оу... Так ты что-то к нему чувствуешь?

— Тише! — осадила её Мин И, испуганно оглядываясь по сторонам, будто их могли услышать.

Джи улыбнулась — широко, искренне.

— Это очень здорово! Тебе надо ему сказать!

Мин И не ответила сразу. Она смотрела на свою тарелку, перебирая палочками кусочки тонкацу, словно искала в них ответы.

— То есть он тебе не нравится? — переспросила она, поднимая глаза.

— Конечно нет, — легко ответила Джи, поднося чашку ко рту. — Он же мой школьный товарищ. Как и ты.

— Эх, — вздохнула Мин И, и в этом вздохе было столько тоски, сколько она редко показывала. — Жаль, что ты ему — как раз наоборот.

— Рано или поздно он поймёт, — ободряюще произнесла Джи, касаясь руки подруги. — Что лучше присмотреться к тому, кому ты действительно нравишься.

— Да уж... — Мин И слабо улыбнулась. — Надеюсь, когда-нибудь твои слова сбудутся.

Она задумчиво уставилась в потолок, и Джи вдруг вспомнила о другом — о его рыжих волосах, о том, как он усмехается, когда она говорит что-то нелепое.

— Знаешь, — сказала она, возвращая себя к разговору, — у него же через месяц день рождения. Можешь использовать это как повод проявить свои чувства. Подари то, что он хочет, напиши стих... Признайся, но не прямо. Возможно, он отгадет. Даже пусть не сразу.

Слова лились легко и свободно, но в какой-то момент Джи запнулась. Она вдруг поняла, что не знает, когда день рождения у её нового жильца. Девушка на мгновение задумалась, но тут же одёрнула себя:

«Мы не настолько близки, чтобы я у него это спрашивала».

Мин И благодарно кивнула, доела свой тонкацу, и они вышли на улицу.

Сон Джи нервно сжимала в руке свой бейдж с именем и факультетом, её взгляд бегал по стендам с различными вывесками. Мин И, напротив, выглядела расслабленной — она уже заметила стенд с бесплатными образцами косметики и уже прикидывала, сколько можно урвать.

— Ну и куда сначала? — спросила Мин И, поправляя свои тёмные волосы. — Я слышала, что у «Lotte Hotel» раздают подарочные наборы. Может, зайдём туда?

— Мин И, это не ярмарка подарков, — вздыхает Сон Джи. — Мы здесь, чтобы узнать о стажировках и вакансиях.

— Ну да, ну да, — беззаботно отмахнулась от нее подруга. — А подарки — это приятный бонус. Ты слишком серьёзно ко всему относишься.

Сон Джи не ответила. Она посмотрела на стенд с туристическими программами, и ей вдруг стало грустно. Она подумала о том, что не может рассказать Мин И о ее новом жилье... Что она не может сказать: «Я живу с лисом, который превращается в человека». Что она не может признаться, что иногда боится, что он исчезнет, и она снова останется одна..

— Ты чего зависла? — Мин И дёрнула её за руку. — Идём, у того стенда с авиакомпанией раздают брелоки.

— Подожди, — сказала Сон Джи, останавливаясь. — Мне нужно подойти к стенду туристического агентства. Я хочу узнать о программах обмена.

— О боже, — закатила глаза Мин И. — Ты серьёзно? Мы пришли сюда не для того, чтобы учиться. Мы пришли, чтобы получить бесплатные вещи и может быть найти лёгкую работу. — потрясла ее за руку подруга.

— Я пришла, чтобы подумать о будущем.-серьёзно ответила ей светловолосая.

— Я не хочу проработать курьером всю жизнь .-с раздражением добавила она.

— Ну тебя — усмехнулась Мин И. — Твои родители тебя и так обеспечат. Зачем тебе что-то искать?—искренне не понимала подруга.

— Я хочу сама, — холодно призналась Сон Джи, чувствуя, как внутри закипает. — Я хочу знать, что могу добиться чего-то без их помощи.

Посмотрев на нее с лёгким удивлением, Мин И промолчала. Она подумала, что будь у нее деньги родителей, она бы жила себе, ни в чем не отказывая. Однако учитывая, что квартиру ей оплачивает Сон Джи, и частенько дает ей деньги на всякие нужды, девушка решила не высказывать свои мысли вслух.

— Ладно, я пойду пока к стенду, где раздают скидочные купоны на спа-салоны ..- предупредила ее Мин И и пошла к желаемому, оставив светловолосую одну посреди шумного зала.

В груди неприятно защемило . “должно быть, именно так ощущается потерянность .. “- мельком подумала девушка.

Подойдя к туристическому стенду , она взяла в руки буклет и начала читать , однако слова не складывались в предложения..Она снова подумала о Ли Хане.. О его взгляде прошлым вечером, о шутке про маску, о том, что он, кажется, не просто игрушка.

«О чём я думаю? — она тряхнула головой, пытаясь прогнать его образ. — У меня здесь будущее, а я снова о нём. О том, что никто не знает о нём. О том, что я сама не знаю, кто он. И о том, что с Мин И снова будет непросто».

Осмотрев яркие фотографии отелей и пляжей , девушка невольно вспоминала рыжие волосы парня , ругая себя за рассеянность мыслей .

—Вы интересуетесь программой обмена? — послышался голос консультанта.

— А? — она подняла голову и увидела перед собой улыбающегося сотрудника. — Да... я хотела бы узнать подробности.

Он начал рассказывать, но она почти не слушала. Девушка смотрела на яркие картинки в брошюре и думала о другом — о том, что вечером её ждёт дом. И почему-то в этом «доме» всё чаще появлялся он.

Спустя час Сон Джи и Мин И встретились на том же месте, где и разошлись ранее.

—Ты ничего не взяла ?-удивилась ее подруга.

—Вот буклет.—серьезно вытащила из кармана небольшой листок девушка.

— Ты иногда такая серьёзная, — покачала головой Мин И, поправляя лямку сумки. — Мы ж не на паре.

— Я знаю, — Джи отвела взгляд, чувствуя, как внутри закипает лёгкое раздражение на саму себя. — Просто сегодня... была не в настроении.

Мин И ничего не сказала. Вместо этого она запустила руку в карман куртки и извлекла апельсиновый леденец — яркий, в прозрачной обёртке, купленный, должно быть, в ларьке у входа.

— Держи, — она протянула его подруге с той привычной, жизнерадостной улыбкой, которая появлялась у неё в такие моменты — когда она хотела поддержать, но не знала слов. — Пусть хоть это поднимет тебе настроение.

Джи взяла леденец, и кончики её губ дрогнули в ответной улыбке.

— Спасибо, — сказала она, разворачивая обёртку. — Сладкое всегда кстати.

Она положила леденец в рот — цитрусовая кислинка мгновенно растеклась по языку, заставляя поморщиться, а затем уступила место приятной сладости. Джи подмигнула подруге, чувствуя, как внутри неё становится чуть легче.

Весенний ветер дул в лицо, путал волосы, приносил запах цветущих деревьев и городской суеты. Девушки шли к метро — Мин И жила на другой линии, и они всегда прощались у входа. Джи смотрела на подругу: на её лёгкую походку, на то, как она улыбалась прохожим, на то, какой беззаботной она умела быть.

Напряжение, которое сжимало плечи студентки весь день, начало понемногу отпускать. Она чувствовала, как сладость леденца смешивается с прохладным ветром, как мысли становятся чуть яснее.

«Когда-нибудь, — подумала она, глядя на Мин И, — я смогу рассказать ей правду. Всё. О нём. О том, что скрываю. Но не сегодня. Не сейчас».

Она проводила подругу взглядом до турникетов, а затем развернулась и пошла в сторону дома, чувствуя, как внутри неё остаётся что-то уютное—сладкое, как тот леденец, и такое же мимолётное.

Глава 7 «Когда ты будешь готов»

Вечер опустился на квартиру мягкой, бархатной темнотой. Джи сидела за столом, доедая чиз-рамён, который приготовил Хан, и запивала китайским чаем — тёплым, с лёгким привкусом жасмина, который она так любила. Она хотела поблагодарить его, но, обернувшись, увидела, что он уже лежит на кровати — неподвижный, как всегда, когда был в облике игрушки.

Джи погладила его по голове, чувствуя под пальцами мягкий искусственный мех, и легла рядом. «Может, даже хорошо, — подумала она, глядя в потолок. — Так не нужно думать о том, что я скрываю. Не нужно гадать, о чём он молчит».

Она включила корейский детектив «Цветок зла» — мрачную историю о человеке, который скрывает своё прошлое. Джи смотрела, но почти не видела. Мысли бродили где-то далеко, и только через два часа она поняла, что так и не запомнила ни одной сцены. Она выключила телевизор, накрылась одеялом и закрыла глаза.

Но сон не шёл.

Она уже почти провалилась в дремоту, когда услышала шаги. Тихие. Осторожные. Она приподнялась на локтях и увидела его — он ходил по гостиной в её оверсайз-футболке и пижамных штанах, босиком, бесшумно, как тень. Лис подошёл к окну и замер, глядя на ночной Сеул.

Джи встала, накинула халат и двинулась к нему.

— Не спится? — спросила она сонно.

Он не обернулся.

— Я редко сплю. Привычка.

Его голос был ровным, почти безразличным, но она чувствовала в нём что-то новое — напряжение, которое Хан обычно прятал за колкостями.

— Ты говорил, что был в заточении, — сказала она, подходя ближе. — Сто лет. Что это было?

Он медленно повернулся к ней. В свете уличных фонарей его лицо казалось бледным, а глаза — глубокими, почти чёрными. Лис смотрел на неё так, будто решал, можно ли ей доверять.

— Это долгая история, — сказал он, и голос его стал глухим. — Ты не готова.

— Ты можешь рассказать, — произнесла она, чувствуя, как внутри всё замирает. — Я готова.

Он усмехнулся — коротко, безрадостно, и в этой усмешке было столько горечи, что у неё сжалось сердце.

— Если я расскажу, — сказал лис, — ты можешь не захотеть остаться.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, делая шаг вперёд.

— Я знаю тебя, — сказал он тихо, не глядя на неё. — Ты добрая. И ты не любишь боль. А моя история... — он замолчал, провёл рукой по волосам. — Это боль. Я не хочу, чтобы ты из-за этого... — Хан не договорил, просто покачал головой.

— Но ты не должен справляться с этим один, — сказала она, и голос её дрогнул. Ей показалось, что если лис сейчас уйдёт в свою боль, он может не вернуться.

Ли Хан снова повернулся к ней. На его лице мелькнуло что-то — не улыбка, не напряжение, а что-то среднее. Она не видела его таким раньше. Или видела, но не замечала.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Но сейчас... — Хан махнул рукой, будто отгоняя муху. — Просто стой. Не надо говорить.

Джи сделала шаг вперёд и положила руку ему на плечо. Он был напряжён, и она чувствовала это через тонкую ткань футболки. Она посмотрела на него снизу вверх, чувствуя, как бьётся её сердце.

— Хорошо, — сказала девушка. — Я не буду спрашивать. Но когда ты будешь готов... я здесь. Ли Хан.

Джи сама не заметила, как впервые назвала его по имени. Слово сорвалось с губ, лёгкое и естественное, будто она произносила его сотни раз.

Он замер. В его взгляде промелькнуло что-то — удивление, смешанное с теплом. Лис смотрел на неё так, будто она сказала что-то важное, но не мог найти слов для ответа.

— Я знаю, — сказал он, отводя взгляд. — И я... — он замолчал, будто искал слово. — Рад, что это так. Когда-нибудь... может быть.

Они замолчали. Город за окном переливался огнями, и тишина между ними была не тяжёлой, а тёплой.

Через некоторое время он снова заговорил, и в голосе появилась уже привычная ей усмешка.

— Но с одним условием.

— Каким? — спросила она, поднимая глаза.

— Ты перестанешь оставлять пустые коробки на столе.

Джи не ожидала этого. Она смотрела на него, на его улыбку, которая преображала его лицо, и чувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

Джи рассмеялась — легко, искренне. В этом смехе было всё: облегчение, удивление, и то, в чём она пока не могла признаться даже самой себе.

— Хорошо, — сказала она, подмигивая.

Он усмехнулся, и в следующее мгновение его тело начало сжиматься, превращаясь в знакомый плюшевый комок. Через секунду на её кровати лежал рыжий лис с пуговичными глазами, которые, казалось, смотрели на неё с прежней наглой усмешкой.

Она легла рядом, прижала его к себе и прошептала:

— Спокойной ночи.

Улыбка не сходила с её лица, даже когда сон уже начал укутывать её. Джи уснула — спокойно, без тревог, впервые за последние дни позволяя себе просто отдыхать.

Глава 8 «Никто не приглянулся?»

Следующее утро встретило Джи звоном посуды и запахом рисовых пирожков, которые Хан уплетал с такой скоростью, будто боялся, что они исчезнут. Он сидел за кухонным столом, запивая их бутылочкой соджу, которую предусмотрительно купил, пока студентка ещё спала. Его вид был настолько довольным, что Джи на мгновение задумалась — не живёт ли у неё не лис, а какой-то древний гурман-алкоголик.

Она уже заканчивала наносить тушь для ресниц, когда входная дверь распахнулась с такой силой, будто в квартиру ворвался ураган. У неё перехватило дыхание. Хан тоже замер. На мгновение их взгляды встретились — и в следующую секунду на месте парня уже лежала плюшевая игрушка, которая с глухим стуком приземлилась на пол. Джи едва сдержала крик.

Родители вошли в гостиную быстрее, чем Джи успела подумать «проветрить». Запах соджу уже висел в воздухе, как призрак семейного скандала.

— Мам, пап, привет! — воскликнула Джи с такой нарочитой радостью, будто они не виделись сто лет. — Ну как у вас дела? Как поездка в Японию?

Она надеялась, что её голос сможет заглушить запах, но отец был слишком опытным дегустатором алкоголя. Его взгляд уже скользнул по пустой бутылке на столе.

— Здравствуй, Джи, — сказал он, и голос его был холоднее, чем суши в дешёвом ресторане. — Ты что-то празднуешь сегодня?

— Ну... ко мне заходила Мин И, сегодня же... день друзей! — выпалила студентка, убирая руки за спину, как нашкодивший школьник. — Решили немного отметить.

— День друзей? — переспросил отец с сомнением. — И часто у вас эти праздники?

— Ну, когда как... — она сделала неловкий жест рукой. — Но мы не злоупотребляем!

— Дочь, почему подаренный нами лис лежит на полу? — с лёгкой обидой спросила мать, указывая на игрушку. — Мы ведь старались выбирать.

— Прости-прости! — Джи метнулась к лису и подняла его с пола, отряхивая несуществующую пыль. — Я просто ходила с ним утром и уронила случайно. Он замечательный, правда!

Она положила игрушку на диван, но та, кажется, смотрела на неё с немым упреком.

— Тебе не кажется, что вы стали часто «отмечать»? — сурово произнёс отец, многозначительно глядя на пустую бутылку.

— Кан, ну хватит уже, — вмешалась мать, обнимая дочь. — Отметили и отметили. Главное — не частить. Держи, — она протянула Джи пакет с моти, — мы привезли тебе гостинцы. С трюфелем и шоколадом, твои любимые.

Джи с облегчением взяла пакет, радуясь, что мать переключила внимание на сладости.

Далее разговор перешёл на учёбу. Родители терпеливо расспрашивали о парах, преподавателях, сессии. Но отец всё не унимался.

— Никто не приглянулся в институте? — спросил он, и в его голосе звучала та самая родительская настойчивость, которую невозможно игнорировать.

— Нет, пап, — вздохнула Джи. — Слишком много занятости.

— Зря, — покачал головой он. — Время нужно находить на всё.

— Ну, Кан, — вмешалась мать, — какие её годы? Всё ещё впереди. Серьёзная девочка, трудолюбивая. Встретит ещё свою судьбу.

— Если кто приглянется, — строго добавил отец, — сразу говори. Это должен быть достойный человек.

Джи удручённо закивала, стараясь не смотреть на игрушку. «Достойный человек», — повторила она про себя, и внутри всё сжалось. Ей казалось, что если родители узнают правду, они не поймут. Она сама ещё не до конца понимала, кто он для неё.

Джи проводила родителей до автобуса, улыбаясь и махая рукой, пока они не скрылись за поворотом. Только тогда она позволила себе опустить плечи и выдохнуть — тяжело, шумно, как будто всё это время стояла на цыпочках.

Утро осталось позади, но день только вступал в свои права.

Рядом с вузом, прислонившись к перилам, непринуждённо болтали Мин И и Чэн И. Их голоса смешивались с утренним гулом города, а солнечный свет падал на их лица, делая этот момент почти кинематографичным. Джи замедлила шаг, надеясь, что сможет проскользнуть мимо незамеченной — слишком уставшая, чтобы вести светские разговоры, слишком погружённая в свои мысли. Но судьба, как всегда, решила иначе.

— Джи! — голос Чэн И разнёсся по улице, заставив прохожих обернуться. Он помахал ей рукой с такой энергией, будто они не виделись неделю, а не пару дней. Его улыбка была настолько яркой, что, казалось, могла соперничать с солнцем.

Джи вздохнула, понимая, что скрыться не удастся. Она подошла к ним, стараясь, чтобы лицо выглядело удивлённым, а не уставшим.

— Мин И, Ии, — произнесла она с деланным любопытством. — Что вы здесь делаете?

— Я решила подождать тебя, — сказала Мин И, кивая в сторону подруги, — а он...

— А я решил, что вы не можете идти на контрольные без подкрепления! — перебил её Чэн И, протягивая Джи коробочку рисовых печений. — Сегодня же у вас целых две работы. Я не мог оставить вас без моральной поддержки.

В его голосе звучала такая искренняя забота, что Джи на мгновение застыла. Она заметила такую же коробочку в руках Мин И — и на мгновение ей стало неловко. Та смотрела на подругу с лёгкой грустью, и Джи почувствовала, как внутри неё что-то сжалось.

— Спасибо, Ии, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал тепло, но не слишком. — Это было неожиданно.

Она заметила, как лицо Мин И слегка помрачнело, и быстро взяла подругу под руку.

— Ну, удачи вам! — улыбнулся Чэн И. — Я буду держать кулаки за вас.

— Спасибо, — ответила Джи — Нам пора.

Она развернулась и, не оглядываясь, потащила Мин И к дверям университета. Чэн И остался стоять у перил, глядя им вслед.

— Он так мил, — подавленно проговорила Мин И, когда они вошли в коридор.

— Не злись на него, — мягко ответила Джи, сжимая её руку. — Ии купил сладости нам обеим. — Он просто ещё не понял, — мягко сказала Джи. — Но он увидит. Не сразу, но увидит.

— Надеюсь, — с горечью отозвалась подруга.

Контрольная по бизнесу и финансам оказалась на удивление лёгкой — всего пятнадцать вопросов, базовых, без подвохов. Джи пробежала по ним глазами и с облегчением выдохнула. Ручка быстро заскользила по бумаге, и уже через полчаса она отложила её в сторону, чувствуя, как напряжение утренней встречи с родителями постепенно отпускает.

Она мельком взглянула на Мин И. Та сидела с сосредоточенным лицом, слегка нахмурившись, и что-то писала — медленно, но уверенно. Джи заметила, что подруга почти не поглядывает в её сторону, не тянется подсмотреть ответ. Это было неожиданно.

Когда контрольную собрали, Джи наклонилась к ней и уважительно прошептала:

— Ты учила?

Мин И устало улыбнулась.

— Да, — сказала она, отводя взгляд в окно, за которым начинался серый университетский день. — Решила, что лучше заниматься чем-то полезным. Чем бездумными надеждами.

Джи открыла рот, чтобы сказать что-то ободряющее, но слова застряли в горле. Она понимала, что Мин И говорит не о контрольной. Она говорит о Чэн И. О том, как ждать — и как устать ждать. Джи молча сжала её руку в знак поддержки.

После занятий она предложила зайти к ней домой — выпить чаю с родительскими моти, которые всё ещё лежали в сумке. Мин И не стала возражать — усталость взяла своё, а сладкое и тишина обещали маленькое спасение. Они сели на автобус, и Джи, глядя на подругу, подумала, что иногда быть рядом — это лучшее, что можно сделать.

Квартира встретила их тишиной и уютным светом, разлитым по комнате — мягким, тёплым, совсем не ослепляющим. Джи зажгла лампу на кухне, и жёлтый отблеск упал на стол, делая его почти натюрмортным. Она достала чайник, заварила свой любимый китайский чай с жасмином — и пар начал подниматься к потолку, смешиваясь с ароматом моти, которые всё ещё лежали на столе.

Мин И сидела напротив, рассеянно вертя в руках плюшевого лиса. Она крутила его, рассматривала со всех сторон, будто пытаясь разгадать какую-то тайну, которую игрушка от неё скрывала.

— Слушай, Джи, — начала она, хмурясь, — почему он такой... странный?

Джи замерла с чайником в руках.

— Странный? — переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Обычная игрушка.

— Нет, — Мин И поднесла лиса ближе к лицу, вглядываясь в его пуговичные глаза. — У него такой взгляд, будто он меня оценивает.

Джи нервно рассмеялась — слишком громко, слишком натянуто — и чуть не обожглась о носик чайника.

— Брось, Мин И, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Это просто игрушка. Не думай лишнего.

— Я серьёзно, — настаивала подруга, поднося лиса ещё ближе. — Он смотрит на меня так, будто говорит: «Ты мне не нравишься».

Джи почувствовала, как внутри неё всё сжалось. Она быстро шагнула вперёд, забрала лиса из рук подруги и спрятала его за спину, чувствуя, как он нагревается от её ладоней.

— Ты просто расстроилась из-за Чэн И, — мягко сказала девушка, хлопнув Мин И по плечу. — Тебе кажется.

Брюнетка вздохнула и откинулась на спинку стула, глядя в потолок.

— Наверное, — протянула она, и в голосе её звучала усталость. — Но знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я бы хотела, чтобы он смотрел на меня так, как этот лис смотрит на тебя.

Джи почувствовала, как кровь приливает к её щекам. Она густо покраснела — от неловкости, от того, что Мин И сказала это вслух, от того, что Хан всё слышал. Девушка крепче прижала игрушку к себе, пряча её за спиной, и не нашла слов для ответа.

Они сели за стол, и Мин И, откусывая моти, снова заговорила о Чэн И. О том, как ей больно ждать. О том, как он не замечает её. О том, как она устала надеяться.

— Ты не представляешь, как это сложно— сказала она, глядя в кружку с чаем. — Если бы не ты... я не знаю, что бы делала. Ты такая добрая, Джи. Всегда находишь слова.

Девушка сжала её руку.

— Я знаю тебя, — мягко сказала она, — Ты всегда находишь выход.

Мин И усмехнулась, но в усмешке не было веселья. Она снова перевела взгляд на лиса — теперь он лежал на краю стола, почти забытый, но всё ещё притягивающий её внимание.

— А ты охладела к нему, — заметила она. — Раньше ты его везде носила, говорила с ним... чуть ли не как с другом. А теперь он просто лежит.

Джи опустила глаза, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

— Люди меняются, — ответила она тихо. — Я выросла.

— Выросла? — переспросила Мин И, откусывая кусочек моти и жуя. — То ты его любила, то тебе всё равно... странно как-то.

Джи улыбнулась — натянуто, через силу — и перевела разговор на другую тему. Но слова подруги всё ещё звучали в голове: «То любишь, то безразлична».

Она не стала ничего объяснять. Не потому что не хотела. Потому что сама не знала, что ответить.

Вечер опустился на Сеул серой, усталой дымкой. Джи два часа подряд колесила по городу с заказами — поднималась на пятые этажи без лифта, ждала, пока клиенты соизволят открыть дверь, улыбалась, когда внутри всё кипело от усталости. Но вторник есть вторник: люди были на работе, заказов было мало, а доход оказался скромным — всего шестьдесят тысяч вон.

Она шла домой по тёмным улицам, чувствуя, как ноги гудят, а внутри разрастается пустота. В маленьком магазинчике у дома она купила две пачки чипсов со вкусом лука и сметаны — не потому что хотела, а потому что они всегда поднимали настроение. Или хотя бы создавали иллюзию.

Зайдя в квартиру, она сразу почувствовала запах. Тёплый, насыщенный, до боли знакомый — её любимый суп с говядиной, рис и овощи, аккуратно разложенные по тарелкам. На столе её ждал ужин, будто она не работала, а просто вышла на минутку.

Её сердце сжалось от благодарности. Она поставила сумку и огляделась — самого лиса нигде не было. Только игрушка на диване, неподвижная, как напоминание о том, что он всё ещё здесь.

Она вздохнула и подошла к дивану. Девушка взяла лиса в руки и заглянула в его пуговичные глаза.

— Ты слышал, о чём мы говорили с Мин И? — спросила она тихо. — Про Чэн И?

Игрушка молчала.

— Ты обиделся? — она погладила его по голове. — Или просто не хочешь говорить?

Молчание. Она села за стол, положила игрушку рядом с собой и вздохнула с досадой.

— Я ведь знаю, что ты всё слышал, — сказала Жи. — Превращайся давай.

Она достала чипсы и положила пачку рядом с игрушкой.

— Я купила это для тебя, — сказала девушка, глядя в пуговичные глаза. — Я не хочу, чтобы ты думал, что я забываю о тебе.

Игрушка дёрнулась — и через мгновение на её месте сидел он. В её чёрной оверсайз-футболке, с небрежно растрёпанными рыжими волосами, с лицом, которое старалось быть непроницаемым, но в глазах всё ещё мелькала настороженность.

— Ты купила мне чипсы? — спросил он, и в голосе звучало удивление, которое он пытался скрыть.

— Ты же тоже ешь человеческую еду, — пожала она плечами. — Подумала, что ты захочешь попробовать. Это вкусно.

Он посмотрел на пачку, потом на неё.

— Ты просто хотела, чтобы я не съел твой ужин, — сказал Хан, и в голосе мелькнула усмешка.

— Я вообще-то забочусь о тебе, — возмутилась она.

— Заботишься, — повторил он, приподнимая бровь. — Покупаешь чипсы, чтобы я не умер с голоду. Очень трогательно.

Она фыркнула, но улыбнулась.

Он открыл пачку, взял один чипс и попробовал.

— Неплохо, — сдержанно прокомментировал лис.

— Правда? — её глаза загорелись.

— Для того, что продают в ларьке у дома — да, — он пожал плечами. — Но не сравнивай с моим супом.

— Высокого же ты о себе мнения, — заметила она, качая головой.

— А у тебя есть причины думать иначе? — спросил он сухо.

Она закатила глаза, но убрала чипсы в сторону.

— Давай есть суп, — сказала Джи. — Я голодная.

Он хотел сказать что-то про «спасибо», но передумал. Вместо этого Хан просто сел напротив и взял ложку.

— Ты не умеешь принимать комплименты, — заметила она, глядя на него.

— А ты не умеешь их делать, — ответил он, не поднимая глаз.

Она хотела возразить, но не нашла слов. Просто взяла ложку и начала есть.

Закончив с ужином, она откинулась на спинку стула. Он уже начал делать её задание по номерному фонду, и Джи смотрела, как его рука уверенно выводит строки, как он иногда хмурится, обдумывая ответы.

— Ты всё-таки слышал, о чём мы говорили с Мин И? — спросила она. — О Чэн И?

— Да, — коротко ответил он, не отрываясь от бумаг.

— Она очень расстроена, — сказала Джи, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Думает, что он влюблён в меня.

Лис поднял на неё слегка безразличный взгляд.

— А ты так не думаешь?

— Я знаю, что он чувствует, — сказала она тихо. — Но я не могу ничего с этим сделать. Я не хочу причинять ему боль.

Он смотрел на неё с любопытством — не ревниво, скорее изучающе.

— Значит, ты знаешь.

— Да, — призналась она. — Но это ничего не меняет. Он мой друг, и я желаю ему счастья.

— И ты думаешь, он перестанет? — спросил лис, и в голосе мелькнула усмешка.

— Я надеюсь, — сказала она. — Я никогда не давала ему ложных надежд.

Он кивнул, обдумывая её слова.

— Хорошо, — сказал Хан, отводя взгляд. — Просто заметил. Она переживает.

Джи подняла на него глаза.

— Тебя это беспокоит?

— Нет, — ответил он, возвращаясь к бумагам. — Это не моё дело.

— Но ты всё равно заметил, — сказала она, и в голосе мелькнула лёгкая улыбка.

Он ничего не ответил. Но его рука на мгновение замерла над бумагой — и снова продолжила писать.

Глава 9 Первая серия

Прошла ещё одна неделя. Неделя, в течение которой они научились ужинать вместе, не чувствуя неловкости. Неделя, в течение которой он перестал исчезать в игрушку при каждом её шаге, а тишина между ними перестала быть тяжёлой.

Вечер опускался на квартиру медленно, как тёплая вода. Комната утопала в полумраке, который делал её уютнее, а не темнее. Джи сидела на диване, поджав ноги, и листала эпизоды «Цветка зла». На экране мелькали тени, играл саундтрек, от которого по коже бежали мурашки. Но она почти не смотрела. Взгляд то и дело ускользал в сторону кухни — туда, где Хан заканчивал мыть окна.

Он двигался бесшумно, как всегда, и в этом было что-то гипнотическое — как его руки уверенно скользили по стеклу, как он иногда поправлял чёлку тыльной стороной ладони. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри разрастается что-то новое, почти незнакомое.

— Хан, — сказала девушка, и голос прозвучал неувереннее, чем она хотела. — Хочешь посмотреть со мной?

Он обернулся, приподняв бровь.

— Ты же уже начала.

— Да, — она отвела взгляд. — Я на четвёртой серии.

Он выжидающе посмотрел на неё.

— Но если хочешь... мы можем начать с начала, — сказала она, и в голосе появилась та робость, которую она сама не ожидала услышать.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— С самого начала?

— Да, — она сглотнула. — Я хочу, чтобы ты понял, о чём она. Это хорошая дорама.

— Ты готова пересмотреть четыре серии ради меня? — в его голосе мелькнула усмешка, за которой она чувствовала любопытство.

— Я уже смотрела их, — Сон Джи пожала плечами, стараясь выглядеть беззаботной. — Мне не сложно.

— Ты уверена? — он подошёл ближе. — Говорят, люди становятся зависимыми.

— Я не зависима, — возразила она, но голос прозвучал неубедительно.

— Прямо как сейчас? — он сел рядом и чуть прищурился, глядя на неё.

Она почувствовала, как внутри закипает раздражение — но не злое, а скорее игривое.

— Ты будешь смотреть или нет?

Он откинулся на спинку дивана, устроившись поудобнее, и посмотрел на неё с лёгкой насмешкой.

— Я думаю, что ты просто не хочешь смотреть одна. Тебе скучно.

— Сейчас я хочу смотреть с тобой, — ответила она, и в голосе появилась улыбка.

Джи не смотрела на него, но чувствовала его взгляд на себе. Лис не сказал «да», но и не ушёл. Он просто остался сидеть.

— Включай, — сказал Хан коротко.

Она чуть подавила улыбку и начала перематывать сериал на первую серию.

Пока шли титры, Джи повернулась к нему, чувствуя, как его присутствие рядом согревает.

— Это дорама о человеке с тёмным прошлым, — начала она. — Он скрывает свою истинную личность. Его жена не знает, кто он на самом деле.

— Звучит знакомо, — сказал Хан, и в голосе мелькнула усмешка.

Она посмотрела на него с лёгким любопытством.

— Думаешь, есть параллель с тобой?

Он задержал на ней взгляд, но ответил не сразу.

— Я не скрываю, — Хан пожал плечами. — Просто не рассказываю.

— Это одно и то же, — она улыбнулась.

— Нет, — он покачал головой. — Скрывать и не рассказывать — разные вещи.

— Тогда почему ты не рассказываешь?

Он встретил её взгляд, но она не смогла прочитать то, что было в его глазах.

— Я ещё не готов, — сказал лис холоднее. — Уже говорил.

— Я буду ждать, — ответила она, и в голосе прозвучала мягкость. — Но если решишь рассказать — предупреди заранее. Я хочу знать, когда нужно запастись попкорном.

— Попкорном? — он приподнял бровь.

— Это для серьёзных разговоров, — она усмехнулась. — Если собираешься раскрывать тёмную тайну — я хочу быть готовой.

— Тогда тебе понадобится целая фабрика, — сказал он, и уголок его губ дрогнул.

— Я возьму на заметку, — улыбнулась она.

Когда началась первая серия, Хан сосредоточился на экране. Джи украдкой наблюдала за ним, пытаясь понять, нравится ли ему. Он смотрел внимательно, изучающе, почти аналитически.

Через некоторое время лис указал на экран:

— Этот персонаж похож на меня.

— Почему? — удивилась она.

— Он защищает то, что дорого, — тихо сказал Хан. — Даже если это значит делать плохие вещи.

— Так ты тоже готов? — спросила она, и в голосе послышался смех, смешанный с неверием.

— Я уже делал, — ответил он, и голос стал серьёзным.

Она посмотрела на него с тревогой.

— Например?

Он замолчал. Его взгляд потемнел, и он отвернулся к экрану.

— Не сейчас, — сказал лис, и в голосе не было злости. Только усталость.

Джи почувствовала, как внутри всё сжалось. Слова застряли в горле. Она хотела спросить, хотела понять, но что-то в его лице остановило её. Ли Хан не смотрел на неё. Он смотрел в экран, но она знала — он не видел его. Лис был где-то далеко, в том месте, куда она не могла войти.

Она сжала пальцы в кулак под одеялом и медленно выдохнула.

— Хорошо, — сказала девушка, и голос прозвучал тише, чем она хотела. — Мы не будем.

— Спасибо, — ответил он, не глядя на неё. — Что не давишь.

Джи улыбнулась, но внутри осталось ощущение, что между ними только что произошло что-то важное. Она не знала, что это было, и не была уверена, что хочет знать. Студентка просто вернулась к просмотру.

Когда первая серия закончилась, Жи чувствовала прилив тепла в груди. Она повернулась к нему — его профиль освещался светом экрана, рыжие волосы отливали золотом, глаза казались глубже, чем обычно.

— Ну как? — спросила она, и в голосе появилась надежда.

Он посмотрел на неё ничего не выражающим взглядом.

— Сносно, — сказал Хан.

— Сносно? — она усмехнулась. — И это всё?

— Что я должен сказать?

— Ну, не знаю, — она пожала плечами. — «Было интересно» или «хочу посмотреть вторую серию».

Он посмотрел на неё.

— Я хочу посмотреть вторую серию, — сказал Хан, и голос прозвучал нарочито деревенно, без эмоций.

Она рассмеялась, качая головой.

— Ты говоришь это так, будто признаёшься в чём-то ужасном. Это не преступление.

— Для меня это почти преступление, — сказал он тихо. — Я не смотрю дорамы. Это... ново.

— Ну а теперь смотришь, — она улыбнулась. — Добро пожаловать в мир зависимых.

— Ты думаешь, я стану зависимым?

— Я думаю, что ты уже на пути к этому, — она толкнула его в плечо. — Первая серия — начало конца.

— Тогда, может, мне стоит остановиться? — спросил он, и в голосе мелькнула насмешка.

— Нет! — она замахала руками. — Это шутка! Ты не можешь остановиться! Мы должны посмотреть вторую серию!

Он посмотрел на неё и едва заметно улыбнулся.

— Ты слишком эмоционально реагируешь на дорамы, — заметил Хан.

— Вовсе нет, — скрестила она руки на груди, но голос прозвучал неубедительно. — Я просто вовлечена.

— Ты вовлечена, — повторил он саркастично. — Звучит так, будто ты главная героиня.

— Может, я и есть главная героиня, — мечтательно сказала она. — Ты никогда не знаешь.

— Ты не подходишь, — его лицо стало непроницаемым.

— Почему? — удивилась она.

— Ты слишком спокойная, — заметил он.

— Спокойная? — она подняла бровь. — Ты называешь меня спокойной?

— Да. Ты не драматизируешь. Ты просто делаешь.

— Это комплимент? — спросила она с улыбкой.

— Констатация факта, — сказал он, и в голосе мелькнула его та самая сухая усмешка.

Она посмотрела на него. Лис не пытался быть приятным. Он просто говорил, как есть. И в этой простоте было больше смысла, чем в любых комплиментах.

— Я просто хочу посмотреть вторую серию, — сказала она. — Это всё.

Он посмотрел на неё. В его глазах мелькнул огонёк.

— Хорошо, — с едва уловимым интересом в голосе сказал лис. — Давай посмотрим.

Она улыбнулась и молча включила следующую серию.

Утро 13 июня встретило её серым, безжизненным светом. Джи лежала в кровати, глядя в одну точку, и чувствовала, как внутри разрастается тревога — густая, липкая, как холодный сироп. Зачётная неделя. Экзамены по английскому и статистике. От одной мысли дыхание перехватывало, а грудь сдавливалось невидимым грузом.

Джи заставила себя встать. Собрала сумку, стараясь не думать о том, сколько ещё нужно выучить. Взялась за утюг, чтобы погладить белую рубашку и тёмную юбку, но, взглянув на них, раздражённо вздохнула — они были грязными. Она забыла кинуть их в стирку.

— Чёрт, — выдохнула Джи, ударив себя ладонью по лбу.

Пришлось перебирать гардероб. Она выбрала красную толстовку и белые брюки — просто, удобно, без лишней возни. Оделась, привела волосы в порядок и вышла в гостиную.

В комнате было тихо. Слишком тихо. Она огляделась — лиса нигде не было. Ни на диване, ни на кровати, ни на своём обычном месте. Это было странно, но она не придавала этому значения. На кухне её ждал завтрак — такчук и айс-латте. Девушка молча съела, чувствуя, как холодный кофе бодрит, но не прогоняет утреннюю тяжесть.

Когда она понесла чашку в раковину, заметила, что в ванной горит свет. Дверь была приоткрыта. Она подошла ближе и заглянула внутрь.

Он стоял перед зеркалом.

Перед зеркалом стоял Хан — высокий, рыжий, с её крошечной красной расчёской в руках. Он водил ей по волосам с такой невозмутимостью, будто она всегда принадлежала ему. Ни тени смущения, ни капли неловкости — только спокойное, почти скучающее выражение лица.

Она замерла на пороге, наблюдая за ним. В его движениях было что-то гипнотическое — длинные пальцы, уверенно скользящие по рыжим прядям, лёгкое движение запястья, когда он поправлял чёлку. Девушка смотрела на это и чувствовала, как внутри неё смешиваются раздражение и что-то ещё, чему она не хотела давать имя.

— Эй, — сказала светловолосая, и голос прозвучал резче, чем она планировала. — Это моя расчёска.

Он не обернулся, вместо этого продолжив водить расчёской по волосам, глядя на её отражение в зеркале.

— Я знаю.

— Ты не можешь просто брать мои вещи.

— Я не брал, — он усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли раскаяния. — Я использовал. Это... — он пожал плечами, — разные вещи.

Она скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Это моя личная вещь. Ты не можешь просто так её использовать.

Он повернулся медленно — слишком медленно для того, кто просто хотел ответить. Расчёска в его руке казалась почти продолжением пальцев, и шаг вперёд, который он сделал, был таким естественным, будто он всегда знал, как оказаться рядом. В его глазах мелькнула та самая искра, которую она уже научилась читать — смесь вызова и лёгкой насмешки. Она невольно задержала дыхание.

— Ты разрешила мне жить здесь, — сказал он, наклоняя голову. — Разве это не значит... — Хан не закончил. Он просто посмотрел на неё, и она почувствовала, как его взгляд скользит по её лицу.

Джи отвела глаза, чувствуя, как краска заливает щёки.

— Это другое! — голос прозвучал выше, чем она хотела. — Мои личные вещи я не разрешала трогать!

— Хочешь, чтобы я ходил лохматый? — он приподнял бровь, и в голосе звучала ленивая насмешка, от которой она одновременно злилась и терялась.

— Я хочу, чтобы ты спросил, прежде чем брать мои вещи, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. Но внутри она чувствовала, как дрожит.

Он посмотрел на неё с прищуром.

— А если бы я спросил, ты бы разрешила?

Она открыла рот, чтобы сказать «нет», но слово застряло в горле. Джи посмотрела на него, на его рыжие волосы, на то, как он стоял, слегка наклонив голову, и чувствовала, как внутри неё что-то переворачивается. Это было странное, почти пугающее чувство — он заставлял её сомневаться в том, что она собиралась сказать.

— Может быть, — произнесла она чуть тише, и слова прозвучали почти как признание.

Он улыбнулся — медленно, почти торжествующе — и положил расчёску на место. Жест был таким естественным, будто он делал это сотни раз.

— Тогда в следующий раз спрошу.

Он подмигнул ей — быстро, почти небрежно, и она почувствовала, как сердце пропускает удар. Она смотрела на него, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией, и это одновременно пугало и заставляло улыбаться.

— Ты хоть знаешь, как ухаживать за такими волосами? — спросила она, пытаясь скрыть смущение за деловитым тоном.

— Я знаю, как расчёсывать свои волосы, — ответил он, и в голосе снова мелькнула усмешка. — Этого достаточно.

— Нет, — она подошла ближе, чувствуя, как между ними сокращается расстояние. — Твои волосы — это не мои волосы. Ты не можешь просто так их расчёсывать.

Он посмотрел на неё, и в его глазах потемнело. На мгновение она увидела там что-то, чего не видела раньше — не насмешку, а почти интерес. Живой, настоящий интерес.

— Ты хочешь показать мне, как правильно?

Джи застыла. Внутри неё что-то дрогнуло — смесь вызова, любопытства и ещё чего-то, чего она не хотела называть. Он смотрел на неё в ожидании, и она чувствовала, как его взгляд приковывает её к месту.

— Я могу показать тебе, — сказала девушка, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но потом ты купишь свою расчёску.

— Договорились, — он усмехнулся, и в этой усмешке было столько уверенности, что она почувствовала, как её пальцы сжимаются в кулак.

— На мои деньги, — добавила она.

Он приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло удивление.

— Ты серьёзно?

— Ты не работаешь, — она пожала плечами, стараясь выглядеть беззаботной. — Откуда у тебя деньги?

— Я мог бы найти способ, — сказал лис, и в голосе мелькнула лёгкая насмешка.

— Но пока не нашёл, — она взяла расчёску в руки, чувствуя, как её пальцы сжимают пластмассу. — Так что ты будешь мне должен. Расчёску и вежливость.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе прозвучала ирония — Буду должен.

Она подошла ближе и поняла, что не дотягивается до его головы. Он был слишком высоким, а она — слишком маленькой. Джи почувствовала, как краска снова заливает щёки.

— Ну... — она запнулась, чувствуя, как слова застревают в горле. — Мог бы наклониться.

Он посмотрел на неё в зеркало, и на его лице появилась та самая ленивая улыбка, которая заставляла её сердце биться быстрее.

— Ты такая маленькая.

— Я не маленькая, — она пыталась звучать возмущённо, но голос дрогнул, выдавая её смущение. — Ты просто слишком высокий.

Он усмехнулся, но наклонился — медленно, давая ей время отступить. Она не отступила. Джи подняла руку и коснулась его волос.

Они были мягче, чем она ожидала. Тёплые, живые, чуть влажные после душа. Она провела расчёской по рыжим прядям, чувствуя, как его присутствие заполняет пространство вокруг, как её пальцы дрожат.

— Твои волосы мягче, чем я думала, — сказала Джи почти невольно, и тут же пожалела об этом. Слова сорвались с губ, как будто она не могла их сдержать.

В зеркале она увидела его улыбку — ту, которую уже перестала замечать, но которая всё равно притягивала взгляд.

— Ты думала о моих волосах?

— Нет, — сказала она слишком быстро, чувствуя, как её щёки заливает жар. — Я просто увидела.

— Ты много видишь..

— Ты тоже, — парировала она, и голос прозвучал тише, чем она хотела.

Джи закончила расчёсывать и отошла на шаг, стараясь не смотреть на него. Рука всё ещё сжимала расчёску, и она чувствовала, как дрожит.

— Вот, — смущённо сказала девушка. — Теперь ты знаешь, как правильно.

— Спасибо, — ответил он коротко, не глядя на неё, и снова взял расчёску в руки, будто проверяя, не исчезла ли она.

— Не за что, — ответила она и повернулась, чтобы выйти.

Он не отошёл. Напротив, сделал шаг вперёд, и она оказалась прижатой спиной к дверному косяку. Между ними остались считанные сантиметры, и она чувствовала его дыхание на своей коже — тёплое, ровное, слишком близкое, чтобы думать о чём-то другом.

— Ты что делаешь? — спросила она, и голос звучал выше, чем она хотела.

— Ты не хочешь, чтобы я трогал твои вещи, — сказал он, наклоняясь ближе. — А сама... — он замолчал, усмехнулся. — Тоже используешь.

— Что? — она почувствовала, как её сердце начинает биться быстрее.

— Ты заставляешь меня готовить, — он начал перечислять, будто считал, — убирать... а теперь ещё и волосы расчёсывать.

— Я не заставляю тебя! — возмутилась она, чувствуя, как его близость мешает ей думать.

— Значит, сам, — сказал он, и его голос дрогнул той самой усмешкой, от которой у неё внутри всё переворачивалось. — Тогда выходит, я делаю это не для тебя. А для себя. Или для нас двоих?

Он чуть наклонил голову, и его взгляд задержался на её губах на мгновение дольше, чем нужно.

Она смотрела на него, чувствуя, как его близость заставляет её терять равновесие. Его лицо было так близко, что она видела каждую ресницу, каждый оттенок его тёмно-янтарных глаз. Это сбивало её с толку.

— Ты всегда такая смелая, когда я рядом? — спросил он тихо.

— Нет, — ответила она, и голос прозвучал почти шёпотом.

— А сейчас?

Она открыла рот, но слова застряли в горле. Джи смотрела в его глаза, чувствуя, как воздух вокруг становится плотным, а мысли — путанными.

— Сейчас ты стоишь слишком близко, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала.

— Потому что мне так удобнее, — ответил он, и в голосе мелькнула лёгкая усмешка.

Джи хотела ответить, но в этот момент вспомнила — экзамен! Она опоздает!

— Боже! Мне нужно в институт! — девушка попыталась проскользнуть мимо него.

— Ты всегда так убегаешь, когда становится неловко?

— Я не убегаю! — она чувствовала, как краснеет. — Я просто опаздываю!

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход. Она быстро выскользнула из ванной.

— Удачи на экзаменах, — сказал он ей вслед с едва заметной улыбкой в голосе — Надеюсь, ты не опоздаешь.

Она остановилась у двери и обернулась.

— Я не опоздаю, — сказала Джи, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — И ты не забудь про расчёску!

— Я помню, — он улыбнулся, и в этой улыбке было столько тёплой иронии, что у неё перехватило дыхание.

Она выбежала из квартиры, оставляя его стоять в коридоре с её расчёской в руках.

Сердце колотилось где-то в горле, и она не знала, от чего больше — от страха опоздать или от того, что произошло между ними несколько минут назад.

Глава 10 «Ты просто удобная»

Утро, начавшееся с рыжей расчёски и слишком близкого дыхания, никак не хотело отпускать Джи. Она сидела на лекции, глядя в конспект, но перед глазами всё ещё стояла картина: он в дверном проёме, его глаза, его голос, сказавший «или для нас двоих?». Девушка чувствовала, как внутри всё ещё дрожит от этого воспоминания, и никак не могла сосредоточиться.

Телефон вибрировал в кармане. Чэн И писал снова — предлагал встретиться, выпить кофе, обсудить её экзамены и его футбольные тренировки. Она отвечала односложно, стараясь быть вежливой, но не давать надежды. Когда он намекнул, что хотел бы провести время именно с ней, а не с Мин И, она закатила глаза и отложила телефон. Не сегодня. Не с ним. Не за спиной подруги, которая страдала от его невнимания. Мин И тоже писала — отрывисто, сбивчиво, обещая появиться к последней паре. Джи отвечала ещё короче: «Ок», «Жду». В груди нарастала тягучая усталость. От Чэн И, от Мин И, от необходимости врать и скрывать.

К её удивлению, она получила высокие баллы за тесты по бизнесу, финансам и английскому. Джи выдохнула с облегчением, и в груди разлилось что-то тёплое — благодарность, которую она не могла выразить вслух. Она вспомнила, как он сидел за столом и объяснял ей сложные темы, как его рука уверенно выводила схемы, как он терпеливо ждал, пока она поймёт. Без него она бы не справилась.

Но радость длилась недолго.

После лекции к ней подошла преподавательница по бизнесу и финансам и коротко сказала, что Мин И вызывают на разговор об успеваемости. Джи написала подруге, и та пришла к последней паре — бледная, напряжённая, с ярко-розовыми губами, которые она нервно покусывала.

В узком кабинете пахло бумагой и старыми книгами. Три преподавателя сидели за длинным чёрным столом, и их взгляды были устремлены на Мин И, которая села напротив, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Ким Хе Сук открыла папку и посмотрела на студентку поверх очков.

— Госпожа Мин И, за последние две недели вы пропустили шесть моих занятий. Это половина курса.

— Я... я была занята, — выдавила брюнетка, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Заняты чем? — перебила Ли Су Ён, качая головой. — Ваши работы выглядят так, будто вы писали их за пять минут до дедлайна. Это неприемлемо для студентки второго курса.

— Если вы не сдадите экзамены, — добавил Пак Мин Су, поправляя очки, — мы будем вынуждены поднять вопрос об отчислении.

Девушка чувствовала, как слёзы подступают к глазам, но она сдерживала их, сжимая кулаки под столом так сильно, что ногти впивались в ладони. Она кивала, обещала, соглашалась, но внутри всё кипело — от стыда, от страха, от унижения.

Когда брюнетка вышла из кабинета, Джи ждала её в коридоре. Мин И прошла мимо, не глядя на неё, и только когда подруга коснулась её плеча, она резко обернулась.

— Ты слышала, что они сказали? — прошипела она, и в голосе звенела злость. — Я на грани отчисления! Если я не сдам экзамены, меня выгонят!

— Я знаю, — мягко сказала Джи. — Но ты же знала, что так будет...

— Ты тоже прогуливала! — перебила Мин И. — Но тебя не вызывают, потому что ты всегда всё сдаёшь вовремя! А я не могу!

— Я помогала тебе, — сказала Джи, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Давала конспекты, делала тебе задания...

— Этого недостаточно! — почти крикнула Мин И. — Ты просто даёшь мне свои записи, а не объясняешь! Ты никогда не сидишь со мной, никогда не помогаешь по-настоящему!

Джи смотрела на неё, чувствуя, как слова вонзаются в грудь.

— Я делала всё, что могла, — сказала она тихо.

— Значит, ты могла больше! — Мин И отвернулась и пошла к выходу.

Они вошли в бар, и полумрак обнял их, как старая знакомая. В углу играл саксофон — голос певицы был низким, усталым, будто она пела не для зала, а для себя. За окнами начинался дождь. Капли стекали по стеклу, и мир за ним становился размытым, неважным. Они сели у окна — за тот самый столик, где когда-то сидели втроём с Чэн И. Смеялись, спорили, строили планы. Теперь здесь было только две девушки. И три бутылки соджу, которые Мин И заказала, даже не глядя на них.

Она открыла первую и выпила почти залпом, даже не закусывая. Вторая последовала за ней. Джи медленно потягивала свой напиток, чувствуя, как алкоголь разливается по телу, расслабляет плечи, но не касается тяжести в груди. Голова слегка кружилась, но мысли оставались острыми, как битое стекло.

Джи смотрела в свой стакан, разглядывая пузырьки, которые поднимались к поверхности. Тишина между ними была тяжёлой, почти осязаемой. Мин И сидела напротив, и её пальцы сжимали бутылку так сильно, что костяшки побелели. Воздух между ними пах алкоголем, горечью и невысказанными словами, которые уже висели в воздухе.

— Ты не должна была так говорить, — тихо сказала Джи, не поднимая глаз. — Я всегда помогала тебе. Всегда. Но ты никогда не слушаешь меня.

Мин И усмехнулась — коротко, почти беззвучно. Усмешка не коснулась её глаз, и в ней было столько горечи, что Джи на мгновение забыла, как дышать.

— Да, ты помогаешь мне, — сказала брюнетка, и в голосе её появилась горечь. — Но всегда с таким видом, будто делаешь мне одолжение. «Ты можешь списать мой конспект», «вот тебе мои записи». Ты никогда не сидишь со мной и не объясняешь.

— Я не знала, что тебе это нужно, — устало сказала Джи. — Ты никогда не просила.

— Я не должна просить! — Мин И стукнула пальцем по столу, и бутылки звякнули, отозвавшись звоном в тишине бара. — Ты моя подруга. Ты должна видеть, что мне трудно.

Джи смотрела на неё, и внутри неё закипала злость.

— А ты видишь, что мне трудно? — спросила она, и голос её стал твёрже.

— Я работаю, учусь, а ещё помогаю тебе. А ты просто берёшь и никогда не благодаришь.

Мин И смотрела на светловолосую, и в её глазах появилась обида.

— Я благодарю! — сказала она, и голос её стал громче. — Я всегда говорю тебе спасибо!

— Я понимаю, — сказала Джи, тяжело вздохнув. — Прости. Я не знаю, как ещё тебе помочь.

— Ты не представляешь, как я ненавижу этот институт! — вырвалось у Мин И, и в голосе её звучала горечь. — Я так хотела поступить на этот факультет, с мамой из-за этого поссорилась... А теперь эти преподаватели, эти пары, эти задания...

Она замолчала, и Джи видела, как её плечи дрожат.

— Я знаю, — мягко сказала Джи. — Но ты должна держаться. Я помогу тебе.

Мин И усмехнулась, и в усмешке не было веселья.

— Ты всегда так говоришь, — сказала она. — «Я помогу тебе». А сама делаешь всё так, будто ты лучше меня.

Джи смотрела на неё с удивлением.

— Я не думаю, что я лучше тебя, — сказала она. — Я просто хочу помочь. Честно.

Мин И отпила глоток и посмотрела на неё.

— Ты знаешь, что я не могу учиться так, как ты, — сказала она. — Ты всегда всё делаешь легко. А я не могу. И это бесит меня.

— Я не делаю всё легко, — возразила Джи, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Мне тоже трудно.

— Трудно? — усмехнулась Мин И, и в её голосе появилось что-то новое — почти злое. — Тебе трудно, когда у тебя есть деньги, когда у тебя есть квартира в центре, когда ты можешь не работать, если захочешь? Тебе трудно, Джи?

Девушка почувствовала, как слова вонзаются в неё, и слёзы подступили к глазам.

— Я работаю курьером, ты ведь знаешь, — сказала она тише

— Да, ты работаешь курьером, — ответила Мин И, и в её голосе появилась насмешка. — Но ты делаешь это, потому что хочешь, а не потому что должна. Ты всегда можешь попросить у родителей деньги. У меня такой возможности нет.

— Мин И, я не хочу спорить с тобой, — сказала Джи, стараясь сохранить спокойствие.

— А я хочу! — почти крикнула брюнетка. — Я хочу, чтобы ты поняла! Ты всегда такая правильная, такая заботливая, такая идеальная. Но ты не видишь, что я тоже устаю! Я тоже хочу, чтобы кто-то помог мне!

Она резко поставила пустую бутылку на стол, и та звякнула, заставив Джи вздрогнуть.

— Я помогаю тебе, — сказала девушка, и голос её дрожал от сдерживаемых эмоций.

— Ты помогаешь мне, потому что тебе это удобно! — ответила Мин И с откровенной жестокостью — Ты помогаешь мне, чтобы чувствовать себя лучше! Ты не заботаешься обо мне — ты заботаешься о том, чтобы выглядеть хорошей подружкой!

Каждое слово было как удар. Джи смотрела на неё, чувствуя, как слёзы текут по её лицу.

— Это неправда, — сказала она тихо.

— Правда! — Мин И стукнула пальцем по столу. — Ты думаешь, что ты лучше меня. Ты думаешь, что ты лучше всех! И знаешь, что?? Я думаю, что Чэн И влюбился в тебя только потому, что у тебя есть деньги. Потому что ты стабильная. Ты можешь дать ему то, что я не могу. А иначе бы он даже не посмотрел на тебя. Ты просто удобная для него.

Она замолчала на мгновение, а затем выплюнула слова, которые разрушили всё:

— Как и для меня. Я дружу с тобой, потому что мне удобно. Ты даёшь мне деньги, ты даёшь мне конспекты, ты даёшь мне всё, что мне нужно. Но если бы у тебя этого не было — я бы не была с тобой!

Она усмехнулась, глядя на Джи ядовитым взглядом, но в этой усмешке уже не было уверенности. Только пустота.

Джи смотрела на неё, и мир вокруг начал расплываться. Слёзы текли по её лицу, но она не вытирала их. Она просто смотрела на подругу и чувствовала, как внутри всё рушится.

— Ты не должна была говорить этого, — прошептала Джи.

— Это правда, — сказала Мин И, но в голосе уже не было уверенности.

Джи встала, кинула на стол деньги и вышла из бара, чувствуя, как холодный воздух ударяет в лицо. Она шла, не разбирая дороги, и слёзы текли по её щекам, смешиваясь с дождём, который только начинался.

Мин И смотрела ей вслед, чувствуя, как внутри поднимается волна отчаяния. Девушка знала, перешла черту. Она выместила на подруге всю свою злость, весь свой страх, всю свою беспомощность. И теперь осталась одна — с пустой бутылкой соджу и пониманием, что она только что потеряла единственного человека, который всегда был рядом.

Брюнетка заказала ещё одну бутылку, чувствуя, как алкоголь заполняет пустоту внутри, но не приносит облегчения. Только горечь. Только одиночество.

Глава 11 Ложка за ложкой

Тёплый летний дождь омывал узкие улочки Сеула, и капли стекали по стеклянным витринам, по листьям деревьев, по лицу Джи, смешиваясь со слезами. Девушка шла, не разбирая дороги, чувствуя, как вода пропитывает волосы, как одежда прилипает к телу, как холод проникает под кожу. Но она не замечала этого. Она слышала только голос подруги, который всё ещё звучал в ушах: «Если бы у тебя не было денег — я бы не была с тобой».

Грудь сдавливало так сильно, что дышать становилось трудно. Каждый вдох отдавался болью, а слёзы не прекращались — они текли по щекам, смешиваясь с каплями дождя, и она не могла понять, где заканчивается одно и начинается другое.

«Это так несправедливо, — думала Джи, сжимая руки в кулаки так, что ногти впивались в ладони. — Я ведь хотела как лучше. Почти каждые две недели давала ей деньги, помогала с учёбой, Чэн И не провоцировала ни в коем случае. А она...»

Сон Джи остановилась на мгновение, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

«Неужели она действительно дружит со мной только из-за денег? Но как же так... Она всё это время думала так обо мне?»

Джи снова пошла вперёд, чувствуя, как дождь хлещет по лицу, как капли стекают по щекам, как мир вокруг становится серым и размытым. Мысли путались, накладывались одна на другую, и она не могла найти ответы.

«Какая она неблагодарная. И выплеснула всё это на меня. Хотя её и отчитали преподаватели... Это же не повод издеваться над своей подругой...»

Девушка почти дошла до дома, когда в голове мелькнула другая мысль, более тревожная:

«Но она там одна. И вряд ли сможет уйти из бара...»

Джи остановилась, чувствуя, как внутри неё борется желание развернуться и побежать обратно — и понимание, что она не может этого сделать. Не сейчас. Она была слишком опустошена, чтобы вернуться.

Джи достала телефон из кармана. Экран был мокрым, и она вытерла его дрожащими пальцами, чувствуя, как холод проникает в кожу. На экране горело пять пропущенных от Мин И. Она смотрела на них, чувствуя, как внутри всё сжимается. Её пальцы дрожали, когда она открыла список контактов и нашла имя Чэн И.

Девушка нажала на вызов, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Чэн И, привет, — сказала она, и голос её звучал устало, срываясь на хрип. — Ты как, не занят?

— Привет, Джи! — Чэн И был взволнованным — Нет, нет, что случилось?

Она сглотнула, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам.

— Мы с Мин И поссорились, — сказала Джи, и голос её дрогнул. — Она сейчас в том же баре, где мы втроём были недавно. Забери её оттуда, пожалуйста, и посади на такси. Она не дойдёт сама. Деньги у неё в кошельке.

Девушка услышала, как Чэн И выдохнул, и в его молчании было что-то — лёгкое разочарование, которое он пытался скрыть.

— А... Понял, хорошо, — ответил он, и голос его звучал тише, чем она ожидала.

— Спасибо большое! — сказала Джи, стараясь, чтобы голос звучал тепло, хотя внутри всё дрожало. — Хорошего тебе вечера. Напиши, как посадишь на такси.

— Конечно, — ответил он коротко.

Она положила трубку и стояла под дождём, чувствуя, как капли стекают по её лицу, смешиваясь со слезами, которых оставалось всё меньше. Девушка смотрела на телефон, на экран, на котором больше не было пропущенных от Мин И. Только тишина. Только дождь. Только она одна.

Джи открыла дверь и вошла в квартиру, чувствуя, как тяжесть давит на плечи. Она безжизненно скинула с ног промокшие босоножки, и они упали на пол с глухим стуком. Волосы, мокрые от дождя, прилипли к лицу, а одежда холодила кожу. Девушка чувствовала себя пустой — выжженной изнутри, как будто все слова, которые сказала Мин И, оставили ожоги.

Она прошла на кухню, не поднимая глаз. Внутри всё дрожало. Грудь сдавливало, и каждый вдох давался с трудом. Студентка слышала тихое звяканье посуды и поняла, что он здесь. Хан стоял у плиты и наливал в тарелку её любимый суп с говядиной — тот самый, который всегда пах домом. Пар поднимался от тарелки, смешиваясь с теплом, исходящим от плиты.

Джи остановилась на пороге, глядя на него. И в этот момент, когда она увидела его спину, его рыжие волосы, его руки, которые делали нечто простое и человеческое, — внутри что-то сломалось. Слёзы хлынули из глаз, и она не смогла их сдержать.

Он услышал её всхлипы и обернулся. На его лице мелькнуло удивление, смешанное с тревогой.

— Эй, ты чего? — спросил Хан, делая шаг к ней.

Она двинулась навстречу, почти не осознавая этого, и уткнулась лицом в его плечо. Всхлипы вырывались из груди, и она чувствовала, как её тело сотрясается от рыданий. Он замер на мгновение, не знал, что делать, а затем неловко, почти неуверенно, положил руку ей на плечо.

— Тише, — сказал лис, и голос его звучал глухо, — тише.

Хан не знал, как утешать. Он не умел делать этого. Но он стоял, позволяя ей плакать, и его рука лежала на её плече, согревая. Парень не говорил лишних слов, не пытался исправить ситуацию — он просто был рядом.

Они стояли так минут пять. Она плакала, а он молчал, изредка шепча «тише». Когда слёзы начали стихать, он аккуратно взял её за плечи и усадил за стол. Девушка села, чувствуя, как ноги подкашиваются, как тело дрожит от усталости.

Он поставил перед ней стакан воды. Она взяла его дрожащими руками, сделала глоток, чувствуя, как вода остужает горло, которое саднило от слёз.

— Спасибо, — выдохнула Джи, вытирая лицо.

Хан сел напротив. Его глаза изучали её лицо, но он не торопил с ответами.

— Что стряслось? — спросил он, и голос был ровным.

Джи начала говорить. Слова вырывались из неё, как будто она держала их внутри слишком долго. Девушка рассказывала о Мин И, о том, как дружит с ней со школы, как всегда помогала, давала деньги, поддерживала, закрывала глаза на то, что её использовали. И о том, что сегодня подруга сказала ей правду — что она нужна ей только из-за денег, что всё, что она делала, было просто способом казаться хорошей.

— Мин И сказала, что я ей не нужна, — прошептала Джи, и голос её сорвался. — Что если бы у меня не было денег, она бы не была со мной.

Светловолосая снова заплакала. Слёзы текли по её щекам, и она не вытирала их.

Он молчал. Затем взял салфетку и протянул ей. Она взяла её, но он не убрал руку.

— Она не права, — сказал он, и в голосе не было ни сомнения, ни жалости. Просто факт.

Джи подняла на него глаза, с недоверием.

— Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами, отводя взгляд.

— Я знаю тебя, — сказал он тихо. — Ты не такая, как она.

— Я уже не знаю, — шепнула она, вытирая слёзы. — Может быть, она права. Может я действительно думаю, что лучше всех.

— Ты просто устала, — сказал он, и голос его был ровным. — Ты не такая.

— Но я всегда даю ей деньги, — начала Джи, и голос её стал уязвимым. — Я всегда помогаю ей. А она говорит, что я делаю это, чтобы чувствовать себя лучше..

— Ты добрая, — сказал он, и она услышала в его голосе нотку теплоты. — Это не плохо.

Она молчала, глядя в стол. Лис пододвинул к ней тарелку с супом, взял ложку и протянул ей.

— Ешь, — сказал он тихо.

— Я не хочу, — покачала она головой.

— Ешь, — повторил он, и голос его не дрогнул.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри закипает раздражение — и одновременно что-то другое. Хан не объяснял. Не уговаривал. Просто ждал.

Джи открыла рот, чтобы возразить, но воздух застрял в груди. В этот момент он поднёс ложку к её губам, и она забыла, что хотела сказать.

Девушка удивлённо уставилась на него.

— Не волнуйся, — сказал он, отводя взгляд. — Я так решил.

Она сделала глоток. Суп был горячим, тёплым — тем самым, который пах домом. Джи проглотила, чувствуя, как тепло разливается по телу. Он не говорил ни слова. Просто подносил ложку к её губам, ложка за ложкой, пока она не перестала дрожать.

Джи доела и отодвинула пустую тарелку, чувствуя, как тепло разливается по телу. Он забрал её и поставил в раковину.

— Ты не одна, — сказал Хан, не оборачиваясь.

Она подняла на него глаза.

— Иногда я чувствую, будто я действительно одна.

Он не ответил сразу. Просто выключил воду, вытер руки и медленно повернулся к ней.

— Это не так, — сказал Хан, и голос его был тише, чем она привыкла слышать. — Я здесь.

Она смотрела на него, и что-то внутри неё изменилось.
Обиды отступали, уступая место чему-то новому.

— Спасибо, — сказала Джи с уязвимой ноткой в голосе.

— Не благодари, — он усмехнулся и отвернулся, беря тарелку и направляясь к раковине.

— Но ты поддерживаешь меня, — сказала она, глядя на его спину. — Это многого стоит.

Лис не ответил. Просто включил воду и начал мыть посуду.

Она почувствовала, как внутри неё поднимается желание поблагодарить его не словами. Девушка медленно подошла к нему со спины и неуверенно обняла за талию, прижимаясь лицом к его широкой спине. Лис замер. Всё его тело напряглось, и она почувствовала это через ткань его футболки.

— Что ты делаешь? — спросил он хрипло, почти обернувшись.

— Спасибо, — повторила она тихо, уткнувшись лицом в его спину. — За суп. И за то, что ты есть.

Хан не двигался. Он дышал глубже, но не отстранялся.

— Не надо, — сказал парень, и голос его был тише, чем обычно.

— Я хочу, — прошептала она, сжимая пальцы на его талии.

Он медленно поднял руку и коснулся её ладони. Его пальцы легли поверх её — и замерли. Он не сжал их. Просто держал.

Они стояли так — она чувствовала его тепло, его дыхание, то, как он не отстранялся. И в какой-то момент Джи поняла: что-то изменилось. Между ними. Внутри неё.

Она отпустила его, и он медленно повернулся. На его лице мелькнуло что-то — не улыбка, но что-то близкое.

— Иди, — сказал он тихо. — Отдохни. Я тут приберу.

Она кивнула и вернулась на диван. Слёзы высохли. Внутри становилось тихо, как после долгого дождя. И где-то в этой тишине она поняла — Ли Хан ей начинает нравиться. Не за то, что он сказал. А за то, что он просто был рядом.

Глава 12 Утро после бури

В университетской столовой пахло жареным кимчи, рисом и дешёвым кофе. За окнами серое утро размывало очертания кампуса, но внутри, под жёлтым светом ламп, было шумно и оживлённо. Джи сидела за столиком у окна, медленно жуя кимчи и запивая его айс-латте. Она смотрела в одну точку, не видя ничего вокруг, и внутри всё ещё отдавалось эхом вчерашнего вечера — соджу, слёзы, слова, которые нельзя было вернуть.

Она не заметила, как Мин И под села к ней. Подруга двигалась неслышно, как тень, и села напротив, опустив взгляд.

Она смотрела на стол, теребя край своей серой рубашки, и молчала почти минуту. Её глаза были красными, под ними залегли тени, и она выглядела так, будто не спала всю ночь.

— Что? — спросила Джи холодно, не поворачивая головы.

Голос прозвучал резче, чем она хотела, но она не могла заставить себя быть мягче. Не сейчас. Девушка всё ещё чувствовала боль.

Мин И сглотнула, и её пальцы на мгновение замерли на краю рубашки.

— Я... я вчера была не в себе, — начала она, и голос её дрожал. — Я злилась на преподавателей, на себя, на маму... А ты... ты оказалась рядом, а я не оценила этого и сорвала весь гнев на тебе. Мне очень жаль... Прости меня, пожалуйста.

Она замолчала, и в тишине было слышно только, как звенит посуда за соседними столиками. Джи медленно повернулась к ней. Её взгляд был холодным, но внутри всё дрожало.

— Мин И, — сказала она, и голос её стал тише, но твёрже. — Ты сказала, что дружишь со мной ради денег. Как по-твоему, я должна на это реагировать?

Джи изогнула бровь, и в этом жесте было столько боли, сколько она не показывала никогда.

Мин И опустила глаза. Её пальцы нервно теребили край рубашки, и она смотрела в стол, будто искала там ответы.

— Это неправда, — сказала она, и голос её сорвался. — У меня кроме тебя и Чэн И никого из друзей нету. Я была пьяна и зла на всех. Я жалею, что оттолкнула тебя этим... Да и его, наверное... Он теперь, наверное, тоже не захочет со мной общаться.

Брюнетка вздохнула, и в этом вздохе было столько горечи, что Джи почувствовала, как внутри неё что-то сжимается.

— Ты и Чэн И обидела? — спросила светловолосая, и в голосе появилось искреннее удивление. Она поставила пустые тарелки на поднос и повернулась к подруге.

Мин И снова вздохнула, и её плечи опустились.

— Я призналась ему, — сказала она, и голос её стал почти беззвучным. — Сказала, что ещё со школы люблю его.

Джи смотрела на неё, чувствуя, как внутри смешиваются удивление и тревога.

— Боже мой, Мин И... — она покачала головой. — Не знаю даже, хорошо это или плохо. И как он отреагировал?

Мин И подняла на неё глаза, и в них стояли слёзы.

— Он замолчал, — сказала она с грустью — Потом сказал, что я пьяна, и посадил в такси.

Она вытерла глаза рукавом, и Джи смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё тает холод.

— Надеюсь, он задумается над этим и поговорит с тобой, — сказала девушка, и голос её стал мягче. — Но тебе тоже нужно думать головой, а не напиваться и говорить гадости.

В её тоне слышалась строгость, но в нём уже не было прежнего холода.

Мин И снова опустила глаза, и слёзы потекли по её щекам.

— Прости ещё раз, — сказала она с печалью — Я правда не думаю так. И насчёт того, что я сказала, что ты считаешь себя лучше всех... Это неправда. Просто я завидовала тебе. Сейчас понимаю, что это глупо. Я дам тебе время, если ты не можешь простить сейчас.

Девушка замолчала, и слёзы медленно текли по её лицу, но она не вытирала их.

Джи смотрела на неё с беспокойством. Она не могла спокойно смотреть на то, как подруга плачет.

— Ну всё, хватит, — сказала Джи, накрывая руку Мин И своей. — Не ты тут должна плакать. Идём на лекцию по виноделию.

Она взяла подругу за руку и поднялась, чувствуя, как внутри неё становится легче.

Мин И посмотрела на неё с надеждой.

— Ты правда простила меня? — спросила она.

— Если только ты начнёшь нормально учиться и меньше напиваться, — ответила Джи, и в голосе появилась та самая знакомая полуулыбка, которую Мин И знала со средней школы.

Брюнетка обняла её — крепко, почти отчаянно, будто боялась, что если отпустит, подруга исчезнет. В этом объятии было всё, что нельзя было сказать словами.

— Я постараюсь, — прошептала она. — Честно.

Они вошли в аудиторию, и привычный запах старой бумаги и меловой пыли окутал их, как напоминание о том, что учебный день ещё не закончился. Джи опустилась на своё место, чувствуя, как усталость после вчерашней ссоры всё ещё давит на плечи. Она достала из сумки конспект — тот самый, что написал Хан, с его ровным, чуть наклонным почерком, аккуратными схемами и чёткими определениями, которые превращали сложные темы в понятные истины.

— Завтра экзамен по номерному фонду, — сказала светловолосая, протягивая конспект Мин И. — Вот. Я даю тебе его на вечер. Внимательно изучи. И завтра уже старайся думать своей головой.

Мин И взяла конспект, и её пальцы на мгновение задержались на обложке. Она посмотрела на Джи с лёгкой робостью.

— Хорошо, я поняла, — сказала девушка, и в голосе мелькнула знакомая неуверенность. — А ты... совсем не дашь списать?

Джи закатила глаза, но в этом жесте не было злости — только усталая теплота.

— Если что-то забудешь, подсмотришь у меня, — сказала она. — Но не всё подряд. Так что подготовься. Я не хочу, чтобы тебя выгнали.

Мин И улыбнулась — тепло, почти благодарно.

— Я попробую, — сказала она, сжимая конспект в руках. — Спасибо.

— Дома прочитаешь, — подмигнула ей Джи, и в голосе появилась лёгкость, которую она пыталась сохранить, несмотря ни на что. — Сейчас будут про вино рассказывать.

Мин И послушно отложила конспект в сторону, и обе девушки перевели взгляд на преподавательницу.

В центре аудитории, за длинным столом, стояла Кан Су Джин — женщина с безупречной осанкой, острым взглядом и едва заметной улыбкой, которая появлялась, когда она чувствовала, что студенты действительно готовы учиться. Её голос звучал ровно, но в нём была та особая страсть, которая заставляла даже самых равнодушных студентов поднимать головы и слушать.

Ребята затихли, и тишина в аудитории стала почти торжественной. В воздухе витал лёгкий аромат старого дерева и бумаги, и солнечный свет падал на столы, создавая тёплые золотистые пятна. Джи смотрела на преподавательницу, чувствуя, как внутри неё постепенно уходит напряжение, уступая место знакомому ритму лекции.

—Сегодня мы поговорим о Шардоне. Один из самых популярных, но и самых сложных сортов винограда в мире. Почему? — педагог сделала паузу, давая студентам время подумать. — Потому что Шардоне — это хамелеон. В разных терруарах он проявляет себя по-разному: от ярких цитрусовых и яблок в прохладном климате до маслянистых, кремовых нот с оттенками ванили и дуба в регионах с тёплым климатом. Она подошла к столу и подняла одну из бутылок, обернутых в бумагу.

—Это Шардоне. Вы не знаете, откуда он. Вы не знаете, сколько ему лет. Но сегодня вы попробуете угадать его происхождение только по вкусу и аромату.—сказала женщина с тенью улыбки .

Студенты переглянулись, кто-то из них нервно усмехнулся.

—Я хочу, чтобы вы запомнили одну вещь: вино — это не просто напиток. Это история. Это почва, климат, традиции и люди, которые вложили в него свою душу. Когда вы дегустируете вино, вы не просто пьёте — вы читаете книгу. И ваша задача — научиться понимать язык этой книги.—важно объяснила она им , указывая на стоящие на столе бутылки.

Все ребята разобрали по бокалу , поставив их себе на парты.

Преподавательница подняла свой фужер с каким-то вином , и попросила студентов сделать то же самое.

—Теперь наклоните его над белой поверхностью. Посмотрите на цвет. Какие оттенки вы видите?—строго спросила их Кан Су Джин.

—Ну, золотистый .-нерешительно заметил кучерявый парень с первого ряда .

—Хорошо. А что это говорит нам о вине? — Она посмотрела на него, ожидая ответа.

— Э-э... может быть, оно выдержано в дубе?-неуверенно предположил он.

—Именно. Чем темнее оттенок, тем больше вероятность, что вино контактировало с древесиной. Это добавляет ему маслянистости, аромата ванили и орехов. Но не всегда. Иногда цвет может меняться просто от выдержки в бутылке. Никогда не делайте поспешных выводов. Понюхайте.- поднеся бокал к носу , преподавательница сделала медленный вдох.

—А теперь — аромат. Не торопитесь. Закройте глаза, если нужно. Что вы чувствуете?- с интересом посмотрела на студентов женщина.

— Цитрусы? — предположила Джи , приняввшись.

—Все верно, Сон Джи. Это лимоны , лайм , и может быть даже зеленое яблоко . Это говорит о прохладном климате. Например, о Шардоне из Шабли. Но я чувствую также ваниль и лёгкий оттенок поджаренного хлеба. Значит, есть дуб. И это уже не Шабли, а что-то более южное. Калифорния, Австралия... может быть, Чили. - важно размышляла преподавательница.

Она поставила бокал и обвела взглядом аудиторию.

—Теперь — вкус. Сделайте небольшой глоток, подержите вино во рту, позвольте ему коснуться всех участков языка. Не торопитесь с глотанием. Что вы чувствуете?-спросила студентов Кан Су Джин.

— Кислотность... — сказала с места Мин И, которая явно пыталась сосредоточиться, но выглядела уставшей.

—Да. Это характерно для Шардоне. Но кроме кислотности? Есть ли маслянистость? Тело вина?

— Немного маслянистое, — ответила Сон Джи, явно пытаясь вникнуть.

—Хорошо. И что это говорит нам о производстве? — спросила Су Джин.

— Возможно, прошло малолактическое брожение? — неуверенно предполагает девушка.

— Вы правы, Сон Джи! —Малолактическая ферментация делает вино более мягким, маслянистым, с нотками сливочного масла. Это характерно для Шардоне из тёплых регионов.

Сделав паузу, преподавательница улыбнулась .

—Запомните это. Умение чувствовать, анализировать и описывать вино — это ваш профессионализм. Это то, что отличает хорошего менеджера от плохого. Когда к вам в отель придёт важный гость и закажет вино, вы должны знать, что ему предложить. Вы должны понимать, что он почувствует, сделав первый глоток. Это не просто знания. Это ваша репутация.— серьезно объяснила всем Су Джин .

Увидев , что Мин И отвлеклась на телефон , преподавательница спросила с легкой насмешкой.

—Госпожа Мин И, вы считаете, что знание вкуса вина — это пустая трата времени?

Вздвигнув, девушка подняла голову:

—Нет, я просто...

— Я хочу, чтобы вы запомнили: ваш будущий гость, который заплатит большие деньги за номер в отеле, не будет ждать, пока вы зауглите разницу между Шардоне и Совиньон Блан. Вы должны знать это наизусть. Это ваш хлеб, госпожа Мин И.- строго разъяснила преподавательница.

Кивнув, брюнетка сжала зубы, поймав на себе обеспокоенный взгляд Джи.

Вечер опускался на кафе мягко, почти невесомо. Полумрак окутывал столики, делая их уютными и немного грустными. За стеклом медленно сгущались сумерки, и свет изнутри мягко отражался в тёмном стекле, создавая ощущение уединённости. Джи сидела напротив Мин И, сжимая в руках остывающий латте, и чувствовала, как внутри разрастается что-то тяжёлое, липкое, почти болезненное.

Она смотрела на подругу — та грустно потягивала американо, и свет лампы падал на её лицо, делая тени глубже. Джи думала о том, как долго она скрывает правду о Хане. Сможет ли она когда-нибудь рассказать им? И если да — то как? Как объяснить, что в её квартире живёт не просто человек, а тот, кого она сама ещё не до конца понимает. А теперь ещё и между Чэн И и Мин И вот-вот возникнет напряжение, и Джи не знала, как помочь им, не разрушив всё.

Она уже хотела сказать что-то, когда телефон в кармане завибрировал. Девушка достала его и увидела имя на экране: Чэн И.

Сердце пропустило удар. Она открыла сообщение, и строчки поплыли перед глазами.

«Джи, привет. Я знаю, что уже поздно, но мне нужно с тобой поговорить. В общем, вчера Мин И призналась мне в любви. Я не ожидал этого. Совсем. Я не знаю как быть. Не хочу делать ей больно, но я не чувствую того же. Ты же знаешь... я всегда... ну, ты знаешь, к кому я испытываю чувства.. Я не хочу её обнадеживать. Но и не хочу быть жестоким. Что мне делать? Может быть, ты поговоришь с ней? Или скажешь, что мне сказать? Я просто не знаю, как быть. Прости, что сваливаю это на тебя. Просто ты единственная, кто может понять..»

Сон Джи перечитала сообщение дважды, чувствуя, как внутри всё сжимается. Она смотрела на экран, на слова, которые были написаны с такой отчаянной искренностью, и не знала, что ответить.

— Кто пишет? — спросила Мин И, отрываясь от своего американо.

Джи подняла глаза и, стараясь, чтобы голос звучал ровно, ответила:

— Родители. Спрашивают, как дела.

Девушка отвела взгляд, чувствуя, как ложь обжигает язык. Но она не могла сказать правду. Не сейчас. Не здесь.

Джи глубоко вздохнула и начала печатать ответ, пальцы слегка дрожали, когда она касалась экрана.

«Ии, привет.. Я понимаю, что тебе сложно, наверное это было неожиданно.. Мин И сказала..Но ты должен быть честен с ней. Не обманывай её, если не чувствуешь того же. Это будет больно, но честность лучше, чем ложная надежда. Если хочешь, я могу поговорить с ней. Но только если ты действительно этого хочешь. Держись..»

Она отправила сообщение и убрала телефон в карман, чувствуя, как внутри неё борется желание сказать Мин И правду — и понимание, что это разрушит всё.

Подруга сидела напротив, грустно глядя в свою чашку. Она крутила ложку, и в этом жесте было столько тоски, Джи почувствовала, как в груди разливается холод, сковывая движения, мешая думать.

— Знаешь, — начала Мин И, и её голос стал тише, а взгляд упал на стол, будто она боялась поднять глаза, — Наверное, я постараюсь больше с ним не видеться. Он вряд ли теперь будет считать меня подругой.

Брюнетка подняла глаза, и в них стояли слёзы, которые она пыталась сдержать.

Джи не выдержала. Она протянула руку и накрыла ладонь Мин И своей, чувствуя, как её пальцы холодны.

— Не руби с плеча, — мягко сказала она, и голос её был тёплым, почти умоляющим. — Постарайся найти в себе силы и поговорить с ним открыто. Прекращайте общение, только если вам обоим будет тяжело дальше дружить. Ты не знаешь, что он чувствует, пока не спросишь.

Мин И смотрела на неё, и в её глазах мелькнула благодарность, смешанная с болью.

— Спасибо, — сказала она сдержанно. — Я подумаю над этим.

Девушка снова опустила взгляд в чашку, и Джи увидела, как она пытается сдержать слёзы, но не может. Светловолосая сжала её руку крепче, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое и горькое одновременно.

Они сидели в тишине — той, что бывает после бури, когда слова уже сказаны, а мир ещё не вернулся на свои места. Джи смотрела на подругу и чувствовала, как внутри неё прорастает что-то хрупкое, почти невесомое — надежда. Что всё ещё можно исправить. Что обиды не обязаны быть вечными. Что дружбу можно сохранить, если не отпускать. И что любовь — даже та, что не находит ответа — не всегда означает конец.

Глава 13 «Я не хочу тебя терять»

Прошла неделя. Джи видела, как друзья отдаляются друг от друга — Чэн И стал отвечать односложно, Мин И избегала встреч. Девушка снова и снова предлагала подруге не закрываться, попробовать начать общаться с Чэн И заново. Но Мин И только отводила взгляд и

говорила, что не готова. А через пару дней у Чэн И был день рождения, и Джи хотела, чтобы Мин И пришла. Чтобы хотя бы на один вечер забыла о страхе и вспомнила, что они — друзья.

Сон Джи вернулась домой раньше обычного — день выдался лёгким, заказов почти не было. Войдя в квартиру, она сразу почувствовала запах чистоты: мыльный, свежий, чуть влажный. Хан стоял на коленях, увлечённо натирая пол, и не обернулся. Его движения были плавными, почти завораживающими — так двигаются те, кто делает что-то давно и привычно.

Она сняла обувь, поставила сумку и устало улыбнулась, глядя на его спину.

— Ты рано, — сказал он, не оборачиваясь. — Я ещё не готовил.

— День был нормальный, — ответила она, плюхаясь на диван. — Мы с Мин И погуляли немного до работы.

Он обернулся, и в его глазах мелькнула та самая усмешка, которую она уже научилась читать.

— Пять дней, — сказал Хан, и в голосе мелькнуло что-то похожее на удивление. — И ты всё ещё...

Он не закончил, просто покачал головой и снова отвернулся к окну.

— Я просто рада, что всё наладилось, — начала она. — Мин И извинилась. Искренне. Сказала, что была неправа. Что я важна для неё.

Он усмехнулся, возвращаясь к мытью окна.

— Слишком мягкая, — сказал лис, чуть качнув головой — Прощаешь легко. Я бы... — он замолчал, махнул рукой. — Неважно.

— Она моя подруга, — спокойно ответила она. — Я не могу обижаться на неё вечно.

— Могла бы, — сказал он, и в голосе мелькнула усмешка. — Но ты...

Он замолчал, пожал плечами.

— Добрая, — невозмутимо закончил Хан

— А ты предпочитаешь быть вредным, — парировала она, глядя на него с весельем.

Он усмехнулся и замолчал.

Джи встала, подошла к нему и увидела, что пол ещё не домыт, а окна частично в пыли.

— Ты сказал, что не успел приготовить? — переспросила она.

— Да, — ответил он. — Думал, будет больше времени.

— Тогда давай так, — предложила она, беря швабру. — Ты иди готовь, а я домою полы и закончу окна.

Он обернулся, приподняв бровь.

— Ты? — в голосе мелькнула усмешка. — Серьёзно?

— А что? — она подняла бровь. — Я тоже умею убираться.

— Я помню, — сказал он, и интонация стала чуть игривее, — Обычно ты смотришь.

— Сегодня хочу помочь, — пропела она, начиная мыть пол. — Ты же каждый день готовишь. Иногда и я могу облегчить тебе работу.

Он протянул ей тряпку, и в этом жесте не было ни капли сомнения. —

— Помогай, — сказал Хан. — Только не разбей ничего.

— Я сама аккуратность, — усмехнулась Джи, продолжая убираться.

Он посмотрел на неё, и в голосе послышалась шутливая ирония.

— Я помню, — сказал Хан. — Чашки. Вечно их оставляешь.

Она фыркнула и закатила глаза.

— Буду знать, что ты следишь за мной.

— Слежу, — сказал он, чуть склонив голову набок.

Она почувствовала, как внутри что-то ёкнуло, но не позволила себе остановиться на этом чувстве.

— Иди уже готовь, — смущённо сказала Джи, отворачиваясь.

Через некоторое время, когда Джи закончила мыть полы, а Хан всё ещё возился на кухне, она села за стол и заговорила:

— Я хочу у тебя кое-что спросить.

— Спрашивай, — ответил он, увлечённо нарезаю овощи.

— Я уже говорила тебе, что Мин И призналась Чэн И в любви, — начала она, и голос стал серьёзным. — Он не отвечает ей взаимностью. Но я не хочу, чтобы они отдалились друг от друга. Что мне сделать, чтобы они хотя бы продолжали общаться?

Ли Хан перестал резать овощи и повернулся к ней.

— Ты хочешь, чтобы они были вместе? — спросил он, хитро прищурившись.

— Нет, — вздохнула она. — Я хочу, чтобы они не перестали общаться. Не ради того, чтобы они стали парой — а просто чтобы остались друзьями. А остальное — уже их дело.

Он посмотрел на неё, и на мгновение его взгляд стал серьёзным.

— Нельзя заставить чувствовать, — сказал Хан, и его голос стал чуть суше, с той колючей ноткой, которая уже не казалась ей чужой. — Если не отвечает — значит, не отвечает.

— Я не хочу вмешиваться, — тихо повторила она. — Я просто хочу, чтобы они не избегали друг друга.

Он пожал плечами, возвращаясь к овощам.

— Тогда позови их. Не на свидание — просто встретиться.

— Ты думаешь, это сработает?

Он усмехнулся, не оборачиваясь.

— Это лучше, чем сидеть и ждать.

Он снова повернулся к плите, но она продолжила:

— Здесь есть ещё кое-что. У Чэн И скоро день рождения. Я хочу, чтобы Мин И пришла. Но она может не прийти, если будет чувствовать себя неловко. Я не хочу, чтобы она пропустила его праздник.

Он снова повернулся к ней.

— Хочешь, чтобы она пришла?

— Да. Если она пропустит его день рождения, они могут окончательно отдалиться.

Хан пожал плечами и взялся за сковороду.

— Скажи ей. Не заставляй. Просто... — он замолчал, будто искал слово, — чтобы знала.

— Но что, если она откажется? — взволнованно спросила она.

Он выключил плиту и снял фартук.

— Её выбор, — сказал Хан, и в голосе мелькнула искра. — Но если хочешь, чтобы пришла... — он замолчал, будто размышляя, — скажи ей, что она не одна.

Джи смотрела на него, чувствуя, как внутри просыпается благодарность.

— Спасибо, — сказала она. — Это хороший совет.

Он покачал головой и начал раскладывать кимчи по тарелкам

— Снова спасаешь, — сказал лис, не глядя на неё. — Сначала Мин И, теперь их обоих.

— Ты уже не останавливаешь, — сказала она, беря ложку. — Просто помогаешь.

Он застыл на мгновение, будто обдумывая её слова. Потом покачал головой и снова взялся за тарелки, ничего не сказав.

Они сидели на кухне, и чай давно остыл в кружках. Мин И нервно крутила в руках пачку чипсов, но не ела — просто теребила край упаковки, стараясь не смотреть на подругу.

— Ты же знаешь, как у нас с ним всё сейчас сложно, — сказала она, и голос её звучал глухо. — Я не пойду.

— Мин И! — Джи подалась вперёд, подливая ей горячего чая, будто это могло согреть её изнутри. — Вы столько лет дружите! У тебя к нему чувства, но вы даже не поговорили по-настоящему! Может быть, он хочет и дальше с тобой общаться, а ты лишишь его этой возможности, просто не придя на его день рождения!

Мин И сжала губы, и на её лице мелькнула тень боли.

— Я не знаю, будет ли мне с ним так же комфортно, как раньше, — тихо сказала она, и голос чуть задрожал — И зачем я тогда призналась? Чёрт... А если он не захочет видеть меня на своём празднике?

— Мы каждый год приходим к нему без приглашений, — напомнила Джи, и голос её стал мягче. — Чэн И наш друг. Мы с тобой выберем ему подарок и просто придём. Вот увидишь, он будет рад.

— Это будет слишком неловко, — выдохнула Мин И, и на её лбу выступила испарина. Она провела ладонью по лицу, будто пытаясь стереть напряжение.

Джи осторожно коснулась её руки.

— Я буду рядом с тобой, — сказала она, заглядывая подруге в глаза. — Ты не будешь там одна.

Мин И покачала головой, и в её взгляде мелькнула паника.

— Я... не знаю. Как представлю нашу встречу... На его празднике... Где будет его мама, ребята из футбольной команды... Я со своим неловким поздравлением...

— Мин И... — начала Джи, но та перебила её.

— Прости, подруга, но нет, — сказала она, и голос её стал твёрже, хотя в нём слышалась боль. — Я думаю, я не готова к этому.

— Но ведь тогда вы совсем можете перестать общаться! — Джи развела руками, чувствуя, как внутри закипает отчаяние.

Мин И замолчала. Тишина повисла между ними, густая и плотная, как дым. Она смотрела в кружку с остывшим чаем, и секунды тянулись так медленно, что Джи уже начала думать — она не скажет ничего.

— Значит, так тому и быть, — сказала Мин И наконец, и голос её звучал холодно, но в нём слышалась глубокая, давно затаённая боль. — Не судьба. Он всё равно меня не любит.

Джи тяжело вздохнула, чувствуя, как слова подруги вонзаются в неё.

— Ладно, — сказала она тихо. — Это твой выбор. Но если ты передумаешь... скажи мне.

Мин И невесело кивнула, но ничего не ответила. Она снова опустила взгляд в кружку, и в комнате повисла та особенная тишина, когда все слова уже сказаны, но ничего не решено.

Контрольные остались позади, и, к удивлению Джи, Мин И в этот раз подготовилась почти самостоятельно — почти не заглядывала в её листок, даже отвечала на пару вопросов без подсказок. Светловолосая почувствовала гордость за подругу, но радость быстро угасла, когда она вспомнила о предстоящем разговоре.

Девушка выбрала кафе недалеко от дома — тихое, с приглушённым светом и деревянными столами. Такое место, где можно говорить о важном, не боясь, что кто-то подслушает. Джи села у окна, заказала зелёный чай и, глядя на пар, поднимающийся над чашкой, прокручивала в голове слова, которые собиралась сказать Чэн И. Джи должна была убедить его сделать шаг, но так, чтобы он не подумал, что она навязывает ему свою подругу.

Когда Чэн И вошёл, она сразу заметила, как он напряжён — плечи слегка приподняты, взгляд беспокойный. Он сел напротив, не заказывая ничего, и сразу спросил, без предисловий:

— В чём дело, Джи?

Девушка отодвинула чашку и подняла глаза. В мягком свете лампы его лицо казалось уставшим, и она видела, как он пытается прочесть ответ в её взгляде, ещё до того, как она скажет хоть слово.

— Ты знаешь, что Мин И призналась тебе в любви, — начала Джи, и голос её стал мягче, почти осторожным. — Ты знаешь, что она чувствует к тебе.

Чэн И опустил взгляд, и его пальцы сжались на краю стола.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Но, к сожалению, это не взаимно.

Она ободряюще улыбнулась, стараясь не давить.

— Я не прошу тебя полюбить её, Ии, — сказала девушка, наклоняясь чуть вперёд. — Я хочу, чтобы ты не дал ей уйти из твоей жизни.

Он поднял на неё удивлённый взгляд.

— Нет-нет, я не хочу этого, — сказал парень, и в голосе послышалась искренность. — Она мой друг.

— Тогда почему ты не сделаешь шаг? — спросила Джи, и голос её стал серьезнее. — Она боится, что ты будешь избегать её. Боится, что ты не захочешь её видеть. Ты должен сказать ей, что хочешь остаться друзьями.

Чэн И провёл рукой по лицу, будто пытаясь собраться с мыслями.

— Я не знаю, что делать... — растерянно проговорил он.

— У тебя день рождения через два дня, — напомнила Джи. — Пригласи её. Лично. Скажи ей, что ты хочешь, чтобы она была там. Что она важна для тебя как друг. Это снимет неловкость. Она увидит, что ты не хочешь отдаляться.

Он поднял на неё глаза, и в них мелькнула надежда, смешанная с сомнением.

— Ты уверена, что это поможет?

— Я не знаю, — честно призналась Джи. — Но если ты не попытаешься, она точно уйдёт из твоей жизни.

Чэн И смотрел на неё несколько секунд, и она видела, как он борется с собой. Потом его взгляд стал твёрже, и он решительно произнёс:

— Я сделаю это.

Она почувствовала, как внутри неё разливается облегчение.

— Я поговорю с ней, — добавил он, и в голосе появилась та решимость, которой ей так не хватало в нём последние дни.

Джи улыбнулась, чувствуя, что первый шаг сделан. Оставалось только ждать, что будет дальше.

Чэн И шёл домой после футбольной тренировки. Сумка тяжело оттягивала плечо, мышцы ещё помнили напряжение игры, но мысли были совсем не о ней. До дня рождения оставалось ровно двенадцать часов, и он чувствовал, как внутри закипает странное волнение — смесь страха и решимости.

Он зашёл в комнату своего общежития, сел на край кровати и уставился в телефон. Экран горел белым светом, курсор моргал в пустом поле сообщения, а он всё не мог найти слов. Пальцы несколько раз касались клавиатуры, но он стирал

написанное, не решаясь отправить. Каждое слово казалось неправильным. Слишком холодным или слишком тёплым. Слишком официальным или слишком личным.

«Я просто скажу правду, — подумал он. — Всё остальное — лишнее».

Он начал печатать.

«Мин И, привет. Я знаю, что в последнее время мы не общались. И нам обоим было неловко. Когда ты призналась мне, я был растерян и ничего не ответил —прости. Но знай: ты важна для меня. Как подруга. И я хочу, чтобы ты пришла на мой день рождения завтра. Пожалуйста, давай попробуем остаться друзьями. Я правда не хочу тебя терять».

Он перечитал сообщение три раза. Потом ещё раз. Проверил каждое слово, каждую запятую. И, зажмурившись, нажал «отправить».

В тот же момент Мин И сидела на своей кухне, разложив перед собой конспект Джи. Она готовилась к завтрашнему тесту по бизнесу и финансам, но слова расплывались перед глазами. Мысли были заняты другим.

Телефон завибрировал, и она вздрогнула. Сначала она не хотела смотреть — боялась увидеть короткое, холодное сообщение от Чэн И, которое окончательно разрушит надежду. Но пальцы уже потянулись к экрану.

Она открыла сообщение и замерла.

Сердце на мгновение замерло, а затем запульсировало где-то в горле, отдаваясь глухим стуком. Она перечитывала сообщение снова и снова, вглядываясь в каждое слово, будто искала между строк скрытый смысл. Фраза «Я не хочу тебя терять» осела внутри, словно маленький светлячок, который никак не желал гаснуть.

Она посмотрела на конспект, на стопку книг, на кружку с остывшим чаем — и поняла, что не может думать ни о чём, кроме ответа. Пальцы дрожали, когда девушка набирала текст. Она стёрла его трижды, прежде чем решилась.

«Привет! Я приду».

Брюнетка нажала «отправить» и выдохнула. Длинный, шумный выдох, будто она задерживала дыхание всю неделю. Она смотрела на экран, на его слова, и внутри стало светло — будто зажглась маленькая лампа в тёмной комнате.

Его сообщение согрело её изнутри — не резко, не обжигающе, а мягко, как первый солнечный луч после долгой зимы. И вместе с этим теплом в груди затеплилась слабая, почти невесомая надежда.

В тот же день Мин И, едва успев перевести дыхание после отправленного сообщения, схватила телефон и набрала номер Джи. Она хотела поделиться радостью — и заодно предложить вместе выбрать подарок для Чэн И. Светловолосая, услышав в голосе подруги ту самую, почти забытую лёгкость, едва сдержала радостный вскрик — внутри всё запело от того, что её друзья наконец-то делают шаг навстречу друг другу. Она согласилась сразу, и уже через полчаса они стояли у входа в местный супермаркет, смеясь и обсуждая, что можно подарить Чэн И.

Они прошли в отдел со сладостями, где витрины ломились от ярких коробок с рисовыми пирожками. Джи задумчиво разглядывала прилавки, перебирая в голове вкусы, которые любил их друг.

— Думаешь, взять с каштанами или с мёдом и кунжутом? — спросила она, поворачиваясь к подруге.

Мин И серьёзно осматривала витрину, будто от её выбора зависело что-то большее, чем просто упаковка сладостей.

— Нам он в тот раз купил с клубникой, — вспомнила она. — Может, и ему такое взять?

— А давай тогда парочку с каштанами, с мёдом и кунжутом и с клубникой, — предложила Джи, легко улыбаясь.

— Давай, — кивнула Мин И и, помедлив, добавила: — Главное, не с овощами. Помню, он говорил, что не любит.

Джи улыбнулась, но улыбка вышла чуть грустной. Она видела, как старается подруга, как вкладывает надежду в каждую мелочь — и понимала, как больно ей будет, если ничего не изменится.

Они выбрали несколько упаковок, и кассир — улыбчивый мужчина лет сорока — аккуратно упаковал их в красивую бумагу. Джи расплатилась, поблагодарила и, выходя из магазина, предложила заглянуть в спортивный отдел.

— А может, купим ему что-то связанное с футболом? — сказала она. — Он же этим живёт.

Мин И согласно кивнула, и они направились к стойке с аксессуарами. Спор немного затянулся — Джи предлагала одну вещь, Мин И другую, но в итоге они сошлись на тёмно-синей бейсболке. И, как по счастливой случайности, на ней были вышиты его инициалы — # #.

— Это судьба, — улыбнулась Джи, и Мин И не смогла сдержать улыбку в ответ.

Продавец упаковал кепку в красивый пакет, светловолосая снова расплатилась, и они вышли из магазина, весело смеясь и обсуждая, как он удивится, когда увидит подарок.

Уже на выходе Джи подмигнула подруге:

— Завтра в одиннадцать у моего дома. Не опаздывай.

Мин И устало кивнула, вспомнив, что вечером ещё нужно перевести статью по английскому.

— Это хорошо, что ты взялась за учёбу, — обняла её Джи. — Я верю, у тебя всё получится.

Мин И обняла её в ответ, и они разошлись — каждая со своей надеждой, которая, хоть и робко, но уже начала прорастать.

Глава 14 Между нами — Джи

День рождения Чэн И выдался тёплым и солнечным. Посоветовавшись накануне с мамой, он решил отметить его на открытом воздухе — в небольшом парке рядом с общежитием. Место было уютным, почти домашним: под раскидистым деревом расстелили пёстрый плед, на котором уже ждала еда, приготовленная мамой именинника: золотистая жареная курица, кимчи, спелая клубника и несколько бутылочек соджу, поблёскивающих на солнце.

Лёгкий летний ветер касался лиц гостей, играя с их волосами. Пока компания была небольшой: два товарища Чэн И по футбольной команде — Ким Джун и Сок Юн — уже вовсю смеялись, обсуждая очередные приколы из Pinterest и недавнюю прогулку с именинником. Чэн И сидел между ними, иногда вставляя свои реплики и толкая их в плечо, когда они заходились слишком громким смехом.

Мама Чэн И, женщина лет сорока с добрыми глазами, сидела на пледе рядом с сыном. Она смотрела на него с той особенной теплотой, которая бывает только у матерей, и тихо произнесла:

— Ты выглядишь счастливым, Чэн И.

— Я рад, что ты сегодня здесь, — признательно ответил он.

— Я всегда буду здесь, — сказала она, мягко глядя его по голове. — Даже если ты уже взрослый.

Она весело повернулась к его друзьям и подмигнула:

— А вы, ребята, не стесняйтесь. Ешьте больше!

Ким Джун, уже набравший полную тарелку курицы, довольно улыбнулся.

— Спасибо, омоним! Мы уже второй раз берём добавку! Ваша курица — лучшая!

Женщина радостно рассмеялась и пододвинула тарелку ближе к сыну.

— Ты тоже ешь, — сказала она.

Сок Юн хлопнул друга по плечу и громко, с искренней радостью, произнёс:

— Ты сегодня просто сияешь. С днём рождения, брат!

— Спасибо, Юн! — Чэн И рассмеялся, а затем чуть тише добавил: — Рад, что вы пришли.

— Мы не могли пропустить, — встрял в разговор Ким Джун. — Тем более твоя мама обещала накормить нас так, что мы не захотим уходить.

Женщина улыбнулась и шутливо пригрозила:

— Я накормлю вас так, что вы и правда не захотите уходить. Даже на тренировку.

Все дружно засмеялись.

Через несколько минут к гостям присоединились Джи и Мин И. В руках у Джи была небольшая ярко-красная коробка со звёздами, у Мин И — аккуратный свёрток.

— Вы здесь! — Чэн И поднялся им навстречу, и его лицо озарилось улыбкой.

— Мы решили, что тебе сегодня повезёт, — весело подняла брови Джи. — Ты получишь подарок от нас обеих.

— Ого, это кто? — удивлённо присвистнул Ким Джун, подмигнув другу. — Ты не говорил, что у тебя будут такие гости.

— Заткнись, — посмеялся Чэн И, но почувствовал лёгкую неловкость.

Джи и Мин И поздоровались с остальными и сели на свободные места на пледе.

Немного смущаясь, брюнетка протянула Чэн И свёрток, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Это тебе.

Парень развернул его и замер. В руках у него оказалась тёмно-синяя бейсболка с вышитыми инициалами — и он не сразу нашёл слова.

— Я... — он поднял взгляд на смущённую Мин И. — Спасибо. Она классная.

— Мы подумали, что тебе пора обновить гардероб, — неловко посмеялась брюнетка. — Ты уже три года носишь одну и ту же кепку.

Мама Чэн И, сидевшая рядом, весело подхватила:

— Я говорила ему об этом сто раз!

Все заулыбались, с иронией глядя на именинника, который смущённо усмехнулся.

— Но это ещё не всё, — шутливо подняла указательный палец Джи, протягивая ему ярко-красную коробку. — Там тоже от нас.

Он открыл её и увидел рисовые пирожки — с клубникой, каштаном и мёдом. Его лицо озарилось улыбкой.

— Вы помните, что я не люблю с овощами, — сказал он, глядя на Мин И.

— Конечно, — ответила девушка, и голос её стал мягче. — Ты всегда говорил, что это «не твоё». Я не знала, какие именно ты любишь, но знала, что ты не любишь, и выбрала те, которые, как мне показалось, тебе подойдут.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то новое — почти благодарность. Парень взял один пирожок, попробовал, и на его лице появилась тёплая улыбка.

— Сладкие, — сказал он, на секунду задержав взгляд на Джи, а затем улыбнулся обоим подругам. — Мне нравится.

— С днём рождения, Чэн И, — произнесли Мин И и Джи почти одновременно.

Спустя пятнадцать минут все гости сидели на пледе. Мама Чэн И угощала всех кимчи и жареной курицей, Сок Юн тихо рассказывал Ким Джуну свои любимые анекдоты. Чэн И сидел между Джи и Мин И, и его взгляд то и дело падал на светловолосую подругу. Он прислушивался к её голосу, смеялся над её шутками, замечал каждую мелочь: как красиво лежат её волнистые волосы, как мило смотрится её нос в профиль. Мин И, сидевшая рядом, перехватывала его взгляд — и чувствовала, как внутри неё всё сжимается от боли. Она видела, что он всё ещё влюблён в Джи.

Сок Юн доел курицу, поднялся с пледа и поднял рюмку с соджу:

— За Чэн И! С днём рождения!

Все поддержали тост. Именинник улыбнулся, поблагодарил друга, а затем перевёл взгляд на Джи и тихо сказал:

— Спасибо, что вы все здесь.

Мин И сделала глоток соджу и опустила взгляд, пряча сильную боль, которую не могла больше скрывать.

Мама Чэн И, заметившая всё — и в кого на самом деле влюблён её сын, и несчастные взгляды брюнетки, — мягко положила руку на плечо Мин И:

— Ты хорошая девочка. Спасибо, что пришла.

— Спасибо, — едва слышно сказала она.

Глава 15 Мелодия на кончиках пальцев

Сон Джи возвращалась домой, и её шаги были легче, чем обычно. Внутри неё разливалось что-то тёплое — смесь благодарности и странной, почти детской радости. Она вспоминала пикник, улыбку Мин И, когда та вручила Чэн И кепку, и его удивлённое лицо. Всё получилось. Благодаря ему. Благодаря рыжему лису, который жил в её квартире и который, казалось, знал о людях больше, чем она сама.

Она зашла в небольшой супермаркет, и её взгляд упал на витрину с аксессуарами. Там лежали расчёски — чёрные, белые, деревянные. И одна — медно-золотая, с металлическим блеском, который переливался при свете. Она взяла её в руки, провела пальцем по гладкой поверхности, и внутри неё что-то ёкнуло. Этот цвет напоминал ей о нём.

Джи купила расчёску, завернула её в бумагу и пошла домой, надеясь, что он оценит.

Сон Джи вошла в квартиру, стараясь не стучать слишком громко, но её шаги всё равно выдавали радость. В руках она сжимала небольшую коробочку, перевязанную лентой, и на её лице сияла улыбка.

Он стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Услышав шаги студентки, лис обернулся и поднял бровь, заметив её сияющее лицо.

— Ты выглядишь так, будто выиграла в лотерею, — сказал лис, усмехаясь.

— Почти, — ответила она, подходя к нему и протягивая коробку. — Держи. Это тебе.

Парень взял коробку, подозрительно осмотрел её, затем открыл. Внутри лежала расчёска — медно-золотая, с металлическим блеском, который переливался при свете. Её ручка была гладкой, с лёгким рисунком, напоминающим чешую. Он поднял взгляд на девушку, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Ты купила мне расчёску? — спросил лис, и в голосе его послышалось что-то, чего она не могла определить.

— Я обещала, — сказала она, пожимая плечами. — Помнишь, ты использовал мою и я сказала, что ты должен купить свою? Ну, я решила, что это я должна её купить. В качестве благодарности..-Джи смущённо улыбнулась.

Он провёл пальцем по металлической поверхности, чувствуя её гладкость. Цвет был идеальным — он напоминал ему о его собственной природе, о том, что он был лисом, и этот оттенок был ему удивительно близок.

— Почему медная? — спросил Ли Хан, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— Потому что она похожа на твой цвет, — сказала она, слегка смущаясь. — На твои волосы. Я подумала, что тебе подойдет.

Он смотрел на неё, и его лицо оставалось непроницаемым, но в уголках губ дрогнула улыбка.

— Ты серьёзно? Ты купила мне расчёску, потому что я дал тебе совет?

— Не просто совет, — сказала Сон Джи, садясь за стол. — Отличный совет. Благодаря тебе Чэн И и Мин И помирились. Ты бы видел их на пикнике! Мин И подарила ему кепку, и он надел её и сказал, что она классная. Они больше не избегают друг друга!-счастливо объяснила светловолосая.

Она рассказывала так быстро, что слова налетали одно на другое. Она жестикулировала, улыбалась, и её глаза блестели. Он смотрел на неё, и в его груди разливалось странное тепло — Джи была такой живой, такой счастливой, что это заставляло его забывать о собственной настороженности. О том, что он всегда держит дистанцию. О том, что он не привык доверять людям. С ней это было легко.

— Хорошо, что твой план сработал, — сказал он, возвращаясь к плите.

— Это был твой план, — поправила она.

— Ты сказал, что Чэн И должен сам пригласить её. И он пригласил. И она пришла. И теперь они снова общаются. Это всё благодаря тебе.- искренне улыбнулась Джи.

Лис усмехнулся, но ничего не сказал. Он не хотел портить её настроение. Но внутри него шевельнулось что-то тёмное — когда она говорила о Чэн И, её голос становился мягче, и это задевало его. Ли Хан старался не показывать этого, но её восторг по поводу другого мужчины вызывал в нём глухое раздражение.

— Чэн И был рад? — спросил парень, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— Очень! — сказала она, не замечая его тона. — Он сказал, что это был лучший день рождения. И Мин И была там, и всё было хорошо. Я так рада, что они помирились!

Лис кивнул, помешивая суп. Его рука слегка сжалась на ручке кастрюли, но он не позволил себе ничего большего.

—Хорошо, — сказал он коротко.

Девушка не заметила его напряжения. Она была слишком счастлива.

Вечером, когда ужин был съеден, а посуда помыта, Сон Джи сидела на диване с телефоном в руках. Она листала плейлист, напевая что-то себе под нос. Хан сидел рядом, читая книгу, которую нашёл на её полке — она не знала, что он читает, и не спрашивала.

Внезапно Джи подскочила и включила музыку через колонку.

— Послушай это, — сказала она с воодушевлением. — Это моя любимая группа.

Из колонки полилась энергичная мелодия — синтезатор, ритмичный бит и вокал на корейском.

— Enhypen, — сказала она, закрывая глаза и начиная напевать в такт.

Он поднял взгляд от книги, наблюдая за ней. Она была такой беззаботной, такой живой, что это заставляло его улыбаться — даже если он не хотел этого показывать.

— Enhypen? — переспросил лис, с лёгкой иронией в голосе. — Что это за название?

— Корейская группа, — сказала она, не открывая глаз. — Они очень популярны. Ты должен послушать.

— Я слушаю, — сказал лис с усмешкой. — Это похоже на... шум?

Она открыла глаза и посмотрела на него с возмущением.

— Это не шум! Это искусство!

— Искусство? — он приподнял бровь. — Звучит как звук, который издаёт твой пылесос.-лис усмехнулся .

Она на секунду застыла, переваривая его слова, а затем расхохоталась.

— Ты серьёзно? Ты сравниваешь мою любимую группу с пылесосом?

— Я просто говорю правду, — ответил парень, возвращаясь к книге, но в его голосе слышался смех.

— Ты невыносим, — сказала она, закатывая глаза . — Это моя любимая группа! -шутливо надула губы Джи.

—Я рад за тебя, — ответил он, не поднимая головы. — Но это всё равно звучит как пылесос.

Она неожиданно встала и подошла к нему, протягивая телефон.

— Давай, попробуй. Спой со мной.

Лис посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Ты серьёзно?

— Да! — она села рядом, придвигаясь ближе. — Ты всегда говоришь, что я не умею петь. А ты попробуй.

Он взял телефон, посмотрел на текст песни, затем снова на неё.

— Я не знаю слов.- равнодушно констатировал парень.

— Я подскажу, — сказала Сон Джи, улыбаясь. — Давай. Начинай.

Он неуверенно начал напевать, сбиваясь на каждом втором слове. Она смотрела на него, пытаясь сдержать смех, но не смогла — и рассмеялась, откинувшись на спинку дивана.

— Это похоже на то, как если бы робот пытался петь колыбельную, — сказала светловолосая сквозь смех.

— Я не просил тебя давать мне попробовать, — сказал он с лёгким весельем в голосе.

— Я знаю, — сказала она, вытирая слёзы от смеха. — Но я хотела посмотреть, как ты справишься.

— И как я справился?

— Ужасно, — сказала Джи, улыбаясь. — Но это было весело.

— Сон Джи... — он замолчал, покачал головой. — Если ты когда-нибудь запишешь это, я превращусь обратно в игрушку. И не выйду.- саркастически выдал лис , чуть улыбнувшись .

Она фыркнула, закатывая глаза.

— Не волнуйся, я не планирую разорвать музыкальную индустрию твоим «пением». А вот если ты когда-нибудь решишь бросить готовку и уйти в комедийный стендап — у тебя точно есть будущее.—Джи весело подмигнула.

— Буду иметь в виду, — сказал он, чуть улыбаясь.

Девушка смотрела на него, и на душе было легко . Она не знала, что это — благодарность, привязанность или что-то большее. Но в его присутствии Джи переставала ждать, что что-то пойдёт не так.

Они смотрели друг на друга, и в воздухе повисла тёплая, лёгкая тишина..

Глава 16 Тень на дне чашки

Закончив зачётную неделю на хорошие отметки — во многом благодаря его терпеливым объяснениям, его умению превращать сложные правила в простые истины, его странной, но удивительной способности делать так, что даже самый скучный учебник начинал казаться интересным, — Джи сидела в кафе при университете, дожидаясь Мин И.

Она всё ещё не привыкла к тому, что учится лучше, чем раньше. Еще недавно Джи едва тянула на тройки, а теперь — четвёрки и пятёрки. И это было странное, почти непривычное чувство. Она не могла сказать родителям, что ей помогает лис, который живёт у неё в квартире. Она не могла сказать Мин И, что её оценки выросли благодаря тому, что кто-то терпеливо объяснял ей грамматику, пока она не начинала понимать. Сон Джи просто принимала это как должное, хотя внутри неё теплилась благодарность, которую она не знала, как выразить.

Они с Мин И договорились пройтись по магазинам косметики: у подруги закончилась тушь, и она хотела выбрать новую. Джи потягивала остывающий латте, рассеянно глядя в окно,

где весенний Сеул уже начинал зажигать свои вечерние огни. За стеклом проплывали силуэты прохожих, и она думала о том, как странно устроена жизнь — как один человек может изменить всё, даже не пытаясь.

В этот момент в её телефоне завибрировало уведомление. Она лениво провела пальцем по экрану и увидела в КакаоTalk сообщение от Чэн И. Девушка открыла его, и внутри неё что-то сжалось.

«Джи, привет. Извини, что беспокою. Я вчера завалил английский. Не успел подготовиться из-за тренировок, да и не особо я его понимаю. У тебя же с учёбой всё в порядке? Педагог сказал, что если я не пересдам, меня могут выгнать. У Мин И самой проблемы с учёбой, друзья тоже не сильны в английском. Помоги, пожалуйста».

Джи перечитала сообщение несколько раз. Слова Чэн И были простыми, но в них чувствовалась отчаянная искренность. Она знала это чувство — когда кажется, что мир рушится, а рядом нет никого, кто мог бы помочь. Студентка сама недавно была на его месте. И она знала, что значит, когда кто-то протягивает руку..

Но Сон Джи также понимала, что Мин И не одобрит эту встречу. Она знала, что это может ранить брюнетку. Но Чэн И был её другом. Она не могла отвернуться. Она не умела отвернуться..

Пальцы дрожали, когда девушка набирала ответ. Она несколько раз стирала текст, прежде чем решилась отправить.

«Привет. Я не против помочь. Но я не уверена, что смогу объяснить всё идеально — я сама только недавно начала разбираться в этих темах. Но могу попробовать. Можешь прислать список тем? Я посмотрю, что смогу сделать».

Она нажала «отправить» и почувствовала, как внутри неё закипает волнение, смешанное с чувством вины. Ответ пришёл через тридцать секунд.

«Спасибо! Ты спасаешь меня. Темы: условные предложения, косвенная речь и страдательный залог. Я вообще не понимаю, как это работает. Когда тебе удобно? Может, завтра после пар?»

Сон Джи устало вздохнула, чувствуя, как внутри неё что-то переворачивается. Девушка не хотела лгать Мин И. Но она не знала, как сказать правду.

«Завтра я занята, но послезавтра могу. Давай встретимся в кафе на Хондэ, в три часа?»

«Идеально. Спасибо, Джи. Ты лучшая. Я угощаю»

Студентка видела, как он сияет, и знала: должна радоваться. Но вместо тепла внутри поднималась глухая, липкая тревога, которая не давала дышать полной грудью.

«Не стоит. Просто приноси учебники».

Джи убрала телефон в сумку и почувствовала грусть. Она знала, что должна была сказать Мин И, но не могла найти слов. Девушка убеждала себя: «Это просто помощь. Ничего личного. Я скажу ей потом. Когда всё будет готово».

Тень упала на столик, и Джи подняла голову. Перед ней стояла Мин И — с лёгкой улыбкой на губах, с уже знакомой до боли небрежностью в каждом движении. Она выглядела так, будто у неё не было ни одной проблемы в мире, и Джи на мгновение позавидовала этой беззаботности..

— Извини, опоздала, — сказала подруга, садясь напротив. — Преподаватель по менеджменту задержала. Опять говорила о курсовых.

— Ничего, я только пришла, — ответила Джи, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

Мин И смотрела на неё с лёгким подозрением. Её глаза чуть прищурились.

— Ты выглядишь странно. Что-то случилось?

— Нет, — слишком быстро ответила Джи. — Всё нормально. Просто устала немного.

Мин И пожала плечами — она не стала настаивать. Девушка заказала себе чай с мятой и откинулась на спинку стула.

— Ладно. Так что там с тушью? Я слышала, что появилась новая серия водостойких. Говорят, они не размазываются даже под дождём.

— Да, я видела рекламу, — сказала Джи, радуясь, что тема сменилась. — Может, зайдём в «Olive Young»? Там сейчас скидки на всё.

— Отлично, — улыбнулась Мин И. — Тогда я возьму с собой карту.

Она допила свой чай и встала. Джи тоже поднялась, но в голове у неё всё ещё вертелось сообщение Чэн И. Она знала, что должна сказать Мин И. Но слова застревали в горле. Она снова думала: «Это просто помощь. Я ничего плохого не делаю. Я скажу ей позже. Когда всё будет готово».

Они вышли из кафе. Джи смотрела на подругу, которая шла рядом, легко и беззаботно, и чувствовала, как внутри неё разрастается холодное, липкое чувство вины. Ветер шевелил её светлые волосы, и она подумала о том, что этот день мог бы быть простым и хорошим, если бы не тяжёлый груз, который она несла в груди.

Они шли по улице, и Джи чувствовала, как внутри неё нарастает напряжение. Она открывала рот, чтобы сказать, но слова умирали на губах, не дождавшись голоса.

— Мин И, — начала Джи, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ммм? — отозвалась та, разглядывая витрину с косметикой.

— Я... — она запнулась. — Ничего. Просто хотела спросить, не хочешь ли ты зайти в кафе после магазина.

Мин И обернулась и посмотрела на неё с лёгким удивлением.

— Ты сегодня какая-то странная. Что всё-таки случилось?

Джи почувствовала, как её сердце начинает биться быстрее. Она знала, что это её шанс. Но она не могла заставить себя сказать.

— Нет, — выдохнула студентка. — Всё хорошо. Пойдём, уже открыли.

Она отвернулась и сделала шаг, но внутри уже поселилась тень — холодная, тягучая, как смола. Джи не сказала. Снова промолчала. И чувствовала, что эта тишина ещё аукнется.

Магазин «Olive Young» был ярким и шумным. Сотни баночек, тюбиков и флаконов стояли на полках, и в воздухе витал сладкий, чуть приторный запах косметики. Мин И сразу направилась к стеллажу с тушью. Её глаза горели азартом, и она перебирала упаковки, читая надписи, словно выбирала не просто косметику, а что-то важное, что могло изменить её жизнь.

— Смотри, какая красивая, — сказала она, показывая Джи тюбик с золотым блеском. — Говорят, она делает ресницы длинными и объёмными.

— Да, я видела обзоры, — сказала светловолосая, стараясь сосредоточиться. — Она действительно неплохая. Но я бы посоветовала эту. — Джи взяла другую, чёрную, с матовой упаковкой. — Она водостойкая и держится целый день.

— Хм, — Мин И взяла тушь, повертела в руках, посмотрела на цену. — Но она дороже на пять тысяч.

— Я могу скинуть тебе ещё денег, если хочешь, — сказала Джи, не глядя на подругу.

— Не надо, — ответила Мин И, и в голосе её послышалась лёгкая резкость. — У меня ещё есть те деньги, что ты давала в прошлый раз. Я не хочу брать больше.

Джи почувствовала укол в груди. Девушка знала, что эти деньги — те самые, которые она дала Мин И на квартиру. Студентка понимала, что подруга живёт на её деньги, и это всегда было неловко. Но она не знала, как сказать об этом.

— Я просто хочу, чтобы ты купила то, что тебе действительно подходит, — мягко объяснила Джи. — Не думай о цене.

Мин И подняла на неё взгляд, и на её лице появилась лёгкая, почти виноватая улыбка.

— Ты слишком добрая, Джи. Ты всегда такая.

— Это просто тушь, — сказала девушка, стараясь улыбнуться.

— Нет, — покачала головой Мин И, и её голос стал чуть мягче. — Это не просто тушь. Ты всегда помогаешь мне, даже когда я не прошу. Я знаю, что иногда я веду себя... ну, ты знаешь.

— Ты моя подруга, — сказала Джи. — Мы всегда помогаем друг другу.

Мин И кивнула, затем взяла обе туши и подошла к кассе. Джи смотрела на неё и чувствовала, как внутри неё разрывается сердце. Она хотела сказать ей, что будет помогать Чэн И. Но слова не шли.

Она снова промолчала.

Девушки вышли из магазина, и Джи чувствовала, как холодный ветер касается её лица. Студентка знала, что рано или поздно ей придётся сказать правду. Но сейчас она не могла. Она не хотела терять то, что у неё было.

Джи посмотрела на Мин И, которая улыбалась, держа в руках пакет с новой тушью, и подумала: «Я скажу ей завтра. Или послезавтра. Когда всё будет готово».

Но она знала, что это неправда..

Кафе «Хару» на Хондэ было маленьким, но уютным — с деревянными столами, приглушённым светом и запахом свежесваренного кофе, смешанным с нотками корицы. За окном хмурилось весеннее небо, но внутри было тепло и тихо. Только изредка звенели чашки да слышался тихий шёпот посетителей, словно само пространство кафе хранило чужие секреты.

Сон Джи сидела за угловым столиком, перед ней стояла чашка зелёного чая, которую она почти не пила. Девушка смотрела в окно и чувствовала, как внутри неё борется тревога — глухая, тягучая, как тот самый чай, который она не могла заставить себя допить.

«Я ничего плохого не сделала», — убеждала она себя, перебирая пальцами край скатерти. — «Я просто помогаю другу. Это не предательство. Мин И поймёт, если я ей скажу. Потом. Когда всё будет готово. Это точно».

Она перебирала в памяти их разговор в магазине — Мин И, её улыбка, её благодарность, её слова: «Ты слишком добрая, Джи». И внутри неё было беспокойно. Она знала, что подруга говорит это искренне, и от этого было ещё больнее.

«Я скажу ей. Обязательно скажу. Но сейчас... сейчас я просто хочу помочь Чэн И. Он завалит пересдачу, если я не помогу. Это же просто английский. Ничего личного».

Джи глубоко вздохнула и достала учебник, который приготовила для занятия. Студентка пролистала страницы, проверяя заметки, сделанные накануне вечером, когда она сидела за кухонным столом, а Хан мыл посуду и иногда бросал на неё короткие взгляды. Она тогда не придавала этому значения, но сейчас, вспоминая, почувствовала, как в груди разливается странное тепло.

Дверь кафе открылась, и ворвался лёгкий ветер. Чэн И вошёл, немного запыхавшийся, с рюкзаком за плечами и виноватой улыбкой на лице.

— Прости, опоздал! — сказал он, садясь напротив. — Автобус задержался. Ты долго ждала?

— Нет, — ответила Джи, улыбнувшись. — Я только пришла.

Он снял рюкзак и выдохнул с облегчением.

— Честно говоря, я уже начал паниковать. Я думал, что ты передумаешь..-неловко объяснил парень.

— Не передумала, — сказала она, открывая учебник. — Я обещала помочь — значит, помогу.

Чэн И улынулся, и его улыбка была тёплой, почти детской.

— Ты спасаешь меня, Джи. Правда.

— Не спасаю, — ответила она спокойно, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Просто объясняю английский. Давай начнём с условных предложений.

Он достал свою тетрадь, и Джи заметила, как много там записей — беспорядочных, перечёркнутых, с каракулями на полях.

— Ты вообще слушал на парах? — спросила подруга с лёгкой насмешкой.

— Слушал, — честно признался он. — Но у меня в голове всё перепуталось. Когда мы это проходили, я думал: «Ладно, я запомню». А потом пришёл экзамен, и я понял, что ничего не помню.

— Это нормально, — сказала Джи. — Давай начнём с самого простого.

Она начала объяснять, водя пальцем по строчкам учебника, и Чэн И слушал, стараясь вникнуть. Но через пять минут он поднял голову и спросил:

— Слушай, а ты не думала стать учителем?

— Почему? — спросила Джи, не отрываясь от книги.

— Потому что ты объясняешь так, будто это самое важное дело в мире. Я чувствую себя... ну, важным, что ли.

Светловолосая подняла глаза и увидела его серьёзный взгляд. Она усмехнулась.

— Ты важный. Просто не на английском.

Он засмеялся — громко, искренне, и это сняло напряжение.

— Ладно, давай продолжать, — сказала она.

— Давай, — согласился он, но добавил: — Только если ты не будешь так серьёзно смотреть на меня. Я начинаю нервничать.

— Я всегда серьёзно смотрю, — ответила Джи, стараясь, чтобы голос звучал строго, но улыбка выдавала её.

Она смотрела на Чэн И, на его сосредоточенное лицо, на то, как он пытается запомнить правила, и чувствовала, что делает правильную вещь.

«Он же мой друг. Я помогаю ему. Это не предательство. Я не обманываю Мин И. Я просто... не говорю ей. Пока. Я скажу ей потом. Когда всё будет готово. Когда он сдаст экзамен. Тогда я смогу сказать: «Мин И, я помогла ему, и всё прошло хорошо. Ты не должна волноваться».

Девушка убеждала себя в этом снова и снова, но где-то глубоко внутри неё поселился холодок, который она не могла прогнать.

— Джи? — голос Чэн И вывел её из раздумий. — Ты в порядке? Ты смотришь в одну точку.

— Да, — быстро ответила она, моргнув. — Просто задумалась. Давай вернёмся к косвенной речи.

Она снова начала объяснять, стараясь сосредоточиться на правилах, на словах, на учебнике. Но в голове у неё всё ещё звучал голос: «Ты должна была сказать ей. Ты должна была сказать ей правду»

Прошло полтора часа. Чэн И начал понимать темы, и его лицо становилось всё более уверенным.

— Знаешь, — сказал он, закрывая тетрадь, — я думал, что это невозможно. А теперь я чувствую, что могу сдать этот экзамен.

— Ты сможешь, — сказала Сон Джи, улыбаясь. — Ты просто не давал себе шанса.

— Шанс дала мне ты, — произнёс парень, и в его голосе прозвучала искренность. — Спасибо, Джи. Правда.

Девушка смотрела на него и чувствовала, как внутри неё разливается тёплое чувство — она сделала что-то хорошее. Она помогла другу. Она сделала мир чуточку лучше.

— Это просто помощь. Это правильно. — утешала себя Джи.

Она закрыла учебник и улыбнулась.

— Завтра в это же время? — спросила девушка.

— Да, — сказал он, сияя. — Я буду готов.

Они вышли из кафе, и ветер ударил в лицо. Джи глубоко вдохнула и почувствовала, как её шаги становятся легче. Студентка не сказала Мин И. Но она сказала себе, что это было правильно.

Вечером подруги сидели в небольшом кафе на первом этаже торгового центра.

Город медленно выдыхал вечер, зажигая фонари, и неоновые оттенки разливались по улицам, делая их почти живыми. Джи недавно закончила смену и встретилась с брюнеткой, чтобы немного отвлечься. Они виделись почти каждый день, поэтому светловолосая уже привыкла к этому ритму. Они ходили вместе за покупками, пили алкоголь и кофе, болтали обо всем на свете, Джи это вполне устраивало.

Мин И пила свой любимый зелёный чай со льдом и рассказывала о своих планах на выходные. Она оживлённо жестикулировала и улыбалась, постепенно расслабляясь.

— Знаешь, — сказала Мин И, отпивая из трубочки, — я рада, что мы так часто видимся. Иногда мне кажется, что ты единственная, кто меня по-настоящему понимает..

— Я тоже рада, — ответила Джи, улыбнувшись. — Мы всегда можем поговорить.

— Всегда, — кивает Мин И. — Я знаю, что если что-то случится, я могу прийти к тебе. И ты всегда поможешь..

Джи почувствовала, как дыхание стало глубже, а внутри разлилось что-то мягкое, почти забытое. Она посмотрела на подругу и подумала о том, что, возможно, слишком много переживает. Они так близки, они так часто видятся — неужели одна маленькая помощь Чэн И может что-то изменить?

«Я скажу ей, — решила Джи. — Но не сейчас. Когда всё будет готово. Когда он сдаст экзамен. Тогда я расскажу ей, и она поймёт. Я надеюсь на это.

— Ты права, — сказала Сон Джи, улыбаясь.

Она подняла чашку и сделала глоток, чувствуя, как её тревога постепенно уходит. Девушка почти перестала волноваться. Она почти поверила, что всё будет хорошо.

Мин И заметила, что Джи расслабилась, и улыбнулась шире.

— Вот видишь, — заметила она. — А ты говоришь, что я не умею тебя успокаивать.-брюнетка подмигнула.

—Умеешь, — посмеялась Джи. — Просто не всегда.

Они допили чай и вышли из кафе. Светловолосая почувствовала себя легче, чем за последние несколько дней. Она почти забыла о том, что скрывает что-то от подруги.

Они обнялись на прощание, и Джи пошла домой.

Глава 17 На грани

Войдя в квартиру, девушка ощущала внутри тепло и лёгкость после утешительного разговора с Мин И. Они долго сидели в кафе, болтали о всякой ерунде, смеялись, и на душе у неё

было спокойно. Она сняла обувь, повесила сумку на крючок и вдруг заметила, что в ванной горел свет, а дверь была приоткрыта.

Джи слышала звук льющейся воды, но подумала, что Ли Хан просто заканчивает уборку. Она спокойно пошла на кухню, чтобы поставить чайник, но вдруг заметила, что дверь в ванну была открыта шире, чем обычно, что было странно..

Студентка подошла ближе, чтобы закрыть ее, но застыла.

Он стоял перед зеркалом, невозмутимо вытираясь ее полотенцем с белыми цветами, которое она купила на прошлой недели. Вода стекала по его плечам, по груди и животу.. Парень либо не слышал ее шагов, либо его ничего не смущало..

Она не смогла сдвинуться с места, не в силах отвести взгляд. Ее сердце пропустило удар, а затем начало биться с бешеной скоростью..«Что я делаю?»

—пронеслось в её голове, но тело не слушалось. Она стояла, как замороженная, чувствуя, как внутри неё поднимается что-то новое — что-то, что она не могла объяснить.

Лис медленно повернулся и заметил её.

На его лице появилась лёгкая, почти ленивая улыбка. В его глазах мелькнул знакомый огонёк — тот, что она уже видела раньше, но теперь он казался ярче, острее.

— Ты всегда подглядываешь, или только сегодня? —спросил он, продолжая вытираться её полотенцем, даже не пытаясь прикрыться. Его голос звучал ровно, но в нём чувствовалась лёгкая насмешка, от которой по её коже пробежали мурашки.

—Это моё полотенце! — выдавила она, чувствуя, как её щёки заливаются краской. — Ты не можешь просто брать мои вещи!

— Ты уже говорила это про расчёску, — напомнил он с усмешкой. — И что? Я всё ещё пользуюсь твоими вещами..-лис нагло улыбнулся.

Он сделал шаг к ней, и она инстинктивно отступила, но упёрлась спиной в дверной косяк. Его тело — горячее, влажное, обнажённое — оказалось так близко, что она чувствовала его кожу почти вплотную к своей. От него пахло мылом, водой и чем-то ещё — чем-то тёплым, почти диким, что заставляло её сердце биться быстрее.

— Потому что ты бессовестный! — чуть громче сказала она, пытаясь отвести взгляд от его красивого тела, но не в силах этого сделать. Её глаза скользили по его плечам, по его груди, по тому, как вода всё ещё стекала по его коже, и она чувствовала, как внутри неё поднимается странная волна — запретная, пугающая, но притягательная.

— А ты смотришь, — сказал лис, и его улыбка стала шире. — Ты смотришь на меня, Сон Джи.

Он самодовольно обвёл её взглядом, и она почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Его взгляд скользнул по её лицу, по её губам, по её шее, и она почувствовала, как её дыхание сбивается. В его руках всё ещё было её полотенце, и он небрежно перекинул его через плечо, не делая попытки прикрыться.

— Ты мог бы закрыть дверь,—сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но внутри всё дрожало.

— Мог бы, — согласился он хитро. — Но тогда бы я не увидел тебя такой... растерянной..- на его лице показалась провокационная улыбка .

Лис положил руку на дверной косяк, наклоняясь к ней, и она почувствовала, как его дыхание касается её щеки. Его тело — горячее, влажное, обнажённое — оказалось так близко, что она почувствовала его кожу почти вплотную к своей . Он смотрел на неё , словно заворожённый , с впервые появившейся страстью в глазах. Это пугало и одновременно притягивало Сон Джи.

Его взгляд был тяжёлым, почти осязаемым, и она чувствовала, как он скользит по её лицу, по её губам, по её шее.

— Нравится то, что видишь? — тихо спросил он.

Джи покраснела так сильно , что показалось , будто ее кожа горит . Её дыхание сбилось, и она чувствовала, как внутри неё поднимается что-то новое — смесь страха, желания и любопытства. Она смотрела в его глаза, и в них она видела отражение своего собственного замешательства.

—А если я скажу «да»? —спросила девушка , и голос её звучал хрипло.

Он застыл и в его глазах мелькнуло удивление от её неожиданной дерзости. Его улыбка стала чуть более опасной.

— Тогда я скажу, что ты врёшь, — ответил он, наклонившись ещё ближе. — Ты не признаешься в этом..

— А ты проверь, — провокационно предложила она, и внутри неё всё задрожало от смелости.

Глаза лиса потемнели. Медленно коснувшись лица девушки , он слегка приподнял её подбородок , и его пальцы задержались на её коже на мгновение дольше, чем нужно. Его прикосновение было горячим, почти обжигающим, и она почувствовала , как по её телу пробегает дрожь.

— Ты играешь с огнём, Сон Джи.. —чуть игриво прошептал парень.

— Может быть, —сказала она и её голос стал чуть ниже.

—Но мне нравится . —с уверенным видом продолжила студентка.

Она сама не знала, откуда в ней взялись эти слова, но они слетели с губ прежде, чем она успела их остановить.

Когда он задержал взгляд на её губах девушка почувствовала , насколько близко они стояли . Дыхание Джи смешивалось с дыханием парня , и между ними возникало напряжение,

которое можно было резать . Казалось, ещё мгновение — и он поцелует её. Она чувствовала, как его рука всё ещё лежит на её подбородке, как его пальцы слегка сжимаются, и её сердце колотится так сильно, что она боялась, что он услышит его.

Когда он отступил на шаг , девушка почувствовала, как воздух возвращается в лёгкие. Хан не спешил закрываться, он просто смотрел на неё, и в его глазах всё еще горел опасный огонёк..Парень смотрел на неё так, словно она была загадкой, которую он не мог разгадать, и это заставляло её чувствовать себя одновременно уязвимой и сильной.

— В следующий раз постараюсь закрывать дверь, —сказал он с лёгкой усмешкой.

Посмотрев на него, Джи почувствовала некоторое волнение внутри.

—Не нужно..-тихо попросила она , чуть краснея.

Парень задержал на ней взгляд на мгновение дольше , чем следовало бы. Затем медленно, не торопясь, обмотал полотенце вокруг бёдер и закрепил его.

Проходя мимо неё в спальню , он тихо усмехнулся .

Смотря ему вслед, Джи почувствовала, как её сердце всё ещё колотится. Она прошла на диван и опустилась на него, чувствуя, как внутри неё поднимается странная, почти запретная волна. Она чувствовала, как её тело всё ещё помнит его прикосновение, как её кожа всё ещё горит там, где он коснулся её. И она знала, что этот момент изменил их отношения навсегда..

Вечером Сон Джи сидела на диване, поджав под себя ноги, и листала учебник по английскому, делая пометки на полях. На столе — чашка остывшего чая и несколько листов с конспектами. Она повторяла темы, которые завтра будет объяснять Чэн И: условные предложения, косвенную речь, страдательный залог. Джи старалась сосредоточиться, но в голове всё ещё прокручивался момент в ванной — его обнажённое тело, его гипнотизирующий взгляд , его руки, прижимавшие её к стене..Она чувствовала, как её щёки начинают гореть при одном воспоминании, и встряхнула головой, прогоняя наваждение.

«Сосредоточься, Джи. У тебя завтра важный день», — сказала она себе, но мысли снова и снова возвращались к нему.

Лис домывал посуду на кухне. Звук воды и звяканье тарелок создавали привычный, уютный фон. Он не торопился — его движения были как всегда спокойными, почти медитативными. Закончив , Ли Хан вытер руки и прошёл в гостиную. Он сел на диван , но не слишком близко —на расстоянии, которое оставляло пространство для дыхания. Лис посмотрел на ее сосредоточенное лицо, на то , как она слегка нахмурила брови, пытаясь запомнить правила.

—Завтра есть пары? -спросил он , и его голос звучал отстранённо, почти безразлично , но она знала, что это лишь маска.

Джи удивленно подняла голову , не ожидав подобного вопроса . Оторвавшись от учебника , она посмотрела на него :

— Нет, завтра нет пар. А что?

Пожав плечами, он отвёл взгляд .

— Просто спросил. Думал, может, продолжим смотреть «Цветок зла». Ты говорила, что хочешь досмотреть.

Удивившись , Джи задумалась :Хан редко предлагал что-то первым и это показалось ей странным. Почувствовав тепло в груди от осознания , что парень запомнил ее желание досмотреть дораму , она едва заметно улыбнулась. Он предложил это сам, без её просьбы..

— Завтра днём я помогаю другу с английским, — спокойно , но чуть мягче сказала она, возвращаясь к учебнику. — Мы договорились встретиться в три. А вечером у меня работа. Так что завтра не получится..-объяснила девушка.

Он замолчал на пару секунд , и в его взгляде появилась лёгкая тень.

— Чэн И? —спросил лис нейтрально , однако она почувствовала в его голосе кое-что ещё-едва заметную ревность, которую он пытался скрыть.

Джи спокойно посмотрела на него, не показывая, что заметила его напряжение.

— Да, он завалил английский . Я помогаю подготовиться ему к пересдаче.

Он медленно кивнул, но его лицо осталось непроницаемым. Взяв какую-то книгу , лежавшую на столике рядом с ним, лис открыл ее , делая вид, что читает .

— Мин И? — он поднял глаза от книги. — Она не может?

—Мин И сама не очень сильна в английском,—объяснила Джи, чувствуя лёгкую тревогу. —Он попросил меня. Это просто помощь.

— Я не говорил, что это что-то другое.-ответил лис, не отрываясь от книги.

Посмотрев на него, она поняла, что между ними повисает холодок. Она видела, как его пальцы слегка сжимают страницы, и знала, что он ревнует. И это вызывало в ней смешанные чувства — и лёгкую вину, и странное тепло от того, что ему безразлично.

— Мы можем посмотреть послезавтра, если хочешь, —предложила она, стараясь, чтобы голос звучал мягко. — Я свободна.

Перевернув страницу, он ответил , не глядя на неё:

— Как хочешь.

Она почувствовала, как внутри неё сжималось что-то. Джи хотела сказать ему, что это ничего не значит, что она помогала другу и что Хан ей безразличен. Но слова застревали в горле..

Когда светловолосая вернулась к учебнику, мысли были уже не об английском..

Проспав до полудня, Джи встала, сладко потянувшись, чувствуя, как после долгого сна тело наливается приятной тяжестью. Она переоделась в домашнюю пижаму — мягкую, уютную, с длинными рукавами — и вышла в гостиную, ожидая увидеть там лиса, однако его нигде не было. На диване лежала игрушка — та самая, с которой всё началось. Она вздохнула, чувствуя лёгкое разочарование, и прошла в ванную.

Умывшись и приведя себя в порядок, она направилась к столу. Сытно позавтракав кимчи-чигэ с рисовыми пирожками и запивая это зелёным китайским чаем, девушка почувствовала, как силы возвращаются к ней. Она подошла к игрушке, смущённо улыбнулась и тихо поблагодарила:

— Спасибо за завтрак.

Лис молчал, но она знала, что он слышит.

Она пошла собираться на встречу с другом, пытаясь подавить мысли о том, что Ли Хан, наверное, не в духе. Но времени на это не было — сразу после занятия с Чэн И ей нужно было бежать на работу.

Сделав высокий хвост, она собрала светлые волосы, открывая лицо. Накрасив губы бледно-розовым тоником, который придавал им естественный оттенок, она оделась в тёмную юбку ниже колен и белую рубашку, подаренную ей родителями три года назад. Рубашка была простой, но сидела идеально, подчёркивая её хрупкость, а юбка придавала образу строгость и лёгкую элегантность

Положив учебники в сумку, Джи созвонилась с другом и, неловко попрощавшись с так и оставшимся в форме игрушки парнем, покинула квартиру.

Они пришли к своему столику одновременно. Кафе было почти пустым, и солнечный свет лился через большие окна, заливая деревянные столы тёплым золотом. Чэн И выглядел немного взволнованным, но при виде Джи его лицо озарилось улыбкой.

Когда он предложил ей кофе, она вежливо отказалась, достав учебники и открывая их на нужной странице.

— Давай начнём со страдательного залога, — сказала девушка, и её голос стал деловым, сосредоточенным.

Он внимательно слушал, делая пометки в тетради, но она чувствовала на себе его взгляд. Друг тайно поглядывал на неё, отмечая, как она сосредоточена, как её лицо становится особенно красивым, когда она объясняет что-то сложное. Джи не замечала этого — или делала вид, что не замечает.

Когда занятие подошло к концу, он поблагодарил её с искренней теплотой:

— Спасибо, Джи. Ты действительно спасаешь меня.

Она улыбнулась, закрывая учебник.

— Не за что. Ты стараешься, и это главное.

Он замялся, словно хотел сказать что-то ещё.

— Не останешься ещё на чуть-чуть? Может, кофе? — спросил Чэн И с надеждой в голосе.

Джи мягко покачала головой:

— Извини, мне надо на работу.

Обнявшись на прощание, они разошлись. Она вышла из кафе, чувствуя на себе его взгляд, но её мысли уже были о другом — о доме, о нём, о том, что ждёт её вечером..

Вечерний воздух был ещё тёплым, когда Джи вышла из ресторана с заказом. Город постепенно оживал — фонари зажигались один за другим, свет из окон кафе ложился на тротуар мягкими пятнами. Она сжимала в руках термосумку с жареной курицей и кимчи, а в голове всё ещё крутились правила английского, которые она объясняла Чэн И. Девушка улыбнулась, вспомнив, как он кивал, пытаясь запомнить.

В кармане завибрировал телефон. Она достала его и увидела на экране: «Папа».

— Алло, пап. Привет, — сказала девушка, и голос её прозвучал легко, почти беззаботно.

— Привет, Джи, — голос отца был спокойным, но в нём чувствовалось напряжение. — Ты сейчас занята?

— Иду на работу, — сказала она. — А что случилось?

— Мы с мамой посмотрели твои расходы за этот месяц, — ответил он, и в его голосе появился холодок. — Ты можешь объяснить, почему у тебя такие большие траты на продукты?

Она ощутила, как внутри неё всё сжимается. Джи знала, что Ли Хан часто ходил в магазин и выбирал там свежие овощи, мясо, фрукты — и всё это выходило на немалые суммы, потому что продукты были дорогими. Лис заботился о ней, и теперь это стало проблемой. Но она не могла признаться в этом. Как и в том, что часть её денег уходила на квартиру Мин И.

— Я... я просто покупаю продукты, пап, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я же должна есть здоровую пищу. - неуверенно добавила девушка.

— Здоровую пищу за 600 тысяч вон в месяц? — переспросил он, и в его голосе появилось недоверие. — Джи, это слишком много. Даже если ты покупаешь качественные продукты, ты можешь уложиться в меньшую сумму.

— Пап, я не могу экономить на еде, — сказала она, и её голос стал напряженным. — Я работаю, учусь, мне нужно хорошо питаться.

— Ты можешь питаться хорошо и за меньшие деньги, — ответил он. — Ты просто не умеешь планировать бюджет. Мы с мамой хотели поехать в отпуск за границу в этом году, и нам бы не помешало немного сэкономить на твоих расходах.

Джи застыла на месте. Слова отца прозвучали как приговор, но она никак не могла рассказать правду. Студенты проходили мимо, кто-то задел её плечом, но она не замечала. Девушка смотрела в одну точку, чувствуя, как внутри неё всё рушится.

— Пап, я понимаю, что вы хотите отдохнуть, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Но я не могу просто так урезать свои расходы. Я стараюсь...

— Ты всегда стараешься, Джи, — перебил её Сон Кан Чин, и в его голосе появилось раздражение. — Но мы не видим результатов. Мы даём тебе деньги на жизнь, а ты тратишь их на дорогие продукты и не понимаешь на что ещё. Если ты не можешь контролировать свои траты, мы будем вынуждены сократить твой бюджет. С этого дня он будет урезан на 40 процентов. Тогда мы сможем позволить себе отпуск, который давно планировали. — холодно закончил отец.

Она сжала телефон так сильно, что костяшки побелели. Девушка хотела объяснить, что помогает подруге, но воздух застыл в груди, не давая произнести ни слова. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна отчаяния, смешанная с гневом.

— Сорок процентов? — переспросила она, и её голос задрожал. — Пап, это слишком много! Я не смогу прожить на эти деньги!

— Сможешь, — сказал он холодно. — Ты просто научишься тратить разумно. Мы не можем позволить тебе тратить деньги впустую, когда мы сами планируем отпуск.

— Но я не трачу их впустую! — почти закричала она. — Я покупаю еду, я плачу за квартиру, я...

— Ты платишь за квартиру, которую мы и так оплачиваем, — перебил он. — И у тебя остаются деньги на дорогие продукты и всякую бесполезность, типа алкоголя. Если ты не можешь контролировать свои траты, мы сделаем это за тебя.

— Это несправедливо! — обидчиво высказала она, и слёзы уже подступили к глазам. — Вы не знаете, как я живу! Вы не знаете, через что я прохожу!

— Тогда расскажи нам, — сказал он, и его голос стал жёстче. — Объясни, куда уходят твои деньги. Если у тебя есть уважительная причина, мы подумаем.

Джи открыла рот, чтобы сказать правду о подруге, но тут же передумала, зная, что отец не поймет и обязательно скажет, что её используют, что она слишком мягкая, и тогда он может урезать бюджет ещё сильнее. Или даже связаться с самой Мин И..

— Нет, — сказала девушка, и голос её стал тихим. — Ничего нет.

— Тогда мы приняли решение, — констатировал отец. — С сегодняшнего дня твой бюджет сокращён на 40%. Мы переведём тебе деньги завтра. Надеюсь, ты научишься планировать.

Он положил трубку.

Джи застыла посреди улицы, глядя на погасший экран телефона, и чувствовала, как внутри разрастается глухая, липкая пустота, поглощая всё, что держало её на ногах. Девушка знала, что это не конец, что ей будет труднее чем раньше и что ей придется сказать Мин И, что она теперь не сможет оплачивать ей квартиру..

Убрав телефон в карман, Сон Джи продолжила путь несмотря на то, что в глазах стояли слезы.

Понимая, что заказов в этот раз, как назло, было немного, девушка расстроилась, но всё же продолжила доставлять то, что требовалось. Она поднялась на третий этаж старого жилого дома — стены были обшарпанными, пахло сыростью и дешёвым табаком. Джи постучалась в нужную квартиру, и дверь открыл мужчина лет сорока, явно выпивший и не следивший за собой: небритый, с мутными глазами и сальной улыбкой.

Нейтрально поздоровавшись, девушка протянула ему пакет с жареной курицей и кимчи и уже хотела пойти обратно, как мужик неожиданно улыбнулся и спросил вкрадчиво:

— Ты такая красивая... не хочешь немного развлечься?

— Думайте, что говорите, — спокойно ответила она, стараясь сохранить самообладание, хотя внутри всё сжалось от страха.

Но в следующую секунду он схватил её за руку, пытаясь затащить в квартиру, и его грязные пальцы скользнули по её талии. Она почувствовала его дыхание на своей шее, и её тело окаменело от ужаса.

— Что вы делаете?! Пустите! — закричала Джи, вырываясь. Резко, со всей силы, она оттолкнула его, и он ударился спиной о стену, сбив с неё дешёвую картину.

Мужчина недобро посмотрел на неё, но студентка уже рванула с места, не оглядываясь. Её сердце колотилось где-то в горле, а ноги сами несли её вниз по лестнице. Пока она бежала по ступенькам, слышала, как он кричит ей вдогонку:

— Ты пожалеешь, сука!

Джи выбежала на улицу, чувствуя, как воздух обжигает лёгкие. Она остановилась, опершись на стену, и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Её руки дрожали, и она сжимала их в кулаки, чтобы унять дрожь.

Не успела Сон Джи прийти домой, как на её телефоне появилось уведомление из приложения доставки. Она открыла его и прочитала: её уволили. По жалобе клиента. Того самого, который пытался её затащить..

Она замерла посреди улицы, глядя в экран, и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное, липкое — смесь гнева и отчаяния, которая не находила выхода и душила изнутри. Девушка хотела кричать, но не могла. Хотела плакать, но слёзы не шли. Она просто стояла, сжимая телефон в руке, и чувствовала, как мир рушится вокруг неё.

Джи не пошла домой. Она направилась в местный бар, заказала две бутылки соджу и начала пить. Одна бутылка, вторая. Она не чувствовала вкуса — только горечь, смешанную с отчаянием.

Мысли кружились в голове, как рой потревоженных ос. Она снова видела его лицо — того клиента, чувствовала его прикосновения на своей коже, слышала его слова, которые до сих пор отдавались где-то внутри липким, тошнотворным эхом. И жалоба, которую он написал, будто она была виновата в том, что не позволила собой воспользоваться. Разве это справедливо? Разве можно уволить человека за то, что он отказался быть жертвой?

А потом — отец. Его голос, холодный и ровный, когда он говорил о деньгах, о том, что она тратит слишком много, о том, что ей пора научиться планировать бюджет. Мужчина не знал, что часть этих денег уходит на квартиру Мин И. Он не знал, что она пытается удержать на плаву то, что вот-вот рассыплется.

И Мин И. Джи ещё не сказала ей, что помогала Чэн И с английским. И теперь, когда всё это навалилось разом, она не знала, с чего начать. С каждой мыслью внутри разрасталась пустота, и она не понимала, как можно нести этот груз дальше.

«Чёрт, как всё сложно...» — думала девушка, делая очередной глоток.

Джи чувствовала, как алкоголь обжигает горло, но не приносит облегчения. Мысли путались, и она пыталась найти хоть одну причину, чтобы улыбнуться. Но находила только боль.

Она вышла из бара, слегка пошатываясь, и направилась домой. Её глаза были красными, но она уже не плакала. Студентка чувствовала себя пустой, как будто из неё выкачали все силы..

Глава 18 Исцеление

Джи вошла в квартиру, не сняв обувь. Её шаги были нетвёрдыми, дыхание — прерывистым. Она чувствовала, как внутри неё всё кипит и рушится одновременно, как стены, которые она так долго строила, внезапно упали, похоронив под обломками все её силы. Джи прислонилась спиной к холодной стене прихожей и медленно сползла по ней, опускаясь на пол. Слёзы хлынули из глаз, и она не пыталась их сдерживать.

Она плакала навзрыд, захлёбываясь, чувствуя, как мир сжимается вокруг неё, лишая воздуха.

Ли Хан, который спокойно готовил на кухне, услышал её всхлипывания. Он замер на мгновение, прислушиваясь. Внутри него боролись желание подойти и инстинктивная потребность сохранить дистанцию. Он не привык к чужим слезам, не знал, как на них реагировать, но звук её плача проникал под кожу, заставляя что-то внутри сжиматься.

Лис вышел в коридор и увидел её — сломленную, сидящую на полу, с мокрым от слёз лицом. Его сердце сжалось, и он опустился перед ней на колени, сохраняя небольшое расстояние, но его взгляд был полон внимания и тревоги.

— Что произошло? — спросил парень, и его голос был мягким, но настойчивым, хотя внутри он чувствовал неловкость, почти страх перед её эмоциями.

Девушка подняла на него заплаканные глаза и попыталась заговорить, но слова утопали в рыданиях. Она всхлипывала, сжимая пальцы в кулаки, и её тело дрожало.

— Родители... — выдавила она сквозь слёзы. — Они урезали деньги... Сорок процентов... Они думают, что я трачу всё впустую... А я... я помогаю Мин И... И теперь я не смогу... Она не сможет заплатить за квартиру...

Джи замолчала, пытаясь перевести дыхание, и слёзы снова потекли по её щекам.

— И ещё этот клиент... — продолжала она, и голос её стал ещё более прерывистым. — Он приставал ко мне. Я толкнула его, и он пожаловался. Меня уволили. Я потеряла работу. Всё... всё рухнуло за один день..

Она заплакала ещё сильнее, и он не выдержал. Он сделал то, что никогда не делал раньше — сам притянул её к себе, обнял, игнорируя внутренний голос, который шептал ему отстраниться. Это было неловко, почти неестественно для него, но он чувствовал, что должен. Его руки сомкнулись вокруг неё, и она прижалась к нему, ища утешения. Лис гладил её по спине, по волосам, чувствуя, как его собственная настороженность начинает таять под тяжестью её боли.

— Ты не одна, — сказал он тихо. — Я здесь. Всё будет... — он замолчал, будто не зная, что сказать, и просто сжал её плечо.

Она прижалась к нему, и он почувствовал, как её слёзы пропитывают его рубашку. Хан вытер её слёзы тыльной стороной ладони, затем взял её за руку и повёл на кухню. Это было странно для него — быть тем, кто утешает, но он не мог поступить иначе.

Лис усадил её за стол и поставил перед ней тарелку с горячим супом — её любимым. Он поднёс ложку к её губам, и она послушно открыла рот, позволяя ему заботиться о себе. Каждый глоток супа возвращал ей силы, и она чувствовала, как тепло разливается по телу.

Когда Сон Джи поела, он помог ей подняться и довёл до дивана. Парень аккуратно уложил её, поправил подушку и накрыл пледом. Но когда он хотел отойти, она схватила его за руку, и её взгляд стал умоляющим.

— Не уходи, — прошептала она. — Пожалуйста... просто лежи со мной.

Он замер, чувствуя, как его сердце бьётся быстрее. Внутри него боролись желание уйти и странное, почти забытое чувство близости. Он неловко лёг рядом, стараясь не касаться её, сохраняя дистанцию, но она сама придвинулась к нему, обняла его и прижалась щекой к его груди. Он почувствовал, как её дыхание становится ровнее, и его рука сама собой легла ей на спину — неуверенно, почти робко. Это было для него необычно — слишком близко, слишком интимно. Он не привык к такому.

Они лежали так несколько минут, и тишина была наполнена теплом, которое согревало их обоих. Она чувствовала, как его рука гладит её по спине, и это успокаивало её, возвращало к жизни.

Затем дыхание студентки выровнялось, и она медленно подняла голову. Её взгляд встретился с его глазами, и что-то изменилось в воздухе между ними. Она смотрела на его губы, и внутри неё поднималось желание, которое она больше не могла сдерживать. Джи медленно, словно во сне, придвинулась к нему и коснулась его губ своими — сначала осторожно, почти робко, словно пробуя на вкус что-то новое и неизведанное. Её поцелуй был лёгким, как прикосновение бабочки, но в нём было столько отчаяния и надежды, что у него перехватило дыхание. Хан замер, чувствуя, как её губы касаются его. Внутри него всё перевернулось. Он не ожидал этого, не был готов. Его первым инстинктом было отстраниться, но что-то остановило его — её тепло, её запах, её незащищённость.

Она углубила поцелуй, и парень почувствовал, как её язык скользит по его губам, прося, умоляя ответить. И он ответил. Его рука скользнула по её спине, притягивая ближе, и он почувствовал, как её тело прижимается к нему. Она начала стягивать с него футболку, и его дыхание участилось.

Он остановил её, чувствуя, как внутри него борются желание и страх. Его голос был хриплым, почти срывающимся:

— Сон Джи... ты сейчас пьяна. Ты уверена, что хочешь этого? Ты не пожалеешь потом?

Она посмотрела на него, и в её глазах была ясность, которой он не ожидал.

— Я хочу этого, — сказала Джи, и её голос был твёрдым, несмотря на алкоголь. — Я уверена. Как никогда.

Она снова потянула его к себе, затягивая в страстный поцелуй. На этот раз лис не сопротивлялся. Он ответил, теряя контроль, чувствуя, как внутри него рушатся последние барьеры.

Хан навис над ней, его руки расстёгивали пуговицы её рубашки. Он целовал её шею, спускаясь к груди, и его язык касался её кожи, вызывая мурашки. Она выгибалась ему навстречу, тихо постанывая, когда его губы находили её соски. Он ласкал их языком, слегка покусывая и посасывая, пока она не начинала дрожать под ним. Его руки гладили её бока, спускаясь к животу, и она чувствовала, как его пальцы чертят узоры на её коже, разжигая огонь внутри. Он целовал её живот, оставляя влажные дорожки, а затем пальцы нашли её бедро, гладя его, массируя, пока она не начинала теряться в ощущениях.

Его пальцы скользнули между её бёдер, и она почувствовала, как парень находит её клитор, двигаясь нежно, но настойчиво. Она застонала, выгибаясь ему навстречу, и её дыхание сбилось. Он массировал её, чувствуя, как она становится всё более влажной, как её тело откликается на каждое его движение.

Уже не в силах сдерживаться, Джи прошептала: «Давай...» — и он вошёл в неё. Это было медленно, чувственно, и она ощутила, как он наполняет её. Глаза Джи заволоклись пеленой желания, и она обвила его ногами, притягивая ближе, полностью отдаваясь моменту.

— Ещё... — прошептала она, и его движения стали более настойчивыми. Он массировал её клитор, пока она не застонала громче, не выгнулась ему навстречу, чувствуя, как внутри неё нарастает волна. Затем её тело расслабилось, и она почувствовала, как он кончает вместе с ней, прижимая Джи к себе.

Они лежали, тяжело дыша, и она чувствовала, как его тепло согревает её. Он хотел встать, превратиться в игрушку — это было бы безопаснее, привычнее. Лис уже начал отстраняться, когда она снова потянула его за руку, почти засыпая.

— Не уходи, — пробормотала девушка. — Пожалуйста... поспи со мной.

Он замер, чувствуя, как внутри него борются привычка и желание. Усмехнувшись, парень лёг рядом с ней. Она прижалась к нему, положив голову ему на грудь, и он обнял её, чувствуя, как её дыхание становится ровным и спокойным. Хан закрыл глаза, ощущая тепло её тела рядом с собой.

Глава 19 Кофе на столе — и холод в трубке

Утро ворвалось в комнату мягким, ещё несмелым светом, который ложился на пол длинными полосами. Джи открыла глаза и замерла — ощущение чужого тела рядом, воспоминания о том, что было, накатили волной, обжигая изнутри. Она рывком натянула одеяло, словно могла спрятаться от собственных мыслей, и почувствовала, как щёки заливают жар.

Джи лежала голая. И он видел её. Всю.

Она повернула голову — он стоял в дверном проёме, держа в руках поднос. Пар поднимался от чашки с кофе, свежие булочки с сыром лежали рядом с тарелкой раёна, и он смотрел на неё с той улыбкой, которую она видела всего несколько раз — сдержанной, почти робкой.

— Спасибо, — прошептала она, отводя взгляд. — Ты... ты был первым. Тебе понравилось?

Он поставил поднос на тумбочку и застыл, не зная, куда деть взгляд. Потом провёл рукой по лицу, словно собираясь с мыслями, и тихо сказал:

— Я тоже. — Хан сжал челюсти, будто эти слова дались ему с трудом. — Впервые.

И, не дожидаясь её ответа, отвернулся к окну.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается что-то новое — не только смущение, но и странное, почти пугающее тепло. Хан был здесь. Он принёс ей завтрак. И даже если он не говорил о чувствах, даже если прятал взгляд, она знала — это был его способ сказать, что она для него важна.

С тех пор лис стал не просто другом, с которым можно было молчать. Он стал тем, кто был рядом даже когда не мог найти слов.

Она взяла ложку и начала есть. Раён был горячим, булочки свежими, кофе — идеальным. Девушка чувствовала, как силы возвращаются, и с каждой ложкой смущение понемногу отпускало.

Когда Джи доела, она отодвинула поднос и посмотрела на него. Он всё ещё стоял у окна, делая вид, что рассматривает улицу.

— Выйди, пожалуйста — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала. — Я переоденусь.

Хан медленно повернулся, и на его лице промелькнуло то выражение, которое она уже знала наизусть — смесь насмешки и чего-то более тёплого, чего он не показывал другим.

— Я уже всё видел, — сказал он, приподняв бровь.

Она схватила подушку и кинула в него. Он поймал её на лету, усмехнулся, кинул обратно — легко, почти небрежно — и, не говоря ни слова, вышел из спальни, прикрыв за собой дверь.

Она выдохнула, и в этой тишине смешались смущение и что-то тёплое, почти смешное — как будто они оба знали секрет, о котором никто не догадывался.

Джи вышла на кухню, и он уже сидел за столом — книга в руках, взгляд устремлён в страницу, но она знала: он не читал. Она села напротив, чувствуя, как его присутствие заполняет пространство, и, не поднимая глаз, спросила:

— Ты ел?

— Да, — ответил он, переворачивая страницу.

Девушка заметила — он читал одну и ту же строчку уже минуту. Уголок её губ дрогнул, но она ничего не сказала.

Она хотела добавить что-то ещё, но телефон завибрировал, разрезая тишину. Чэн И. Студентка взяла трубку, и его голос ворвался в комнату, наполненный такой искренней радостью, что она невольно улыбнулась.

— Джи! Я пересдал! На высокий балл! Спасибо тебе огромное!

— Поздравляю, Ии, — сказала она, и в голосе её послышалась та искренняя теплота, которую невозможно подделать. — Я правда рада за тебя!

— Я хочу тебя отблагодарить. Может, завтра посидим в баре втроём? Ты, я и Мин И? —предложил он с теплом .

Она замерла. Сердце пропустило удар. Мин И. Она ещё не сказала ей. Она должна была сказать ей сегодня.

— Давай, — сказала Джи, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Я перезвоню.

Она положила трубку и почувствовала себе его взгляд.

— Что-то случилось? — спросил он, и голос его был ровным, но она знала — он заметил её напряжение.

— Нет, — сказала она слишком быстро. — Всё нормально. Я просто... найду новую работу. Всё будет хорошо.

Он смотрел на неё несколько секунд, потом перевёл взгляд на свой телефон.

— Не нужно искать, — сказал Хан, и в голосе мелькнула сухая усмешка. — Зайди в приложение.

Джи удивлённо взяла телефон, открыла приложение — и замерла. Её аккаунт был восстановлен. Она снова могла работать.

— Как? — девушка подняла на него глаза. — Как это возможно?

Он пожал плечами, не глядя на неё.

— Видимо, ты хороший сотрудник, — сказал Хан, и в его голосе она узнала ту самую нотку, которую ждала, сама не зная того.

Джи смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается подозрение. Хан что-то сделал. Она не знала, что именно, но знала — это он.

Девушка наклонилась и коротко поцеловала его в щёку — быстро, почти невесомо, а потом отстранилась и посмотрела на него с хитринкой.

— Спасибо, — сказала она, и в голосе её звучала улыбка.

Лис смотрел на неё, и она сразу узнала этот изгиб губ — тот самый, который появлялся, когда он хотел казаться равнодушным, но не мог.

Они сидели на диване, и на экране телевизора шла дорама — та самая, которую они не досмотрели в прошлый раз. Он молчал, она молчала, но между ними не было неловкости. Только тихое, тёплое присутствие.

Она медленно, почти неосознанно, положила руку поверх его. Пальцы скользнули по его ладони, и она почувствовала, как он замер на мгновение. Её сердце пропустило удар. Она уже хотела убрать руку, извиниться, сказать что-то глупое, чтобы снять напряжение...

Но он не отстранился.

Она почувствовала, как его пальцы дрогнули — коротко, почти незаметно, будто он не знал, что делать. А потом, медленно, словно проверяя, можно ли, они слегка сжались на её руке.

Она замерла, чувствуя, как внутри всё замирает в ожидании. На экране что-то происходило, кто-то говорил, музыка играла, но она не слышала ничего. Только его пальцы на своей ладони.

Она повернулась к нему, но он смотрел в экран, делая вид, что полностью поглощён сюжетом. И только лёгкая улыбка, которую Хан пытался спрятать в уголке губ, выдавала его.

— Ты смотришь? — спросила она, и голос её прозвучал тише, чем она хотела.

— Смотрю, — ответил он, даже не поворачивая головы.

— Ага, — сказала она, и в голосе мелькнула улыбка. — Видно.

Он ничего не ответил. Но его пальцы сжались на её руке чуть сильнее.

Она улыбнулась и отвернулась к экрану. Дорама закончилась. Титрыплыли в тишине. А он всё ещё держал её за руку. И она не хотела, чтобы это заканчивалось.

Город постепенно угасал за окном, когда Джи набрала номер Мин И. Она сидела на краю кровати, сжимая телефон, и чувствовала, как внутри нарастает глухая, липкая тяжесть. Она должна была сделать это сейчас. Иначе будет поздно.

— Да? — голос Мин И прозвучал холодно, с едкой ноткой, от которой у Джи сжалось сердце. — Ты хочешь мне что-то сказать? Не про помощь Чэн И случайно?

Джи замерла. Слова застряли в горле, и она поняла — подруга знает.

— Мин И, я хотела тебе сказать, — начала девушка, и голос её дрогнул. — Это была просто помощь. Чэн И попросил, я не могла отказать...

— Он написал мне, — перебила Мин И, и голос её стал острее, больнее. — Похвастался, что сдал английский благодаря тебе. Что ты сидела с ним в кафе, объясняла правила, помогала ему. Я рада за него. И за тебя. За ваши тайные встречи.

— Это было всего два раза, — сказала Джи, чувствуя, как каждое слово вонзается в неё. — Я собиралась тебе сказать. Я.. не думала, что это будет так серьёзно.

Мин И усмехнулась — коротко, безрадостно, и в этой усмешке было столько боли, что у Джи перехватило дыхание.

— Не думала? — переспросила она, и голос её стал почти шёпотом. — Ты всегда так делаешь, Джи. Ты думаешь, что если не скажешь, то ничего не случится. А потом всё рушится. И я узнаю последней.

— Это не так, — сказала Джи, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Ты моя подруга. Ты всегда была моей подругой. Я не хотела тебя обидеть.

— Но ты обидела, — ответила Мин И. И в голосе её больше не было злости. Только усталость. Такая глубокая, что Джи на мгновение забыла, как дышать. — Ты всегда меня обижаешь, Джи. Не специально. Но обижаешь.

— Мин И...

— Значит, не подумала, — перебила она, и голос её стал холодным, почти ледяным. — Понятно.

И она сбросила трубку.

Джи смотрела на погасший экран, и мир вокруг перестал существовать. Она хотела перезвонить, но пальцы не слушались. Слова умерли где-то в горле, а внутри разрасталась пустота — глухая, липкая, медленно поглощающая всё, что оставалось от надежды.

Часы тянулись медленно, и тишина в комнате становилась всё тяжелее. Когда телефон наконец завибрировал, Джи посмотрела на экран и на мгновение задержала дыхание. Чэн И.

Она взяла трубку, и его голос ворвался в тишину — взволнованный, сбивчивый, полный вины, которую он не мог скрыть.

— Джи, прости, — сказал он, и в голосе его было столько искреннего сожаления, что ей стало ещё хуже. — Я не знал, что ты не сказала. Просто обрадовался, что пересдал, и написал ей... Я хотел поделиться, хотел, чтобы она тоже знала. Я не думал, что так выйдет.

Она сжала телефон крепче, чувствуя, как внутри поднимается усталость.

— Всё нормально, — сказала Джи, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты не виноват. Я должна была сказать ей раньше.

— Но я должен был спросить тебя, — продолжал он, и голос его стал тише. — Должен был понять, знает ли она. Я просто... я был так рад, что не подумал. Прости, Джи. Правда.

Она слышала, как он тяжело дышит в трубку, как его голос срывается на каждой фразе. Он извинялся снова и снова, но она почти не слышала его. Девушка смотрела в стену, чувствуя, как внутри разрастается глухая, липкая усталость.

— Мы помиримся, — сказала она тихо, и в голосе её не было уверенности. — Просто нужно время.

Он замолчал. А потом тихо сказал:

— Ты держись.

Она не ответила. Просто положила трубку и снова уставилась в одну точку, чувствуя, как внутри неё становится пусто.

Глава 20 «Ты не одна»

Два дня. Каникулы только начались, и университет опустел, оставив её наедине с тишиной и мыслями, которые не хотели замолкать.

Солнце вставало и садилось за окном, а она всё сидела на диване, поджав ноги, и смотрела в одну точку. Телефон не издавал ни звука. Тишина в комнате становилась гуще с каждым часом, обволакивая её, как холодный туман, от которого невозможно укрыться.

Хан прошёл мимо. Заметил её — сжавшуюся, неподвижную, с пустым взглядом. Он остановился, и на мгновение между ними повисла тишина.

— Ты можешь просто посидеть со мной? — спросила она тихо, не поднимая глаз.

Он ничего не сказал. Молча подошёл, сел рядом — не вплотную, но достаточно близко, чтобы она чувствовала его присутствие. Тёплое, спокойное, настоящее.

Сначала слова рождались медленно — тягучие, тяжёлые, будто она выталкивала их из себя. Потом они полились потоком, сбиваясь, обгоняя друг друга, выплёскивая наружу всё, что копилось внутри. Она говорила о Мин И — о её голосе, в котором больше не было тепла. О Чэн И — о том, как он извинялся, а она не могла слушать. О том, как всё рухнуло в один миг, оставив после себя только вопросы без ответов. О том, что она не знала, как это исправить. О том, что внутри неё поселилась вина — липкая, холодная, как осенняя грязь. Слова текли и текли, и Джи не могла их остановить.

Он сидел рядом, неподвижный, как скала. Не перебивал. Не пытался залечить её раны словами, которые не имели веса. Просто слушал. Его молчание было таким плотным, таким настоящим, что она чувствовала его почти физически — как стену, которая держит, даже когда всё остальное рушится.

А когда она замолчала, обессиленная, он посмотрел на стену перед собой и сказал коротко, сухо:

— Дай ей время. И перестань помогать так часто. Она должна увидеть, что ты не бесконечный ресурс.

Девушка повернулась к нему, удивлённая его словами. Но он уже смотрел в стену, делая вид, что рассматривает что-то важное.

Спустя ещё пару дней телефон ожил. Короткое уведомление — и сердце Джи пропустило удар. Мин И. Сообщение было сухим, холодным, будто писала не подруга, а незнакомка: «Можешь скинуть немного?»

Джи смотрела на экран, и её пальцы на мгновение замерли над клавиатурой. Тяжесть разлилась в груди — медленная, тягучая, как песок, который уходит из-под ног. Она перевела немного — совсем мало, сколько могла позволить себе в этом месяце. И добавила строку, почти извиняясь: родители урезали бюджет, возможностей стало меньше. И что ей жаль, что так вышло с Чэн И.

Ответ пришёл почти сразу: «Я поняла. Не обижаюсь.»

Коротко. Сухо. Без тепла.

Джи смотрела на эти слова и чувствовала, как между ними вырастает стеклянная стена — прозрачная, но непроницаемая. Девушка не знала, как её разбить. Но она не могла просто сдаться, поэтому пригласила Мин И в кафе.

Заведение встретило их привычным полумраком, но в нём больше не было уюта. Мин И сидела напротив, и её молчание было плотнее стен. Она смотрела в окно, а не на Джи. Её пальцы застыли на столе, и даже пар над чашкой с кофе исчезал быстрее обычного — будто воздух между ними был слишком холодным, чтобы удерживать тепло.

Джи говорила осторожно, как по тонкому льду. Она снова касалась темы денег, бюджета, своих трудностей. Девушка старалась не наступить на больное место, не разбить то, что ещё можно было сохранить. Но слова не достигали цели — они умирали на полпути, не долетая до Мин И, как камешки, брошенные в пустоту.

— Ты всегда находишь оправдания, Джи, — сказала Мин И, и голос её был ровным, почти безразличным. — Всегда.

Девушка смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается что-то, что она сдерживала слишком долго. Усталость, боль, чувство вины — всё смешалось в один тугой ком.

— Мин И, — сказала она, и голос её стал твёрже, — Мне действительно тяжело. И мне жаль, что так вышло. Но я не могу больше нести всё это одна. Я не могу продолжать помогать тебе так, как раньше. Ты должна понять — тебе нужно устроиться на работу. Самой.

Мин И подняла на неё глаза. В них мелькнуло что-то — удивление, смешанное с болью, но она не проронила ни слова. Только смотрела. И в этом взгляде было столько всего — невысказанных обид, усталости, боли, — что Джи почувствовала, как внутри что-то обрывается, и она не знала, как собрать это обратно.

Голос брюнетки прозвучал ровно, почти безразлично — и в этой ровности было больше холода, чем в любом крике:

— Ты всегда считаешь, что должна всё контролировать. Даже когда это не твоя жизнь.

Слова ударили сильнее, чем она ожидала. Джи смотрела на неё, и внутри неё что-то оборвалось. Усталость, боль, чувство вины — всё, что она копила в себе, вдруг выплеснулось наружу.

— Значит, ты тоже всегда так делаешь, — сказала она, и голос её дрогнул, но не сломался. — Всегда винишь меня, когда тебе тяжело. Всегда ждёшь, что я всё исправлю, всё решу, всё вывезу. А я не могу. Я тоже устала.

Мин И смотрела на неё. В её глазах мелькнуло что-то — не гнев, скорее растерянность, смешанная с обидой. Она открыла рот, чтобы ответить, но Джи уже поднялась, и слова так и остались невысказанными, повиснув в холодном воздухе между ними.

Они разошлись — не попрощавшись, не обнявшись, не оставив друг другу даже надежды на примирение. Стекло за окном было исчерчено прозрачными слезами дождя, и в этой тишине, оглушительной и пустой, осталось всё — невысказанные обиды, давно накопившаяся усталость и стена, которую никто из них не знал, как разрушить. Она была внутри них обеих.

Джи вернулась домой, когда вечер уже давно перешёл в ночь. Она сняла туфли, и её шаги были глухими, тяжёлыми, будто каждая ступенька забирала последние силы. В прихожей было темно, только свет из гостиной падал узкой полосой на пол.

Она вошла и увидела его. Он сидел на диване и просто ждал. Его руки лежали на коленях, но девушка заметила, как они чуть заметно сжались, когда она появилась в дверях.

Джи подошла, не говоря ни слова, и села к нему на колени, уткнувшись лицом в его плечо. Она чувствовала, как его рука медленно, почти невесомо легла на её спину.

— Я сказала ей всё, — прошептала девушка, и голос её сорвался. — Она не хочет понимать. И Чэн И тоже не пишет.

Хан молчал. Его рука продолжала гладить её по голове — медленно, спокойно, будто он знал, что слова не нужны, что это единственное, что может помочь. Она чувствовала, как её дыхание постепенно выравнивается, как напряжение, которое держало её всю неделю, начинает отпускать.

— Они не придут, — сказала она глухо, не поднимая головы. — Никто не придёт.

Он не ответил. Просто притянул её ближе, и она почувствовала, как его пальцы запутываются в её волосах, как он держит её так, будто она была единственным, что имело значение. И в этом молчании было столько силы, что Джи на мгновение забыла, что она одна.

А потом он сказал тихо, но уверенно:

— Если ценят — вернутся, — Особенно Мин И. Когда перестанешь быть ресурсом... увидит.

Она подняла голову, и их взгляды встретились — мир за окном исчез, растворился в тишине. Остался только он. Его голос, его руки, которые не отпускали её, и она, которая наконец-то могла просто дышать.

Джи смотрела на него, и внутри неё поднималось что-то тёплое, почти забытое — благодарность, смешанная с чем-то большим, что она не решалась назвать. Девушка притянула его к себе и поцеловала — сначала тихо, почти робко, будто пробуя на вкус его терпение. А потом глубже, с той смесью усталости и отчаяния, которую он уже так хорошо знал.

Он не ответил сразу. Но его руки скользнули по её спине, притягивая её ближе, отвечая на её поцелуй без единого слова. Лис поднялся, держа её на руках, и шагнул в спальню — не говоря ни слова, не пытаясь объяснить, что чувствует. Его дыхание стало глубже, в каждом

движении была сдерживаемая сила, и она ощущала, как его пальцы касаются её спины, будто он не мог позволить себе отпустить её ни на секунду. Просто нёс, как самое ценное, что у него было..

На следующее утро Джи снова набрала номер Мин И. Гудки тянулись долго, пусто и бесконечно, пока не оборвались на полуслове — автоответчик. Она попробовала ещё раз. Потом ещё. Тишина. Только холодный голос в трубке, повторяющий одно и то же.

Тогда она набрала Чэн И. Он не ответил. И только спустя час пришло сообщение — короткое, сбивчивое, пропитанное неловкостью, которую невозможно было не заметить. Парень писал, что занят, что они увидятся в другой раз. Джи читала между строк — и видела там вину, растерянность, желание исчезнуть, чтобы не смотреть в глаза тому, что он разрушил. Она не стала отвечать. Просто положила телефон на стол и выдохнула — долго, шумно, будто пыталась выпустить из себя всю тяжесть, которая скопилась внутри.

Она сидела за кухонным столом напротив Хана. На столе стояла скромная еда — рис, суп, немного овощей. Джи не поднимала глаз, уставившись в одну точку, и чувствовала, как воздух в комнате становится плотнее, а каждое движение даётся с трудом

— У нас осталось всего девятьсот тысяч вон, — сказала она тихо, и голос её звучал глухо, будто слова давались с трудом. — Надо экономить. Хотя бы до конца месяца.

Он кивнул. Коротко, без лишних слов. Но она заметила, как его пальцы на мгновение замерли на палочках — а затем он снова взялся за еду, будто ничего не произошло.

Они доели в молчании. Джи собрала посуду, убрала её и беспечно опустилась на диван, застыв взглядом на одной точке. Тишина в комнате сгущалась, становясь плотной и почти живой — она ложилась на плечи, сковывала дыхание, делала каждое движение медленным и тяжёлым.

Хан встал, бесшумно скользнул в ванную, и она услышала, как открывается шкафчик. Через минуту он вернулся с двумя масками для лица в руках — и с таким серьёзным видом уставился на инструкцию, будто перед ним был древний свиток, требующий расшифровки.

— Закрой глаза, — сказал он, и голос его был ровным, почти деловым.

Она удивлённо подняла бровь, но послушно выполнила просьбу. Его пальцы коснулись её лица — аккуратно, почти невесомо, разглаживая влажную ткань на её щеках, на лбу, под глазами. Она чувствовала его прикосновения, и внутри неё становилось теплее.

— Теперь ты, — сказала Джи, открывая глаза.

Он молча наложил маску на себя — криво, с неровными краями, но с такой сосредоточенностью, будто участвовал в древнем ритуале. Она взглянула на него — на рыжие волосы, на белую влажную ткань, скрывающую его лицо, — и её смех вырвался наружу, звонкий, искренний, почти истеричный, до слёз.

— Ты выглядишь как подозреваемый на допросе, — выдохнула она, вытирая влажные щёки.

— А ты выглядишь так, будто тебя окунули в молоко, — парировал он, и голос его был приглушённым из-под маски.

— Тебе идёт, — сказала она, улыбаясь. — Помнишь, ты говорил, что у тебя идеальная кожа?

Он фыркнул, но в этом фыркание слышалась усмешка.

— Она и сейчас идеальная. Просто скрыта. Чтобы не ослеплять тебя.

Он опустился рядом, и они сидели в тишине — их лица скрывали белые влажные маски, и каждый раз, когда их взгляды случайно встречались, они снова начинали смеяться. Смех был тихим, почти невесомым, рождаясь из ничего, но он заполнял комнату, вытесняя из неё всю прежнюю тяжесть. Осталось только странное, почти нелепое тепло — такое непривычное, что она не знала, что с ним делать.

Джи повернулась к нему, и голос её прозвучал тихо, почти робко:

— Ты думаешь, мы справимся?

Он не ответил. Просто слегка наклонил голову — и этого было достаточно. Она знала: этот короткий жест означал больше, чем любые слова.

А потом Хан спросил, и голос его был невозмутимым, будто он спрашивал о погоде:

— Включишь ту группу?

Она удивлённо посмотрела на него, не сразу поняв, о чём он.

— Какую?

— Которую ты слушаешь, — сказал он, и в голосе мелькнула усмешка — Ту, что похожа на пылесос.

— Что с тобой? — она засмеялась, но рука уже тянулась к телефону .

Через секунду комната наполнилась музыкой — знакомой, тягучей, от которой хотелось двигаться. Он ничего не сказал, просто начал слегка кивать в такт, сбивчиво, не попадая в ритм, и она почувствовала, как внутри становится легко , почти смешно.

Джи тихо напевала, и вместе с мелодией уходила та глухая тяжесть, что давила на неё последние дни. Воздух в груди становился свободнее, будто она наконец сбросила груз, который несла слишком долго.

— Спасибо, — сказала она, не глядя на него.

— За что? — спросил он почти безразлично .

— За то, что не даёшь мне утонуть, — ответила она тихо.

Он ничего не сказал. Просто его рука, лежавшая на диване, чуть заметно сдвинулась ближе к её. И она почувствовала это — короткое, почти невесомое прикосновение его пальцев к её руке, и этого хватило, чтобы в груди перестало болеть.

Глава 21 «Смех, который лечит»

Вечером он встал и сказал, что выйдет подышать воздухом. Она кивнула, но внутри шевельнулось удивление — он редко выходил один. Дверь закрылась, и квартира погрузилась в тишину.

Она включила дораму, но экран мелькал перед глазами, не задерживаясь в сознании. Мысли блуждали где-то далеко, возвращаясь к разговорам, которые не состоялись, к словам, которые так и не были сказаны. Тогда она, сама не зная зачем, взяла швабру и начала мыть полы. Вода была прохладной, руки двигались механически, а перед глазами всё ещё стояли лица — Мин И, Чэн И, их голоса, их молчание.

Она замерла на мгновение, вытерла руки о джинсы и взяла телефон. Написала Мин И — коротко, без надежды на тёплый ответ. И он не заставил себя ждать: холодный, сухой, как осенний ветер, — «Позже встретимся». Джи скользнула взглядом по экрану, закатила глаза и отложила телефон, не в силах придумать, что ещё можно сказать.

Он вернулся уже за полночь, когда город за окном давно погрузился в тишину. Джи услышала, как бесшумно повернулся ключ в замке, и обернулась. На столе лежали тридцать тысяч вон — аккуратными купюрами, будто он хотел сказать: «Я здесь. Я делаю. Я рядом».

Она уставилась на купюры, потом на него.

— Где ты был? — спросила Джи, и в голосе смешались удивление и смех. — Откуда это? Ты кого-то ограбил?

Он усмехнулся, снимая куртку, и в этой усмешке было столько ленивого спокойствия, что она невольно улыбнулась.

— Устроился в кафе, — сказал Хан, не глядя на неё. — Ходил устраиваться. Уже работаю. Денег... будет больше.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри разливается что-то светлое и почти невесомое — будто он принёс с собой не деньги, а успокоение. Девушка шагнула к нему и обняла, уткнувшись лицом в его грудь. Он не ответил сразу — его руки на мгновение застыли, а затем медленно опустились на её спину, притягивая к себе, будто он тоже ждал этого момента.

Утро ворвалось в комнату мягким золотым светом, но тишина в ней была особенной — той, которая бывает, когда ты просыпаешься одна. Джи открыла глаза и сразу заметила записку на тумбочке — сложенный листок бумаги, на котором аккуратным почерком было выведено: «Завтрак на столе».

Она взяла её в руки, провела пальцем по сгибам, и внутри что-то дрогнуло — не громко, не навязчиво, а тихо, будто кто-то зажжёт свечу в груди. Девушка улыбнулась и поднялась с

кровати. На кухне её ждал завтрак: тосты, чуть хрустящие, и чашка кофе, уже остывшего, но всё ещё хранящего тепло.

Она огляделась. На диване не было ни игрушки, ни его самого. Джи вспомнила: он ушёл на работу. Девушка стояла посреди комнаты, сжимая в руках его записку, и чувствовала, как этот маленький кусочек бумаги становится самым ценным, что у неё есть в это утро.

Она позавтракала, и уютное тепло от его записки всё ещё держалось где-то внутри. Затем, следуя привычному утреннему ритуалу, сделала процедуры красоты, погладила вещи, которые висели на сушилке, и всё это время мысли её были заняты одним — им.

Сон Джи хотела сделать что-то особенное. То, что могло бы стать для него маленьким сюрпризом, её способом сказать «спасибо» без слов. Она взяла телефон и открыла поисковик, вводя один рецепт за другим.

— Чёрт, — выдохнула девушка, опуская телефон. — Он даже не говорил, что любит есть. Вот бы у него был телефон... чтобы спросить его, если он не дома.

Она смотрела на экран, на бесконечные списки ингредиентов, и чувствовала, как внутри разрастается лёгкое разочарование. Джи хотела удивить его, но не знала, с чего начать.

В конце концов она решила приготовить хотток — простое, казалось бы, блюдо, которое должно было получиться у любого. Но тесто не слушалось, липло к рукам, начинка вытекала, и в итоге на сковороде образовались чёрные, обугленные круги, больше похожие на угли, чем на угощение. Джи смотрела на результат своих стараний, и внутри оседала горечь от неудачи — такая густая, что она комом стояла в горле, мешая дышать.

В этот момент за спиной щёлкнул замок. Дверь открылась, и он вошёл, стряхивая с плеча невидимую пыль. Она подняла на него глаза, чувствуя, как краска заливает щёки.

— Я хотела тебя порадовать, — сказала Джи, и голос её звучал виновато, почти жалко.

Он взглянул на сковороду, потом на неё — на её расстроенное лицо и руки, испачканные в тесте. И вместо того чтобы сказать что-то колкое, Хан просто усмехнулся. Тихо, тепло, будто она сказала что-то нелепое и милое одновременно.

— Дай сюда, — сказал он, и в его голосе не было ни осуждения, ни жалости — только спокойная уверенность, которая заставила её беззвучно выдохнуть.

Лис шагнул к плите, и его пальцы легко, почти небрежно, взяли нож из её рук. Она смотрела, как он двигается — быстро, ловко, без лишних движений, будто готовка была для него такой же естественной, как дыхание. Лук ложился ровными полукольцами, мясо — аккуратными кубиками, и она чувствовала себя рядом с ним неуклюжей, почти смешной.

Она стояла, наблюдая за его руками, и внутри закипала странная смесь стыда и нежности.

— Научи меня, — тихо попросила Сон Джи, и в голосе её звучала такая искренняя просьба, что он на мгновение остановился. — Готовить. Как ты.

Хан вздохнул — глубоко, шумно, будто она попросила научить её летать. Но затем, не говоря ни слова, он подошёл сзади и обхватил её руками. Его дыхание коснулось её шеи, и по спине пробежали мурашки. Она чувствовала его тепло, его силу, его присутствие — такое близкое, что у неё закружилась голова.

— Нарезай лук, — сказал он, направляя её руки. Его голос звучал ровно, почти деловито, но она чувствовала улыбку в интонации. — Держи нож вот так. Не отруби себе пальцы — а то мне придётся стирать окровавленную футболку.

Она фыркнула, стараясь не выдать дрожи в голосе:

— Ты такой заботливый.

— Я лучший во всём, — усмехнулся он, касаясь губами её уха. — Особенно в том, чтобы учить нерадивых студентов.

Она покраснела, но продолжила резать. Его руки лежали поверх её, направляя каждое движение. Она чувствовала его дыхание на своей шее, и это сбивало её мысли в одну спутанную, горячую массу.

— А теперь мясо, — прошептал он. — Ровно, чтобы кусочки были одинаковыми. И не смотри на меня так, а то я подумаю, что ты хочешь меня съесть.

— Заткнись, — сказала она, но голос её звучал хрипло, и улыбка сама собой расплывалась на губах.

Они работали в тишине, но эта тишина была живой — она дышала вместе с ними, наполненная его близостью: дыханием, которое щекотало её кожу, и его руками, которые лежали поверх её, направляя каждое движение. Когда суп был готов, она сделала глоток, и внутри, вместо привычной тяжести, распустилось что-то лёгкое, почти забытое — чувство, что она справилась. Не одна.

— Получилось, — сказала она удивлённо.

— Ты неплоха, — ответил он, обнимая её сзади. — Для смертной.

Она засмеялась и, не оборачиваясь, спросила игриво:

— А что ты вообще любишь есть больше всего?

— Жареную курицу, — ответил он. — Ту, что я сам готовлю.

Она рассмеялась, и в этом смехе было что-то, что не требовало объяснений. Что-то, что оседало между ними тихим, тёплым обещанием.

Каждый вечер, возвращаясь с работы, она влетала в квартиру так, будто её ждало что-то важнее любого заказа. Туфли слетали у порога, сумка падала на пол, а она, ещё не успев перевести дыхание, уже начинала говорить — быстро, сбивчиво, словно боялась забыть каждую мелочь, случившуюся за день.

— Сегодня один клиент оставил чаевые, — говорила она, проходя на кухню и заглядывая в кастрюлю. — Представляешь? Пять тысяч. Просто так.

Он стоял у плиты, не оборачиваясь.

— Наверное, ты ему понравилась, — сказал Хан с усмешкой

— Или он просто был в хорошем настроении, — парировала она, закатывая глаза.

Уже через минуту Джи забыла о чаевых и переключилась на историю про велосипедиста — он вылетел на перекрёсток, словно из ниоткуда, и она успела затормозить лишь в тот самый момент, когда уже ощутила ветер от его скорости. Сердце потом колотилось ещё полчаса, и она не могла понять — от страха или от того, что мир стал слишком быстрым для неё.

— Я думала, он меня убьёт, — выдохнула она, падая на диван.

— Ты жива, — сказал Хан, не оборачиваясь. — Значит, повезло.

— Ты мог бы сказать «я рад, что ты жива», — фыркнула она.

— Зачем? — он наконец повернулся, и в его глазах мелькнул короткий, почти неуловимый огонёк. — Ты и сама знаешь.

А потом она замолкла на мгновение, глядя в окно, и в голосе появилась другая нота — тихая, почти мечтательная.

— А сегодня закат был розовым, — сказала она. — Таким розовым, что я хотела остановиться и сфотографировать. Но не успела.

Он смотрел на неё, и в уголках его губ появлялась та знакомая полуулыбка — не широкая, не открытая, а едва заметная, которая пряталась где-то между усмешкой и нежностью.

В один из дней, пока он был на утренней смене, Джи отправилась в магазин электроники. Она долго бродила между стеллажами, сравнивала, сомневалась, читала отзывы на телефоне, пока не остановилась на Samsung Galaxy A55 — недорого, но с хорошей камерой, простым интерфейсом и надёжным корпусом. Она отдала за него деньги, которые откладывала с каждой доставки, и, вернувшись домой, спрятала коробку в шкаф, чтобы он не увидел её раньше времени.

Хан пришёл вечером, когда за окном уже сгущались сумерки, а в квартире пахло домашним теплом и супом — тем самым, которому он научил её готовить. Она стояла у плиты, делая вид, что занята, хотя пальцы чуть дрожали, а внутри всё трепетало от ожидания.

— Садись, — сказала Джи, ставя перед ним тарелку, от которой поднимался лёгкий пар. — Поешь.

Он сел, взял ложку, поднёс к губам и сделал глоток. Она смотрела на него, затаив дыхание, будто от его ответа зависело что-то важное.

— Ну как? — спросила Джи, стараясь, чтобы голос звучал легко и беззаботно, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Он сделал ещё один глоток, чуть замедлив движение, будто пробовал суп на вкус дольше, чем требовалось. Ложка замерла в его пальцах на мгновение, и в этом коротком жесте было что-то почти неуловимое. А затем Хан поднял на неё взгляд — и на его лице мелькнуло то выражение, которое она уже привыкла читать: смесь насмешки и чего-то более тёплого, что он никогда не называл.

— Неплохо, — сказал он. — Для второго раза.

Она фыркнула, но улыбнулась.

— Ешь давай, — сказала Джи. — А когда закончишь, я тебе кое-что покажу.

Он приподнял бровь, но не проронил ни слова. Ел молча, хотя взгляд его то и дело касался её лица — коротко, почти неуловимо, с тем тихим любопытством, которое она уже научилась замечать, но всё ещё не могла расшифровать.

Когда тарелка опустела, она медленно, словно собираясь с духом, достала упаковку из-за спины и протянула ему.

Он перевёл взгляд с коробки на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность.

— Что это?

— Телефон, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Ты теперь часто работаешь. Я хочу, чтобы мы могли быть на связи.

Он не ответил сразу. Пальцы его сомкнулись на коробке чуть крепче, чем нужно, и она видела, как он борется с тем, что не знает, как быть в этом моменте. Лис смотрел то на подарок, то на неё, и в его взгляде промелькнуло что-то, чего она раньше не замечала — не удивление, не неловкость, а что-то более сложное, почти неуловимое. Что-то, что он не мог выразить словами, но что проступало в напряжённых пальцах, в сжатых челюстях, в том, как он на мгновение задержал дыхание, будто хотел сказать что-то, но передумал.

— Спасибо, — коротко сказал Хан. Это было почти сухо, но она заметила, как его руки на мгновение замерли на коробке, будто лис не знал, что с ней делать.

Она улыбнулась и села рядом.

— Давай, я покажу, как им пользоваться.

Они сидели рядом, и она объясняла, показывала, как включать, как открывать приложения, как отправлять сообщения. Лис слушал, иногда переспрашивал с тем лёгким хмурым видом, который появлялся у него, когда он пытался разобраться в чём-то новом. Она видела, как он постепенно привыкает к телефону — как его движения становятся увереннее, как он перестаёт бояться нажимать не на те кнопки.

А потом он начал фотографировать её.

Сначала — когда она не смотрела. Джи сидела на диване, поджав под себя ноги, углубившись в свой телефон, и не замечала, как его взгляд скользит по ней, изучая каждую линию её силуэта. Тихий щелчок — и она вздрогнула, отрываясь от экрана.

Джи обернулась и увидела его. Он держал телефон, направленный на неё, и на его лице играла усмешка — лёгкая, почти ленивая, будто он делал это сотни раз до этого момента.

— Ты что делаешь? — спросила она, приподнимая бровь.

— Ничего, — ответил он, не убирая телефон.

— Я слышала щелчок.

— Тебе показалось.

Девушка хотела возразить, но он уже нажал на кнопку снова, и она услышала, как телефон снова щёлкнул, ловя её слегка растерянное лицо.

— Хватит! — крикнула она, схватив подушку и запустив в него.

Он поймал её одной рукой, не переставая улыбаться, и, не раздумывая, швырнул обратно с такой лёгкостью, будто она была пушинкой. Джи взвизгнула, пригнулась, едва увернувшись, и, когда подушка пролетела мимо, он уже снова направил на неё телефон.

Щелчок.

На экране застыл кадр: она смеётся, прикрываясь рукой, глаза блестят, волосы растрёпаны. Не идеально, не постановочно — по-настоящему.

— Ты невыносим! — выдохнула она, всё ещё смеясь.

Хан опустил телефон и пожал плечами, но её взгляд успел поймать то, как его лицо на мгновение стало мягче, прежде чем он снова надел маску безразличия.

— Зато ты смеёшься.

Она сдалась, но в её глазах танцевали смешинки. А он уже переключился на селфи, делая вид, что снимает комнату, но на самом деле ловя её отражение в зеркале.

Она подошла к нему, взяла телефон из рук и притянула его к себе, нажимая на кнопку.

— Теперь мы вместе, — сказала Джи.

Он усмехнулся.

— Я выгляжу как призрак.

— Ты выглядишь как фотогеничный призрак, — парировала она, и он фыркнул.

А затем, не говоря ни слова, Хан резко потянулся к ней и начал щекотать. Джи взвизгнула, забилась, пытаясь вырваться, но он не отпускал — его пальцы ловко находили самые чувствительные места, пока девушка не начала смеяться так, что слёзы выступили на глазах.

— Хватит! — кричала она сквозь смех. — Хан, хватит!

— Перестанешь бросаться подушками? — спросил он, не прекращая.

— Нет! — выдохнула она, и Хан, усмехнувшись, всё же остановился — потому что она смеялась так, что больше не могла дышать.

Глава 22 «Твоя взяла»

Позже, когда они уже сидели на диване, приглушённый свет лампы создавал в комнате уютный полумрак. Джи рассеянно заглянула в телефон и замерла.

Сообщение от Мин И. Короткое, холодное, равнодушное — она приглашала встретиться, но в каждом слове чувствовалась пустота. Ни тени тепла, ни капли желания. Просто слова, написанные потому, что надо.

Джи уставилась в экран, и улыбка, всё ещё теплившаяся на её губах после недавней возни, медленно угасала — как свет, который выключают, не дождавшись, пока он догорит сам. На её место приходила знакомая тяжесть, оседая где-то в груди холодным, липким комом.

Она перевела дыхание, отложила телефон и медленно повернулась к нему.

— Мин И написала, — сказала Джи тихо, и в голосе её проступила усталость, которую она не пыталась скрыть. — Зовёт встретиться. Но так, будто ей всё равно. Будто она ставит галочку в списке дел, а не протягивает руку.

Он перевёл взгляд с телефона на неё, задержался на мгновение, изучая её лицо, и она почувствовала, как его внимание окутывает её, не нарушая границ. Хан не пытался утешить словами, — просто слушал.

— Ты не обязана отвечать сейчас, — сказал он, и голос его был ровным, как гладкая поверхность воды. — Дай себе время. Не думай об этом сегодня.

Джи хотела сказать что-то ещё, но передумала. Вместо этого она слабо улыбнулась — и в этой улыбке было больше усталости, чем радости.

— Давай лучше посмотрим дораму, — сказала она. — «Огненное влечение». Говорят, хорошая.

— Как скажешь, — ответил он.

Экран телевизора мягко светился в полумраке гостиной, и на нём разворачивалась очередная сцена «Огненного влечения». Герой, опасный и одержимый, прижимал героиню к стене, его взгляд был тяжёлым, почти хищным, а музыка нарастала, предвещая поцелуй, кото-

рый вот-вот должен был случиться. Джи чувствовала, как напряжение разливается в воздухе — не только на экране, но и рядом с ней.

— Похоже, он её не отпустит, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал легко.

— Угу, — отозвался Хан, и она почувствовала, что он смотрит не на экран.

Её сердце пропустило удар. Она повернулась к нему, приподняв бровь.

— Ты вообще видишь, что там происходит? — она кивнула в сторону телевизора..

Она почувствовала, как его взгляд скользнул по её лицу — от глаз к губам, и задержался на мгновение дольше, чем нужно.

— Я смотрю на то, что интереснее, — сказал он, и голос его был ровным почти безразличным, но в нём звучала та самая искра.

Она фыркнула и толкнула его в плечо.

— У тебя нет чувства меры.

— Есть, — ответил он, отворачиваясь к экрану. — Просто я его не использую.

Она закатила глаза, но улыбнулась, и снова повернулась к экрану.

Тогда Хан подвинулся ближе — так, что Джи почувствовала его дыхание на своей коже. Сердце пропустило удар, когда он наклонился к ней, и его губы почти коснулись её губ.

— Мы же дораму смотрим, — сказала она, сдерживая улыбку. — Давай сначала её закончим.

Хан замер на мгновение, и его взгляд коснулся её губ, будто она была книгой, которую он хотел запомнить наизусть. Затем лис встретил её взгляд, и в его глазах мелькнул тот свет, который уже не требовал перевода.

— Ладно, — ответил он, усмехнувшись. — Твоя взяла.

Джи улыбнулась и снова повернулась к экрану, чувствуя, как между ними пульсирует что-то новое, что не требовало немедленного завершения. На экране герои наконец поцеловались, но она почти не смотрела — девушка чувствовала его дыхание, его руку, его присутствие.

— Смотри, — сказала она, кивая на экран. — Он её целует.

— Вижу, — ответил он, и голос его был ровным, но она чувствовала, что он всё ещё смотрит на неё.

— Как думаешь, это любовь? — спросила Джи, не глядя на него.

Он задумался на мгновение, но ответил с той же лёгкой усмешкой, которую она так любила:

— Не знаю. Но он точно не хочет её отпускать.

Она усмехнулась и покачала головой, чувствуя, как его присутствие рядом становится тем единственным, что не требует объяснений.

В тот вечер она вернулась домой, едва волоча ноги. Каждый шаг отдавался в теле глухой, ноющей болью, а в голове пульсировала усталость, которая, казалось, въелась в самую суть её существа. Заказов было столько, что она потеряла счёт, и теперь единственное, чего она хотела, — это забыться, раствориться в чём-то тёплом и безопасном.

Дверь поддалась, и первое, что она увидела, — его силуэт у окна. Свет с улицы очерчивал его плечи, делая его почти нереальным, будто он был частью ночного города, а не её квартиры. Она не стала думать. Не стала ждать. Шаг, другой — и она уже была в его руках, обхватив ногами, прижимаясь так, будто он был единственным, что могло удержать её от падения.

— Я устала, — выдохнула она, уткнувшись лицом в его шею. — Хочу расслабиться.

Он промолчал. Его руки на мгновение зависли в воздухе — короткая, почти неуловимая заминка, которая была его способом ответить без слов. Затем они осторожно легли на её спину, придерживая её, будто она была тем, что он боялся потерять. Хан не спросил, что случилось. Не стал говорить, что ей нужно отдохнуть. Он просто держал её, чувствуя, как её дыхание касается его кожи.

Его губы коснулись её шеи — сначала легко, почти невесомо, словно он проверял, не отстранится ли она. Но Джи ответила, прижимаясь к нему, пальцы запутались в его волосах, и он почувствовал, как её дыхание становится глубже, как её тело перестаёт сопротивляться, доверяясь его рукам.

Он на мгновение отстранился, и в глубине его взгляда промелькнуло что-то, что она уже не путала ни с чем — не вопрос, не ожидание, а спокойная, почти безмолвная уверенность. В нём было желание, но не тяжёлое, не настойчивое — лёгкое, как дыхание, смешанное с привычной усмешкой, которая всегда появлялась, когда он смотрел на неё так.

— Где хочешь? — спросил он тихо, и голос его звучал хрипло, почти шёпотом, будто он боялся спугнуть этот момент.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было всё — усталость, доверие и тихое желание, которое не требовало слов.

— В ванне, — сказала Джи, и в голосе её не было игривости, только тихая уверенность.

Хан усмехнулся — коротко, почти беззвучно, и, не говоря ни слова, подхватил её на руки. Она засмеялась, когда он понёс её через коридор, и её смех разнёсся по квартире, лёгкий и звонкий, будто рассыпанные монетки, которые не хочется собирать.

— Не упади! — крикнула Джи, обвивая его шею руками.

— Не упаду, — ответил он, и в его голосе мелькнула полуулыбка — лёгкая, чуть насмешливая, но с той тихой теплотой, которая пробивалась сквозь его привычную маску.

Хан нёс её так, как умел только он — молча, уверенно, без единого слова, которое могло бы разрушить этот момент.

Глава 23 Пока лёд не треснул

Утро вплыло в комнату мягким золотым светом, и в этот раз она могла позволить себе не спешить. Выходной от подработки — первый за долгие дни — дарил ей право на лень. Джи открыла глаза, когда солнце уже стояло высоко, и почувствовала, как тело медленно возвращается к жизни, разливаясь привычной тяжестью после глубокого сна. Она потянулась, сбрасывая остатки ночных мыслей, и в тишине комнаты услышала знакомый звук — шипение масла на сковороде. Он уже был на кухне.

Джи встала, накинула халат и вышла к нему. Волосы были спутанными после сна, и она на ходу поправляла их, собирая в небрежный пучок. Он стоял у плиты, помешивая кимчи, и пар поднимался над сковородой, смешиваясь с запахом домашнего тепла — тем самым, к которому она уже привыкла. Девушка села на краю кровати, всё ещё поправляя волосы, и слушала, как тихо шипит еда.

Хан выключил огонь, оставил кимчи остывать и подошёл к Джи. В его руках было полотенце, которое он положил на стол рядом с ней.

— Погуляем? — спросил он, отворачиваясь к плите. — Или в кафе. Как хочешь.

Девушка замерла, и внутри кольнуло — не резко, а глухо, как напоминание о том, что она снова выбирает лёгкий путь вместо правильного. Он уже звал её гулять. Не раз. И каждый раз она находила повод отступить — сначала усталость, потом экзамены, затем плохая погода. Джи знала: он видел эти уловки. Видел, как она прячется за ними. И ждал, что хотя бы однажды она скажет «да» без оглядки.

Джи опустила глаза, сделала короткий вдох и, стараясь не выдать дрожи в голосе, произнесла:

— У меня сейчас не очень с деньгами, — А если пойдём гулять... вдруг встретим кого-то? Я не готова к вопросам.

Молчание затянулось. Его пальцы сжали край полотенца, и она заметила, как побелели костяшки. Затем он отвёл взгляд — коротко, резко, будто закрывая дверь, которую только что приоткрыл. Кивнул. Поджал губы. Он не стал спорить. Не стал переубеждать. Но Джи знала: он услышал всё, что она не сказала. И это молчание было тяжелее всего.

Хан ушёл в комнату, и следующие несколько часов его присутствие стало давящим, почти физическим — как невидимый груз, который она не могла сбросить. Он двигался по квартире с деловитой сосредоточенностью: убирал, переставлял, вытирал пыль — но ни разу не взглянул в её сторону. Его молчание становилось плотнее с каждой минутой, превращаясь в стену, которую она не знала, как обойти.

Когда он прошёл мимо, она оторвалась от телефона и предложила:

— Может, включим музыку?

— Я убираюсь, — ответил он, не оборачиваясь. — Музыка потом.

Джи почувствовала холод в его голосе — не резкость, а отстранённость. Она попыталась сделать шаг навстречу:

— Хочешь, помогу тебе?

— Не надо, — сказал он, не взглянув на неё. — Я сам.

Она закатила глаза, но промолчала. Надела наушники, включила музыку и уставилась в пустоту, делая вид, что её мысли где-то далеко от этой комнаты. Но внутри росла тревога — глухая, липкая, разрастающаяся с каждой минутой его молчания. Его отстранение отдавалось в ней тупой болью, особенно сейчас, когда друзья уже отвернулись, и он оставался единственным, кто ещё не ушёл.

Вечер пришёл в квартиру с той же тишиной, с которой началось утро. Он не проронил ни слова — не резко, не холодно, а просто так, будто её присутствие перестало иметь значение. Будто она была частью интерьера, которую он переставлял с утра, не замечая. Джи чувствовала эту тишину каждой клеткой — она въедалась в кожу, оседала в груди, давила сильнее любых криков.

Она взяла телефон и набрала Чэн И.

Гудки тянулись бесконечно, словно время застыло в ожидании, а затем оборвались, оставляя после себя только пустой, безжизненный звук. Через минуту телефон дрогнул — короткое сообщение, безликое и чужое: «На тренировке. Позже». Она смотрела на экран, и внутри, вместо тепла, разрасталась глухая пустота — холодная, липкая, как осенняя грязь, от которой не отмыться. Сначала Мин И. Теперь Чэн И. Она осталась одна — в квартире, где единственным, кто был рядом, оставался Ли Хан. Но он молчал.

Она сидела на диване, поджав ноги, сжавшись так, будто пыталась занять меньше места в этой комнате, которая вдруг стала слишком большой. Он сидел рядом, уткнувшись в экран нового телефона, и его лицо было непроницаемым — но Джи знала: Хан не читает. Он просто делает вид, чтобы не смотреть на неё.

Джи подвинулась к нему медленно, будто каждое движение требовало от неё невероятных усилий. Её голова осторожно коснулась его плеча, и она почувствовала, как его дыхание на мгновение замерло. Лис не отстранился, не отодвинулся — но и не повернулся к ней, словно боялся, что этот жест разрушит что-то, что он выстраивал весь день.

— Не обижайся на меня, — сказала она тихо, и голос её звучал устало. — Пожалуйста.

Он ничего не ответил. Под её щекой его плечо оставалось твёрдым, как камень. Она помедлила, собираясь с мыслями, и снова заговорила.

— Мы можем как-нибудь прогуляться вечером, после моей подработки, — сказала Джи. — Когда стемнеет. Вряд ли кого-то встретим.

Он не ответил сразу. Его палец застыл над экраном телефона, и девушка почувствовала, как его плечо чуть заметно расслабилось — не полностью, но достаточно, чтобы она это заметила.

— Хорошо, — сказал он коротко, и голос его был ровным, но в нём уже не было того ледяного холода, который держался весь день.

Она не стала продолжать. Не стала настаивать. Просто оставила голову на его плече и прикрыла глаза, позволяя тишине делать то, что не могли сделать слова. Воздух между ними, ещё недавно плотный и холодный, начал медленно оттаивать — будто лёд, который держался весь день, наконец дал трещину. Это ещё не было примирением. Но это уже был первый шаг к тому, чтобы снова дышать в одном ритме.

Глава 24 Чай с мёдом и тишина

Следующий день пришёл с с тягучей, разламывающей тяжестью в голове и саднящим горлом. Каждый шаг давался ей с трудом, будто тело внезапно стало чужим и непослушным. Джи добралась до кухни, налила воду, и рука её дрожала, когда она подносила стакан к губам — словно даже этот простой жест требовал слишком много сил.

— Что с тобой? — спросил он, и в голосе его звучала лишь тихая настороженность — та, что появлялась, когда он замечал что-то неладное, но ещё не знал, как на это реагировать.

— Заболела, — прошептала она, чувствуя, как голос садится.

Он подошёл, взял её за руку — холодную, дрожащую — и повёл в спальню. Уложил в кровать, поправил одеяло, принес градусник. 38,4. Хан хмуро посмотрел на цифры, затем исчез в прихожей, натянул куртку и вышел из квартиры, не сказав ни слова.

Хлопок двери отозвался в груди глухой пустотой. Она лежала, уставившись в побелённый потолок, и считала секунды, которые тянулись, как резина, — медленно, вязко, бесконечно.

Но через пятнадцать минут дверь снова открылась. Он вошёл с пакетом, в котором угадывались аптечные коробки и жёлтый бок лимона. Не говоря ни слова, Хан поставил чайник, заварил ей чай с мёдом, разогрел суп, оставшийся с вечера, и бесшумно поставил всё на тумбочку рядом с кроватью.

— Пей, — сказал он, ставя чашку на тумбочку. — Ешь.

Джи взяла ложку и сделала глоток — суп обжёг горло, но в груди разлилось первое за день ощущение, что она ещё жива. Он сидел рядом, неподвижно, и следил за каждым её движением, пока она ела. Когда девушка откинулась на подушку, он протянул ей таблетку и стакан воды — без слов, без вопросов, просто потому что знал, что она возьмёт.

— Спасибо, — прошептала она, глядя на него. — Что ты рядом. Что не отстраняешься.

Он отвёл глаза — и она увидела, как его челюсти слегка сжались. Благодарность всегда была для него чем-то неловким, почти болезненным.

Он молча поднялся, забрал пустую тарелку, унёс на кухню, и через минуту вернулся — бесшумно опустился на стул рядом, будто и не уходил.

На второй день болезни Джи была так слаба, что даже руки не слушались — она не могла поднять их, чтобы помыть голову. Сидя в ванной на низкой скамейке, ссутулившись, она смотрела в одну точку, чувствуя, как силы утекают из неё с каждой минутой.

Он вошёл без стука — с полотенцем через плечо, и она подняла на него усталый, почти отсутствующий взгляд.

— Что ты делаешь? — спросила Джи хрипло.

— Помогу, — сказал он коротко, и это был не вопрос.

Он опустился на колени за её спиной, и она почувствовала, как его пальцы коснулись её волос. Хан действовал осторожно, почти невесомо — смочил их водой, нанёс шампунь, аккуратно массируя кожу головы. Его движения были уверенными, но она чувствовала, как он старается не сделать ей больно.

— Закрой глаза, — сказал он, когда вода начала стекать по её лицу. — Чтобы не затекло.

Она зажмурилась, прикрыв глаза ладонью, и чувствовала, как вода стекает по её спине, а его пальцы аккуратно перебирают волосы. Это было непривычно — видеть его в такой роли, стоящим на коленях за её спиной и делающим это так естественно, будто он всегда знал, как заботиться о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.